

ISSN 1728-1938

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2016 * Том 15 * № 1

RUSSIAN SOCIOLOGICAL
REVIEW

2016 * Volume 15 * Issue 1

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ЦЕНТР ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2016
Том 15. № 1

ISSN 1728-1938

Эл. почта: puma7@yandex.ru

Адрес редакции: ул. Петровка, д. 12, оф. 402, Москва 107031

Веб-сайт: sociologica.hse.ru

Тел.: +7-(495)-621-36-59

Редакционная коллегия

Главный редактор

Александр Фридрихович Филиппов

Зам. главного редактора

Марина Геннадиевна Пугачева

Члены редколлегии

Светлана Петровна Баньковская

Андрей Михайлович Корбут

Наиль Галимханович Фархатдинов

Редактор веб-сайта

Наиль Галимханович Фархатдинов

Литературные редакторы

Каринэ Акоповна Щадилова

Перри Франц

Корректор

Инна Евгеньевна Кроль

Верстальщик

Андрей Михайлович Корбут

Международный редакционный совет

Николя Айо (Университет Фрибура, Швейцария)

Джеффри Александер (Йельский университет, США)

Яан Вальсинер (Университет Ольборга, Дания)

Виктор Семенович Вахштайн (РАНХиГС, Россия)

Гэри Дэвид (Университет Бентли, США)

Дмитрий Юрьевич Куракин (НИУ ВШЭ, Россия)

Александр Владимирович Марей (НИУ ВШЭ, Россия)

Питер Мэннинг (Северо-восточный университет, США)

Альбер Ожьеен (Высшая школа социальных наук, Франция)

Энн Уорфилд Роулз (Университет Бентли, США)

Ирина Максимовна Савельева (НИУ ВШЭ, Россия)

Никита Алексеевич Харламов (Университет Ольборга, Дания)

Учредители

- Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
- Александр Фридрихович Филиппов

О журнале

«Социологическое обозрение» — академический рецензируемый журнал теоретических, эмпирических и исторических исследований в социальных науках. Журнал выходит четыре раза в год. В каждом выпуске публикуются оригинальные исследовательские статьи, обзоры и рефераты, переводы современных и классических работ в социологии, политической теории и социальной философии.

Цели

- Поддерживать дискуссии по фундаментальным проблемам социальных наук.
- Способствовать развитию и обогащению теоретического словаря и языка социальных наук через междисциплинарный диалог.
- Формировать корпус образовательных материалов для развития преподавания социальных наук.

Область исследований

Журнал «Социологическое обозрение» приглашает социальных исследователей присыпать статьи, в которых рассматриваются фундаментальные проблемы социальных наук с различных концептуальных и методологических перспектив. Нас интересуют статьи, затрагивающие такие проблемы как социальное действие, социальный порядок, время и пространство, мобильности, власть, нарративы, события и т. д.

В частности, журнал «Социологическое обозрение» публикует статьи по следующим темам:

- Современные и классические социальные теории
- Теории социального порядка и социального действия
- Методология социального исследования
- История социологии
- Русская социальная мысль
- Социология пространства
- Социология мобильности
- Социальное взаимодействие
- Фрейм-анализ
- Этнometодология и конверсационный анализ
- Культурсоциология
- Политическая социология, философия и теория
- Нарративная теория и анализ
- Гуманитарная география и урбанистика

Наша аудитория

Журнал ориентирован на академическую и неакадемическую аудитории, заинтересованные в обсуждении фундаментальных проблем современного общества и социальных наук. Кроме того, публикуемые материалы (в частности, обзоры, рефераты и переводы) будут интересны студентам, преподавателям курсов по социальным наукам и другим ученым, участвующим в образовательном процессе.

Подписка

Журнал является электронным и распространяется бесплатно. Все статьи публикуются в открытом доступе на сайте: <http://sociologica.hse.ru/>. Чтобы получать сообщения о свежих выпусках, подпишитесь на рассылку журнала по адресу: farkhatdinov@gmail.com.

RUSSIAN SOCIOLOGICAL REVIEW

2016
Volume 15. Issue 1

ISSN 1728-1938 Email: puma7@yandex.ru Web-site: sociologica.hse.ru/en
Address: 12 Petrovka str., Room 402, Moscow, Russian Federation 107031 Phone: +7-(495)-621-36-59

Editorial Board

Editor-in-Chief

Alexander F. Filippov

Deputy Editor

Marina Pugacheva

Editorial Board Members

Svetlana Bankovskaya
Nail Farkhatdinov
Andrei Korbut

Internet-Editor

Nail Farkhatdinov

Copy Editors

Karine Schadilova
Perry Franz

Russian Proofreader

Inna Krol

Layout Designer

Andrei Korbut

International Advisory Board

Jeffrey C. Alexander (Yale University, USA)
Gary David (Bentley University, USA)
Nicolas Hayoz (University of Fribourg, Switzerland)
Nikita Kharlamov (Aalborg University, Denmark)
Dmitry Kurakin (HSE, Russian Federation)
Alexander Marey (HSE, Russian Federation)
Peter Manning (Northeastern University, USA)
Albert Ogien (EHESS, France)
Anne W. Rawls (Bentley University, USA)
Irina Saveliyeva (HSE, Russian Federation)
Victor Vakhshstayn (RANEPA, Russian Federation)
Jaan Valsiner (Aalborg University, Denmark)

Establishers

- National Research University Higher School of Economics
- Alexander F. Filippov

About the Journal

The Russian Sociological Review is an academic peer-reviewed journal of theoretical, empirical and historical research in social sciences.

The Russian Sociological Review publishes four issues per year. Each issue includes original research papers, review articles and translations of contemporary and classical works in sociology, political theory and social philosophy.

Aims

- To provide a forum for fundamental issues of social sciences.
- To foster developments in social sciences by enriching theoretical language and vocabulary of social science and encourage a cross-disciplinary dialogue.
- To provide educational materials for the university-based scholars in order to advance teaching in social sciences.

Scope and Topics

The Russian Sociological Review invites scholars from all the social scientific disciplines to submit papers which address the fundamental issues of social sciences from various conceptual and methodological perspectives. Understood broadly the fundamental issues include but not limited to: social action and agency, social order, narrative, space and time, mobilities, power, etc.

The Russian Sociological Review covers the following domains of scholarship:

- Contemporary and classical social theory
- Theories of social order and social action
- Social methodology
- History of sociology
- Russian social theory
- Sociology of space
- Sociology of mobilities
- Social interaction
- Frame analysis
- Ethnomethodology and conversation analysis
- Cultural sociology
- Political sociology, philosophy and theory
- Narrative theory and analysis
- Human geography and urban studies

Our Audience

The Russian Sociological Review aims at both academic and non-academic audiences interested in the fundamental issues of social sciences. Its readership includes both junior and established scholars.

Subscription

The Russian Sociological Review is an open access electronic journal and is available online for free via <http://sociologica.hse.ru/en>.

Содержание

ЭТНОМЕТОДОЛОГИЯ И КОНВЕРС-АНАЛИЗ

- Practices, Processes, and Systems Design: Why Consultants Need to be
“Everyday Ethnographers” 9
Gary C. David, Susan Newell

- Шаблон в структуре действия: электронные медицинские карты
и рутинизация в медицинской практике 34
Андрей Корбут

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Предисловие к публикации «Право на революцию» 54
Алексей Саликов

- Право на революцию. Разговор между профессором Карло Шмидом
и философом Ханной Арендт (1965) 56

- Политика справедливости: о деонтологической этике в японской
политической культуре 75
Валентин Матвеенко

РУССКАЯ АТЛАНТИДА

- Национально-политические взгляды М. П. Драгоманова 1888–1895 гг. 94
Андрей Тесля

СТАТЬИ

- Дискурс природы в молодых городах 112
Наталья Веселкова, Михаил Вандышев, Елена Пряников

ОБЗОРЫ

- Векторы социологии религии в Европейской социологической ассоциации . . 134
Ксения Медведева

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

- «Целый край с людьми, природой и всеми богатствами...» 141
Наталья Веселкова

РЕЦЕНЗИИ

- Исчезающее тело короля: происхождение тюрьмы, уголовного права
и государства 156
Евгений Блинов
- Демократия как ландшафтный дизайн: нефутурологическая книга
о будущем 161
Артур Вафин
- Классика социальной теории спорта по-русски 164
Олег Кильдюшов

IN MEMORIAM

- Бенедикт Андерсон. Национальное, слишком национальное... 171
Светлана Баньковская
- Эконом (Умберто Эко, 1932–2016) 178
Сергей Зенкин

Contents

ETHNOMETHODOLOGY AND CONVERSATION ANALYSIS

- Practices, Processes, and Systems Design: Why Consultants Need to be
“Everyday Ethnographers” 9
Gary C. David, Susan Newell

- A Template in the Structure of Action: Electronic Health Records and
the Routinization of Clinical Practice 34
Andrei Korbut

POLITICAL PHILOSOPHY

- “The Right of Revolution: Conversation between Hannah Arendt and
Carlo Schmid”: Foreword to Russian Translation 54
Alexey Salikov

- The Right of Revolution: A Conversation between Hannah Arendt and
Carlo Schmid. 56
Alexey Salikov (translator)

- The Politics of Justice: The Question of Deontological Ethics in
Political Culture of Japan 75
Valentin A. Matveenko

RUSSIAN ATLANTIS

- The National-Political Views of M. P. Dragomanov in 1888–1895 94
Andrey Teslya

ARTICLES

- The Discourse of Nature in Young Towns 112
Natalya Veselkova, Mikhail Vandyshov, Elena Pryamikova

REVIEWS

- Vectors of the Sociology of Religion in the European Sociological Association . . . 134
Ksenia Medvedeva

REFLECTIONS ON THE BOOK

- “The whole region with people, nature and all the riches...”
(Review: Paul Dukes, *A History of the Urals: Russia’s Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era* [London: Bloomsbury, 2015]) 141
Natalya Veselkova

BOOK REVIEWS

- King’s Vanishing Body: The Origins of Prison, Criminal Law and State
(Review: Michel Foucault, *Théories et institutions pénales: cours au Collège de France, 1971–1972* [Paris: EHESS, Gallimard, Seuil, 2015]) 156
Evgeny Blinov
- Democracy as Landscape Design: Non-Futurologic Book about Future 161
Artur Vafin
- Classics of Social Theory of Sport in Russian 164
Oleg Kildyushov

IN MEMORIAM

- Benedict Anderson. National, All Too National... 171
Svetlana Bankovskaya
- Economist (Umberto Eco, 1932–2016) 178
Sergey Zenkin

Practices, Processes, and Systems Design: Why Consultants Need to be “Everyday Ethnographers”

*Gary C. David**

Associate Professor of Sociology, Department of Sociology, Bentley University
Address: 175 Forest str., Waltham, Massachusetts, USA 02452
E-mail: g david@bentley.edu

Susan Newell

Professor of Information Systems, Department of Business and Management, University of Sussex
Address: Sussex House, Falmer Brighton, United Kingdom BN1 9RH
E-mail: sue.newell@sussex.ac.uk

Enterprise systems (ES) are intended to tie together the various functions of an organization through the integration of information flows, data management, organizational processes, and workplace activities. Compared to legacy systems, which can be siloed in disparate parts of the organization, enterprise systems are meant to be used across the entire ‘enterprise’. The biggest benefits of these systems include businesses achieving greater standardization of work, data management, and having an information system that makes for better decision making and greater responsiveness to changing conditions. As they constitute a fundamental shift in how work is done, ES can be inherently disruptive as the technological landscape of an organization is transformed through the installation of a new information system. This also makes them prone to failure, as the installation of the system is often met with large delays, user resistance, and a failure to integrate with existing work practices. In this paper, we contrast reengineering approaches (i.e. the restructure of work) with implementations in which the technology is fitted more to existing work practices, to achieve more incremental and less disruptive change. We argue that while consultants strongly promote a reengineering-led ES implementation, their adopted methodology for understanding existing business processes is such that they are able to grasp only an idealized view of these processes, often very different from actual practice in any specific context. We propose instead that consultants adopt a practice-based, ethno-methodological approach, essentially becoming *everyday ethnographers*, who can better inform these business, organizational, and managerial decisions.

Keywords: information systems, workplace studies, ethnomethodology, enterprise systems, re-engineering, consultants, business processes

© Gary C. David, 2016

© Susan Newell, 2016

© Centre for Fundamental Sociology, 2016

* Please direct all correspondence to Gary David.

DOI: [10.17323/1728-192X-2016-1-9-33](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-1-9-33)

Introduction

Enterprise systems are technological solutions designed to create an integrated work infrastructure so that an organization's information and "knowledge" is readily available to its employees. Much has been written about the disruption and expense of introducing ES, and about the failure of such systems to live up to their billing in terms of increased savings and productivity, and sometimes even about their complete failure and abandonment. A less developed area of investigation centers on the extent to which ES actually support, or in fact interfere with, activities in the workplace. We focus on this issue in this paper. We develop an analysis of this interference through exploring different rationales for ES implementations: (1) upgrading independent legacy systems in order to better support existing workplace *practices*; or (2) using a new technological system to fundamentally transform (or reengineer) the organizational *processes*. If an organization has the first goal, technology is seen as *facilitating* work by providing better tools to employees. Under the second rationale, technology is seen as *structuring* work by providing a framework through which work gets done.

As we discuss, those involved in ES implementation may conflict over which of these two goals is most appropriate. Here we focus on the difference between consultants brought in to support an ES implementation, and those from the client firm involved in the implementation. Due to their knowledge of the system and prior experience, consultants are frequently in a position to influence the goals of the organization. As we demonstrate, consultants often use this power to promote goals related to organizational transformation and restructuring rather than to facilitate and enable existing work practices. In promoting this goal, consultants are advocating ES implementation process that includes a major reengineering of the business processes. On the other hand, as we also demonstrate, companies are often hesitant to disrupt their current workplace activities, opting for an upgrade in functionality to support workplace practice rather than a radical restructuring. The consultant's view is often assumed to be the legitimate view. However, in this paper we question the consultant's view, exploring how their process-based view of an ES is based on an idealized version of how work is done (*process*) which is very different to how work is accomplished as an on-going, everyday practical achievement (*practice*).

In this paper, then, we critically explore the role of consultants in supporting ES implementations. We argue that their focus in the design of an ES on how processes *should* be undertaken, rather than on how work is *actually* carried out in practice, at least in part explains why many ES fail to live up to their expectations. Furthermore, this paper explores the roots of the divergence between how ES are designed and implemented, and workplace practices. We argue that while consultants strongly promote a reengineering-led ES implementation, their adopted methodology for understanding existing business processes is such that they are able to grasp only an idealized view of these processes, often very different from actual practice in any specific context. We propose instead that consultants adopt a practice-based, ethno-methodological approach, essentially becom-

ing *everyday ethnographers*, who can better inform these business, organizational, and managerial decisions.

Consultant and Client Power Relations

In the course of designing and implementing ES, clients and consultants often need to work together and negotiate what the final system will look like. As with all negotiations, the negotiating partners may begin far apart in terms of their respective visions of what the final outcome should be. The negotiation process also can be impacted by the power and resources that each side brings to the table. Unequal power typically leads to unequal outcomes in terms of one side being able to achieve more of what they want than the other. In terms of the client and consultant relationship, where power actually lies can be counterintuitive. One may assume that since the client is in fact the “customer” paying for the consultant’s services, the client has ultimate power. However, research on the relationship has shown that, for a variety of reasons, the consultants can hold more power in the relationship and, in essence, design the system.

The main reason for consultant power in this relationship is the critical role of the consultant in the implementation of ES. As Steve Bender, a supply side chain manager for Toshiba, observes, “You can have the best package in the world, but if you can’t get it implemented, it won’t do you much good” (Michel, 1998: 44). Since consultants are (ideally) experienced with the package being implemented, they are vital in helping a company to get the system running and people using it. However, their role is not limited to technological expertise in terms of the functionality of the system. A fundamental, and not completely understood, aspect of consultant work is the way in which consultants are able to *construct* the nature of “problems” or “challenges” present in the organizations, and how the system will “solve” these problems. In other words, the technological expertise of consultants allows them to manage and administer more than just the technology itself. It allows them to construct, manage and administer the setting itself.

In order for a consultant to be seen as reliable and knowledgeable, the consultant needs to convey competence and expertise. Accordingly, drawing from the work of sociologist Erving Goffman (1959), Clark and Salaman (1998: 18) assert that the most important part of the consultant’s job is “impression management”:

[T]he art of impression management (i.e., the manipulation and regulation of images relating to client perceptions of the service delivered) is at the core of consultancy work. Indeed the rationale for management consultants existing and their economic success are dependent upon the extent to which they can make credible (i.e., project) to clients their claim to offer something special, i.e., a high-quality service which can be valued.

According to Clark and Salaman much of the power inherent in a consultant’s work does not derive from their knowledge and expertise per se, but also from their ability to *convey* that they have knowledge and expertise. Thus, consultants must behave like consultants,

and in doing so create a situation where they are believable as consultants. By being “believable,” consultants are also able to construct what is seen as a legitimate representation of the workplace, the problems and issues that the organization is facing, and the ways in which technological systems can address those problems and issues. In other words, “style” can be more important than “substance” at least initially in the relationship (Alvesson, 2001).

Jones (2003: 282) observes that consultant expertise “may be seen as created in the interaction of client and consultant, drawing on a system of elements, including technical knowledge, skilled practice, individual and collective experience, and commercial interests.” The work of consultants, like all work, is a social achievement, enacted in and through their encounters and interactions in the workplace. Consultants, often positioned between vendors and clients, are in an influential position to mediate the system and its requirements to the client, with the potential to create the system and its implementation in their own image (see Haines, Goodhue, 2003). In this way, the consultant as “outsider” can dictate to “insiders” what they should do.

In their examination of how IT consultants can exercise power in the course of their work, Bloomfield and Best (1992: 542) assert that it is necessary for “IT consultants to represent or stand-in for technology (both hardware and software), to say what is and isn’t technically possible and thus, implicitly, what is technical and what is social.” Their power comes from the knowledge differential between the consultant and the client. The consultant is paid for his or her expertise, and is expected to know more than the client. By virtue of being the “knower,” the consultant is already in a position to tell the client what needs to be done and how to do it. The client, on the other hand, is beholden in this relationship to the consultant to lead the way.

Bloomfield and Best’s study is based on Callon’s (1986) and Latour’s (1987) sociology of translation, which examines how one agent is able to translate his or her own interest to another agent, and thereby convince the other agent to follow a course of action. Upon entering an organizational setting, consultants are in a position to assess and recommend based on their judgment as experts. The final step in translation is to convince the client that the recommended course of action is the best course of action, and that it is in the best interests of the organization.

Consultants can be seen as cognizant of the necessity to manage their image in such a way as to convey authority and knowledge. Likewise, clients are aware of their position as clients in need of assistance. Thus, each has a role in the relationship: one to advise and one to consent. The question can then be asked, “what is the origin of the advice?” More specifically, is the advice given by consultants based on what they have observed in the organizational setting itself, or is it based on their concept of what organizations should ultimately look like? Put differently, are designs and implementations being done to augment existing workplace practices or to completely reconfigure (or reengineer) them with no regard to what currently exists? This is a critical question, as the answer could have a tremendous impact on the level to which systems are adopted and used by workers, ultimately contributing to productivity, satisfaction, and recouping the original

expenditure to implement the system. We consider this question next by exploring the distinction between work processes and work practices.

Business Processes and Workplace Practices

Business processes and *workplace practices* are two concepts that frequently are treated synonymously. Typically, these terms are used to describe what occurs in the workplace regarding how work is accomplished. There are, however, critical differences between the two, especially when developing ES meant to integrate the workplace. *Process* refers to a generalized sense of how work gets done in an organization based upon rules, methodologies, standardized protocols, or other sets of explicit instructions meant to provide structure regarding how people should do their jobs. *Practice*, on the other hand, refers to the ways in which work is actually accomplished on a daily basis as an on-going emergent accomplishment. Both obviously are important to accomplishing organizational goals, whatever those goals might be. Furthermore, by raising this distinction between process and practice, we do not mean to assert that one is more important than the other. Rather, by making this distinction we want to draw attention to the roles that process and practice play not only in how work is done, but how both need to be understood in order to develop work-based technological systems.

For the most part, consultants focus on processes rather than practices—idealized models of how work “should” be done to optimize efficiency (Ciborra and associates, 2000). This is epitomized in the “best practice” ES industry models which are essentially idealized models of fulfilling each business process in any given industry. Systems are built with an emphasis on process, with the “best” processes derived from an “objective” reengineering effort (Hammer, Champy, 1993) which ignores all current practices, starting with a blank sheet to determine optimal processes for a whole industry. Rules and methodologies become enshrined in these systems and workers become accountable to them. Whether described as processes, models, plans, protocols, “best practices” or methodologies, collectively these terms stand for a set of standardized and generalizable approaches within an organization that are codified and explicitly stated (Dant, Francis, 1998).

Plans and processes are the broad strokes or general parameters within which organizational activities are expected to take place. For workers, they provide a referent to their place in the organization and awareness of the workflows and expectations not only of themselves but of all others in the organization as well. For managers, plans and processes provide a view of organizational activity and a framework by which progress and success can be judged. Overall, plans and processes can be used as an orientation tool or roadmap to guide persons and situate the organization (Lynch, 2002).

The problem is that the models and frameworks used by consultants to design work processes in an ES implementation are not based on any direct observation of work practices but rather involve a respecification of ordinary activities into generalized categories and theoretical frameworks based on an idealized view of the world. This serves

to obscure the practices that are the foundation of social order. Ciborra and associates (2000: 27) note that researchers who focus only on the abstract concepts in a model “remain blind to the blurred reality of connections that any, even “light” ethnographic study would present them.” In order to understand the nature of the social order in any localized setting, it is imperative to witness the activities that make the setting possible and recognizable as such. Ciborra refers to this as the superstructure—“the lifeworld and the immediate evidence of our lived experience” (Ciborra and associates, 2000: 28).

This means that in order to understand how work gets done, attention needs to be directed to everyday mundane activities in the workplace (or workplace *practices*). Even though workplace practices are important to any study of work, they have not received much attention (Sharrock, Anderson, 1986). While work as a *topic* has been studied, work as a *practice* has not. This is true both in the academic literature and in consulting practice. This means that consultants pay little attention to the actual ways in which work is done as a practical, everyday embodied achievement. Barley (1996: xi) goes so far as to say that “work has become invisible.” In its place are descriptions, surveys, or narratives regarding what work is thought to be. Even those engaged in work may be unable to explicitly describe the detail of their tasks. Part of this is due to the fact that much of our work, in its repetitive nature, approaches the level of the mundane, taken-for-granted, and for those who perform the work, generally uninteresting. As a result, any description is potentially lacking.

If it is difficult for workers to describe what it is they do, then managers face an even greater challenge. Managers may be well versed in organizational processes, and their reliance on plans and processes reflects a preoccupation with trying to develop rational systems of operation in the workplace (Dant, Francis, 1998) that they can control (Ciborra, 1996). Processes create a series of steps that can be controlled and monitored and against which people can be held accountable, creating a sense of managed predictability. However, despite a thorough knowledge of processes, managers are not necessarily in touch with workplace practices (Colclough, Tolbert, 1992). Furthermore, since managers are more knowledgeable of processes, they often rely on them as complete accounts of work. “[Abstract characterizations of ordering structures of work] are not necessarily wrong but fail to appreciate, take for granted, and in other ways ignore the real world, real time ways in which an organization’s staff comes to comply with rules and procedures” (Crabtree, 2001: 9). Thus, relying on narrative descriptions of workplace practices, be it from managers, workers, or consultants, does not provide an adequate understanding of the embodied coordinated action of workers in the workplace. A focus on actual practice, demonstrates that the plans for an information system implementation, for example, often do not match the reality. Ciborra (1996) refers to this as “technology drifting.”

This shows the potential problems inherent in building technological systems based solely (or primarily) on organizational processes. More specifically, as a result of practices (or how work gets done on a daily basis) being superseded by processes, workplace practices are disrupted and systems meant to improve work can have the opposite effect. Brown and Duguid (2002: 69) summarize this point:

First, many of the difficulties reflect a misunderstanding of office work, which is too easily painted as information handling . . . Second, bold predictions about the spread of hot desking and electronic cottages may also ignore the frailty of technological systems. . . . And third, by overlooking both the social aspects of work and the frailty of technology, a design that attempts to replace conventional work systems may often merely displace the burdens of work.

In general, technological systems can be “frail” in terms of being able to support the social aspects of work that occur on a daily basis, and in essence form the information and knowledge backbone of the organization. The fact that the social aspects of work and the limitations of technological systems are ignored in the design of information systems leads to systems that are themselves limited and counterproductive (Orlikowski, 1991).

The way in which process-based systems, like ES, can disrupt work practice is rooted in worker accountability to these systems. “Accountability means just that we hold each other responsible for the intelligibility of our actions in relation to the circumstances at hand” (Suchman, Trigg, Blomberg 2002: 164). Because mutual intelligibility and the foundation of social order rests on the ability of people to meet the jointly shared expectations regarding what people “do” in a setting, people need to be held accountable for any digression or failure to meet these expectations. In such an event, people have to “account for” their behavior in terms of why they failed to enact the appropriate processes (Koskinen, 2000a). In other words, processes and the associated procedures and plans specified by managers are often seen as the accountability structures for workers, to which they must conform. Of course, it is not that managers are in a position to actively monitor the minutiae of workers’ daily activities. Managers traditionally have had to rely on reports to gauge the extent to which workers are following the workplace protocols and procedures. It is then important for workers to be able to produce reports and records that demonstrated their following of the protocols and processes of the workplace, regardless of whether the protocols are in fact explicitly followed.

In fact, research on workplace practice has shown that rather than following explicit processes, workers often accomplish their tasks via routes that have emerged from the setting in which they occur. Koskinen (2000b: 7) also observes, “Even in highly standardized environments, people surprise.” He adds, “People are not ‘cultural dopes,’ run by drives, structures or meanings from behind their back; rather, they are reasoning, watchful creatures who are doing their tasks in contexts of their own creation” (p. 4). This means that the *practices* used by workers to accomplish their work can diverge from the *processes* of the workplace. While workers are accountable to the processes, they are accountable to the production of structures that recognizably show they are following “the rules.” This leaves room for workers to use *ad hoc* ways of actually accomplishing their tasks that may be outside of the protocols, processes, and procedures (Orlikowski, 1996).

A potential problem emerges when workers are held accountable to technological systems in terms of how they do their work, or more specifically whether they follow the organizational protocols. Technologically-based accountability creates a higher-order

level of organizational accountability. The system cannot be negotiated with, and does not recognize abstract situational contingencies that often arise in the workplace. Workers are then expected to follow a restrictive algorithm in which they cannot use *ad hoc* practices to successfully accomplish their tasks. This means that in order to have systems that compliment rather than impede work, it is vital to design systems that are built in some respect around workplace practices, and to recognize how processes and practices figure into organizational activity.

The issues raised in the preceding sections suggest that there are a number of possible options and outcomes in the planning, design, and implementation of a workplace technological system. In particular, there is the option of whether the project will involve the implementation of a model-based (or “best practice”) system versus something built around the situated context of practices in the targeted workplace. In other words, what choices are made about the level of configurability and customization of the system? There is also the question of whether there are differences between stakeholder groups (in particular between consultants and firm representatives involved in the implementation) in terms of these preferences; is the system meant to be part of a reengineering process or is it meant to support and improve existing organizational activities without substantial transformation? The decisions made regarding these options will have a tremendous impact on the final product and its effect on the workplace. We explore these questions using empirical data collected from a variety of sources.

Methodology

We explore the topic of this paper through two case studies. In the first case study, we investigated the experiences of ES consultants ($N=10$) who work in a large consultancy firm (hereafter called XYZ). Each consultant had been involved in many external ES implementations. We decided to consider this broader experience of consultants because consultants have wide-ranging involvement in a variety of companies which are likely to approach their ES adoptions very differently. We would have to conduct many case studies in different organizations to gain access to the type of diversity in ES implementations that we were looking for. As this was an exploratory study, a series of open-ended questions were asked of each consultant, which was then followed by less systematic probing questions. This provided a corpus of rich, qualitative data rather than quantitative data, which could have been collected by a survey instrument. In addition to these interviews we collected documents related to XYZ’s implementation methodology. The purpose of collecting data from multiple sources was to enrich the depth of the study, and to triangulate the data to ensure the validity and reliability of the findings (Denzin, 1989).

To get a sense of the implementation from a client’s perspective, we also examined a small distributor of office furniture, which was in the process of implementing an ES system. The company (hereafter called Furniture Co.) has 320 employees distributed throughout 7 sites in New England. While Furniture Co. is small, it serves as a distributor for a major furniture company who had over \$2 billion in sales in 2001, with locations

around the globe. While existing as a separate entity, it is closely intertwined with the business process of the major manufacturer. Our study of Furniture Co. involved discussions with the CIO and other managers ($N=3$) principally involved in the system implementation. The study of Furniture Co., in its initial stages, involved conversations with the team ($N=5$) charged with the company's readiness assessment and compiling an inventory of workplace practices, as well as the examination of documents associated with the overall process, from planning to implementation. This case was interpretative in the sense that the aim was to produce "an understanding of the context of the information systems, and the process whereby the information system influences and is influenced by its context" (Walsham, 1993: 4–5).

Competing Client and Consultant Perspectives

The central points that we wish to illustrate with our consultant empirical data are that consultants believe that ES implementations should be used as opportunities for radically reengineering business processes, despite the fact that their clients often oppose this; and that the reengineering that they propose is not based on any study of actual work practice. We use supplementary data from the Furniture Co. case to illustrate the same points but from the perspective of the client rather than the consultant. The Furniture Co. case provides a practical illustration of why consultants' claim that reengineering is always necessary is over-stated. In this case, Furniture Co. dismissed the claim of the consultants that an ES represented "best practice." They realized that implementing the ES that their key customer wanted them to, would mean that they would have to radically reengineer their processes, and they believed that this would impede workplace practices and hurt productivity (as well as morale). They opted instead to work with a different vendor to develop a tool to support their existing work practice; this was very successful, although not without its own headaches.

Case One: Consultant Vision and Reengnining as Priority

Among the consultants interviewed, there was general agreement that some degree of re-engineering is essential in an ES implementation in order to achieve the transformational potential. There was the sense that part of being a good consultant is emphasizing the reengineering aspect of an implementation. Technology is seen as both the opportunity for and the vehicle of this transformation.

That's the intent [to get them to reengineer upfront]. To fully utilize the SAP functionality, which is a totally integrated system. To fully utilize the functionality of SAP. And often part of using that means making changes as you know which is why we strongly recommend to try and help facilitate making those changes.

(XYZ consultant)

We see here that to get the most out of the system, the consultant emphasizes that a company *must* enter on a course to reengineer their business processes. The implication is that which defines a “successful” implementation is not just whether the system is functional, but that the end result is a transformation of the organization’s processes. The larger goal for the consultant is to initiate and bring about a total transformation. Most of the consultants we interviewed made similar comments. Their rationale was that, given the high costs of ES implementations, they need to promote at least some level of transformation to support the expenditures and the time necessary for the implementation.

Improved functionality goes beyond the user experience and use. In fact, user experience is only measured in terms of the extent to which the technology leads the user to follow a certain process. This is made clear by the extent to which costs meant for “people issues” are cut in lieu of increased expenditures for “IT issues,” as indicated in this interview with a consultant:

Second Interviewer: XXXX, if I were to summarize what you said, briefly, it sounds to me like there are a whole lot of people issues, but that the IT issues continually take precedence over those people issues.

Respondent: Yes, because they are more urgent. You can solve the people issues as you go, or theoretically as you go, but you can’t solve the IT issues as you go. You need to solve them right now because they stop us.

“People issues,” such as training, frequently are seen as things that can solve themselves through people’s exposure and repeated use of the system. This is not to say that training is not seen as important or vital to success. The point is that technological (or more specifically IT issues) are given prominence in terms of how resources should be distributed. It is interesting to see that IT issues are seen as something that can stop a project, while people issues are not. This means that a project can meet its IT benchmarks and be seen to be on track, while “people benchmarks” can be lagging.

Resistance from users and management to the consultant’s plans is the greatest obstacle in their work. A lot of their time may be devoted to convincing both groups of their vision. It therefore is interesting to hear from consultants that employees that are newer to the organization (and often younger) are easier to work with because they are not invested in the pre-existing legacy systems:

Second Interviewer: Do you find it generally easier if people don’t have an idea and you can train them versus having some idea that’s mistaken . . .

Respondent (JM): Well, you know, it’s interesting you ask that because one of the easiest implementations we had was with one company. And understand the profile of the customer in the company is *critical* in terms of going in and preparing. And one of the things we found was, we were very very nervous initially because the profile of the people who were going live with SAP was about a year or two experience out of school. No SAP experience. And we were really concerned about it. The more we thought about it, the more we put the plan together, we realized this

is going to be the easiest implementation we've ever done. They don't go in there with any predetermined way they want to do it. They found it exciting. The thought that they were actually learning something called SAP . . . it was one of the easiest implementations because they had no knowledge of SAP and very little business experience. Now there were other challenges associated with that but that was one of the easiest ones.

This speaks to the degree to which consultants can "guide" a client through the implementation process according to the vision of the consultant. Workers who have already developed a sense of how their work is done, and how tools should function in pursuit of accomplishing that work, generally are more resistant to "outsiders" coming in and dictating the implementation of new technology. Employees who are not vested in well-developed localized workplace practices are more amenable to the introduction of new ways of doing work. In a sense, newer (and younger) workers do not know any better than what the consultant is presenting. This provides the consultant with leverage to implement "best practice" technology that may not match local practice.

One consultant interviewed termed the desire to continue to do things the way they have been done as "legacy thinking":

But I think actually most of that was really to do with legacy thinking. You know, thinking in the way in which they were doing the work before and not really being able to see how this should be working in the future. Because the reality is that once we've deployed the system the problems that they thought they might have were nothing like the problems they actually got. And in many ways I think the exploitation of the system is yet to be fulfilled. So the system's starting to get there but there's no [trick to] getting there from a really truly planned exploitation and that's sort of the current.

(Respondent DH)

This consultant demonstrates user hesitancy around implementations because of the fear of massive disruption to how they currently work. While ES often promises more streamlined performance and greater productivity, as the consultant comments, "the problems that they thought they might have were nothing like the problems that they actually got." Much like any other tool, to be productive it must be integrated into the workplace on the terms of those who are going to use it. As a result, massive broad-based changes to the workplace environment will undoubtedly cause some (perhaps massive) disruption. In a fast-paced business environment in which experienced workers have developed their own unique sets of tacit knowledge and practical work-arounds, any disruption can be highly troublesome. However, as we have already seen, the "soft" issues of training and gaining user commitment to ES are often seen to be less important than the "hard" technical issue of getting a functioning IT system.

The extent to which consultants are not willing to entertain worker (and management) inputs is clear in descriptions of how consultants initially engage organization personnel in discussing with them the system to be implemented. Consultants relate that the

first step is to examine how things function “as-is.” This is done in a variety of ways, but predominantly through an examination of the current existing process as laid out in organizational methodologies. This is compared to what is “to-be,” or what the system once implemented will look like. The “gap” between the two is then examined in terms of what the transition is to be. The extensive illustration below from one consultant demonstrates this:

Respondent (PM): We kicked off in Jan 2000 and with a session called “fit-gap.” We brought together a representative sample from around the world into a large conference room and we walked them through screen by screen the application and we challenged them to accept it “as is,” out of the box. There was a lot of discussion during the week long meeting. At the end we had fundamentally work-flowed how these people did their job. As an aside, there is an interesting difference between the process documents, how they say the job is done, and the people at the keyboard actually doing the job. They don’t match. You get very clever people who learn their own short-cuts and unless you are a practitioner you don’t learn these things. At the end of the week we had identified the differences between the way they wanted to do their job and how the tool enabled them to do their job. They came out with six hundred-plus requirements for customization and in the first release which we launched in April 2000 we enabled eight customizations and we said we were not doing the rest of these six hundred. The rationale was to keep as close to out-of-the-box as possible. We were really striving to minimize the number of customizations that had to be made to the application. The process by itself ought to survive any application, and it is really a matter of different work habits. For example, if, in the legacy system, a person could type the address on the same page as the name was typed, the new tool might not support this but it does not affect the process. A person ought to be able to adapt to these minor modifications. The things that we did accept were, for example, if the application said “client name” and we use “customer name.” Those were the adaptations we made just to be able to smooth the nomenclature and terminology. Was this accepted? Grudgingly. The executives accepted it much more readily than the users do. We tolerate a fair amount of complaints (laughs).

There is much in this comment that speaks to the larger point of this paper. First, personnel are brought in from all over the world basically to accept the program “as-is” or “out-of-the-box.” “Vanilla” implementations generally are encouraged by consultants because of their belief that the ES system truly represents a “best practice” model of how work should be done in an organization. By pushing the system as it is, the consultants are also pushing the best practice model that the system is built on. This gets back to the belief that ES systems are not simply technical tools but transformational ones.

A second important point in this quote is the realization that the processes of an organization do not necessarily match the practices of the employees. However, it is interesting how these divergences are treated. As the consultant relates, the workers who were brought in from all over the world recommended over six hundred customizations to the system. In the end, only eight recommendations were enabled. Modifications that were

made were nominal. As the consultant stated, “We were really striving to minimize the number of customizations that had to be made to the application. The process by itself ought to survive any application, and it is really a matter of different work habits.” The “different work habits” are clearly minimized in lieu of “the process by itself.” This gets to the crux of the matter: legacy systems generally are more flexible in terms of how workers can adapt them to suit their own local workplace practices. ES, on the other hand, are not. When flexibility is lost in the technical system, it is expected to be taken up by the workers in terms of adapting to the new system.

The theme of “no customization” was widely shared by the consultants interviewed, as was the expectation that workers need to adapt their practices to the technology, rather than the technology to the practice. The following comments by another consultant show how consultants actively work at convincing organizations and workers to adopt the standard system:

First Interviewer: Now in doing that does that mean that they take the (standard) system and then they configure it to suit the processes as they almost exist currently in their organization?

Respondent (JM): They try to do that. But if we’re doing our job as consultants we try very hard to not let that happen because I’m sure if you’ve worked with SAP, SAP 101, the first thing you say to a customer or client if they know nothing about SAP, (which is almost everyone when we start) was: you do not change SAP to meet your requirements and your processes. You don’t do that. SAP is going to help you by going in and looking at your processes and we are going to reengineer your processes for you. You are not going to change SAP. And that’s, as you know, that’s typically the approach.

Clearly, “our job as consultants” is to minimize any attempt at modification of the standard system. The consultant goes so far as to say, “You do not change SAP to meet your requirements and your processes. . . . SAP is going to help you by going in and look at your processes and we are going to reengineer your processes for you.”

From this it is clear that while reengineering is a high priority among consultants, it is not a high priority among companies, many of whom attempt to avoid reengineering as much as possible. This tension is demonstrated in the following two consultant comments:

I mentioned earlier a lot of times reengineering and best practices are not always the focal point. They really are not. *As much as we would like them to be and we try to drive that, a lot of the time they’re not.* So they’ll look at what standard SAP provides. They’ll look at what they have today. And try to go through as little change as possible and that’s the way I can describe it. And we, as consultants and as advisors, our challenge is to get them to understand that the answer is not as little change as possible. The answer is take advantage of the opportunity to improve what you have, to reengineer if that’s what you’re invested in. *Quite frankly that’s not always the case. Human nature—as you know probably better than I do—doesn’t want to*

change. They say, I want to stay with what I have and what's the least painful way that I can do this (emphasis added).

In ES implementations the word reengineering is sometimes overused. *Because quite often with all good intentions and all good advice from very good consultants, companies typically reject the time and all the dynamics associated with a major re-engineering effort.* What they say instead is here's what I have today. I know you're asking me, I know my company wants you to do this SAP implementation. I want to go through with as the minimal amount of change as I can. I don't want to do any reengineering if I don't have to. And just make sure you give me what I have today only you think you can do it better with SAP. That's more often than not the way these evolve (emphasis added).

Despite the best efforts of the consultant at reengineering, and the potential backing of high-level management, workers themselves are often hesitant to reengineer.

The hesitancy to reengineer was prominent with managers at Furniture Co. Furniture Co.'s primary supplier was implementing a system that was meant to transform the company's sites (as well as distributors' like Furniture Co.) into an integrated network. This would mean that Furniture Co. would have to radically alter their processes to fit the new systems design offered by the supplier. However, the major sentiment at Furniture Co. was that they did not want the system to impose this level of change on the organization. While they recognized the need for a new system, the primary aim for this system was to increase the functionality offered by the current legacy system, and through this new system gain efficiency and cut costs. Some organizational transformation was expected; but the pace of change was to be incremental.

Rather than having the technology drive the business process; they wanted the business process to drive the technology. This put Furniture Co. in a situation of going out on their own to develop their own system from another vendor. They did this so they could have more control over the project and the final outcome, which was intended to support the practices they already had in place. In the course of selecting their own vendor, they were able to weigh their desires for incremental change and limited reengineering. This would be a greater challenge than originally thought.

A Practice-based Approach to Systems Design

Furniture Co. chose a small-scale vendor that wanted to use Furniture Co.'s system as an avenue to break into the furniture distributor market. Furthermore, since Furniture Co. is well-known in the world of office furniture, their recommendation regarding satisfaction would go a long way in helping the vendor establish themselves. This meant that the vendor was in a position to please the client, giving the client a good measure of control over the relationship. This is an important difference in other client/vendor relationships where the vendor usually holds the majority of the control. Since control was held by the client, this affected the dynamics of the relationship, and allowed the client to exercise more authority.

As part of their engagement with the vendor, Furniture Co. embarked on a readiness assessment where they documented all workplace activities, including reports generated, databases used, technological systems, and any other artifacts of the environment. The readiness assessment team was composed of five employees whose job it was to understand all workplace practices. A site was established at the distribution warehouse for the team to map the workplace practices and business processes. A final report was produced with all of this information which was to be used as the basis for the systems design. The management of Furniture Co. assumed change would emerge from their better understanding of their own workplace practices and the implementation of this new system.

Despite the proactive efforts of Furniture Co., major problems emerged with the vendor who, rather than build a system to their specifications, built a system around an idealized sense of what their processes *should be* rather than what the practices actually were. The consultant, acting on behalf of the vendor, attempted (in the words of the management team) to “ram” the system into the organization. However, the consultant did not have an adequate understanding of the company or the company’s work. This was a constant theme in discussions with Furniture Co. personnel, as seen in the comments of one of Furniture Co.’s top managers:

[W]e had spent 15 years developing something that is successful to become the number one dealer in this industry, we must have done something right. Give us credit for doing something right, and they come in [and] you have to place orders a certain way, so we have to change the way we do business and it will cost us to do that. Then where is the benefit in a small business to do that?

For this manager, it makes no sense to have consultants come in and dictate how they should do their work, especially given how successful they have been in building their business over the last 15 years. Furthermore, he acknowledges that a shift from how the organization does its work “will cost us.” While Furniture Co. could see the immediate benefits of better functionality, there was no desire to have consultants, or the system, dictate the specifics of how their work should be done.

A common refrain among the consultants interviewed was that workers frequently are resistant to change in terms of the impact that the ES systems will have on their job. In our conversations with the lead consultant at Furniture Co., he made the same point *except* his comments were directed at the consultants in his own company. As he states here, many people at his company are similarly resistance to change their product to suit the client:

Interviewer: When you think that your way is the best, then you really have to learn their culture to appreciate that, there is a difference and that difference is important. What they do and how they do it is important and you have to judge what they do and learn it.

Consultant: We have a lot of people at (our vendor company) that think, well this is the way it works and this is the way that you have to use it and we always have argu-

ments about that because we could make it better. Just because this is the way it was in the past and is [now], doesn't mean that it has to carry on that way. Sometimes people don't want to make change unfortunately.

The last sentiments of “Sometimes people don’t want to make change unfortunately” are very similar to what consultants have said about workers and management. In this instance, however, the consultant notes that the resistance to change in his own company meant that the project with Furniture Co. was being delayed and becoming increasingly problematic. The people at the vendor company believe that the standard system being offered should suffice to support the operations at Furniture Co.

Interestingly, the lead consultant with Furniture Co. was originally of the same opinion in terms of believing the standard system represented “best practices” that should be adopted by Furniture Co. However, in the course of the interview with him, he made this comment regarding “learning the business”:

Interviewer: One of the things that you mentioned when you were learning about the furniture industry, is how steep has your learning curve been since you have been involved in this project. How well do you know how the intricacies of the furniture industry work?

Consultant: When I first came onto this project, my main focus had always been the supply side and I was forced to learn the furniture side, I didn’t really know much about the furniture side of the business. But Xxx knew and since working with him, I have learned quite a bit. I think that was good because before that I was prejudiced; saying “well, this is how I know this needs to be and this is how you need to do it.” I could see where our system was hindering them in certain areas; that we needed to make changes so that they could use it more efficiently.

The consultant comments on his new-found ability to take the perspective of Furniture Co. in terms of viewing the system and its limitations. It is interesting to hear him frame his former mindset as “prejudiced.” We see here the transformation of power relations from the consultant dictating how a system is going to be, to the consultant partnering with the client in terms of working out the specifics of the system.

Thus, client and vendor are able to more cooperatively achieve a negotiated design. It needs to be noted that the person interviewed was not the original consultant involved in the project. The original consultant was dismissed by Furniture Co. because of his inability to work with the company’s management, and the problems that ensued with the original roll-out of the vendor system, as illustrated by the comments of the CIO:

It is a partnership. When I got into this, we went in as a partnership. What really bothered me, and I took it to heart, was when they started nickel and diming for tiny things, like you didn’t specify or use, with an X. I said give me a break. I didn’t know your software had multiple places that you could access that information. Well, are we going to want that? And I said that is not fair. I could never know what I know today. We would still be negotiating the contract and I don’t think we would

want to be in that position because it would never have gotten signed, so let's work together on this. And I had to concede. I had to concede on quite a few things.

The client and vendor began to “work together on this” because of the mutually dependent relationship. The vendor was trying to develop a system to sell within the furniture industry. The client needed a system to comply with their manufacturer. The initial problems with the vendor stemmed from their unwillingness to make adjustments to the system that were considered by the client to be “commonsense” to anyone who “knew the business.” One major example of the problematic relationship was the “bug list.” The people at Furniture Co. gave a huge list of “bugs” that were interfering with the proper running of the system, making it difficult for people to do their work. However, the vendor classified “bugs” as “enhancements,” meaning that it would cost Furniture Co. extra for the vendor to address it. If the issue is classified as a bug, then it is covered under the current contract and would not cost extra. The constant battles over “bugs” and “enhancements,” “practice” and “process,” demonstrates how issues of power and knowledge function in this client/vendor relationship.

The new lead consultant was lauded by the same management for his willingness to work with, learn from, and in many instances advocate for Furniture Co. This transformed what was a shared dependency to a willingness to work together constructively. The client brought with them an in-depth understanding of how their work gets done. The consultant brought with him an understanding of the system, how it works, and how it could be changed. Together, they were able to embark on a design that is a hybrid of industry-wide “best practice” and organizational-wide “local practice.” This system was meant to be flexible and adaptable to the local contingencies that had emerged over time in the context of Furniture Co., as demonstrated by the CIO:

There was a place where the user interface on that software was simple. It was logical, it made sense, it flowed, and the other one was rigid. One was a business process and one was a tool, and the one we selected was a tool, with parameters you could set, however you wanted to use them. The other software just dictated your business, and that was very clear to me up front.

This shows her orientation to technology as a tool, rather than technology as a determinant. Already comfortable with their business processes, Furniture Co. saw no reason to dramatically reengineer. A major point of the new system was to allow for increased functionality and a new level of integration of information across the organization. They were not looking for the system to determine how their business would run. On the contrary, they were looking for the system to help them run their organization in the way they wanted, and that was based on how work already got done.

This philosophy extended to how Furniture Co. treated its offices distributed throughout New England. When ES systems are implemented, there is a tendency to make all distributed sites use the same standard system. This approach can prove quite problematic when considering global companies that have sites around the world with very different

business and workplace practices. The same can be true for a relatively small furniture distribution company:

Interviewer: Was the goal to get their processes to be common or . . . ?

CIO: Yes, in common for however it made sense and commonality in the accounting process. Accounting is accounting, and it is a PAR and now we do it the same, but now customer service and selling and business, that is a little different. Our customer service people in Boston don't have [inaudible]. There customer service people there [inaudible]. There are differences. We have a much bigger warehouse, bigger crew, more trucks, and they don't have all their own installers. So the processes had to be a little bit different. We have a Rhode Island office that doesn't have any of their own installers, so the paperwork is different. We send it all out and have to figure out how that will take place.

Interviewer: You have to take care of processes. Do you have different processes for New England?

CIO: It is all in one book, but they follow different processes.

This was part of a larger conversation regarding how the system would have to be adapted to the local contingencies of workplace practice. As the CIO indicates, some workplace practices generally are standard, and therefore having a standardized system is not particularly problematic. At the same time, other areas can be different, and there needs to be flexibility in the system.

It is the acknowledgement of the divergences in workplace practice, and the insistence on a system that can respond to these divergences, that led to the relatively successful integration of the system into Furniture Co. The biggest issue was getting the vendor to comply with the wishes of the company. The second biggest problem involved training company personnel on the system. Here again, the original representative from the vendor company was seen to be woefully inadequate. As a result, Furniture Co. took over the training process, developing their own materials and tutorials for how to use the system. Furniture Co. personnel even ran the training program. This level of ownership from management to workers allowed for a broader level of buy-in regarding the use of the system. Of course, this does not mean to say that the integration was seamless and non-problematic in terms of people getting used to the system. However, it does demonstrate how attention to the contingencies of localized workplace practice in the development of the system can facilitate the integration of the system to support activities of the organization.

Discussion

XYZ consultants embark with their clients on a process of examining “business processes” prior to a system implementation. The level of analysis is restricted to discussions of methodologies, workflows, and narrative accounts of worker responsibilities. These are

taken to be a representation of how work actually gets done. In doing this they ignore any local perspective of daily work practice; indeed as we have seen, they dismiss these “different work habits” as idiosyncrasies that need to be eradicated. Crabtree (2003) notes that this loss of a local perspective can be the first misstep in the development of systems. Lucy Suchman, in her seminal work *Plans and Situated Actions* (1987), also pointed out the limitations of trying to develop systems based on theoretical accounts and models of how work is done (or *plans*) versus a detailed understanding of how technology is actually used as an artifact of the workplace (or *situated actions*). Formal models of action viewed through a formal analytic and interpretive lens (see Garfinkel, Sacks, 1969) invariably lose the phenomenon itself. Her findings indicate that by keeping the level of analysis at observable behavior and practice, rather than abstract notions of process, systems can be better designed to perform their role.

Scapens (1984, 1994) makes a similar observation in his survey of management accounting research. He found that “There was a clear gap between the theoretical material in textbooks, which was intended to show practitioners how management accounting should be done, and the actual practices of management accountants in both U.K. and U.S. companies” (1994: 301–2). Rather than trying to go “by the book,” Scapens “encourages researchers to look seriously at the nature of all management accounting practices, and not to dismiss those practices which do not conform to some theoretical ideal” (p. 301). In fact, the actual practices exhibited in the course of daily work should be the basis for developing “rules” of work. In this way, practices inform rules rather than rules (or in the scope of this paper “process”) informing practices (Ciborra and associates, 2000). This was indeed what Furniture Co. attempted to do in designing their ES.

These comments about the need to look at practice (rather than process or abstract models) have been aimed at academic researchers. We suggest that the same criticisms and the same need to focus on practice can be aimed at ES consultants. When consultants adopt and endorse an overly cognitivistic and computational model of workplace processes and then distill this view into a technological system, social elements of work are potentially lost. As a result, the launching of a new system meant to improve productivity and work can in fact have the opposite effect. This is because rule-based, or “best practice,” derived systems fail due to a “one size fits all” or “vanilla” approach that dictates a common set of procedures across companies with little regard for the actual organizational context (Caraynnis, 1999: 220). Part of this is attributable to the disruption in the communities of practices as they are expected to reorganize (or reengineer) their activities to the new technology and to accountability structures that allow for less flexibility. Furthermore, information and meaning can be lost, as can the social context from which the changes are derived. Brown and Duguid (2002: xvi) refer to the belief that “information and its technologies can unproblematically replace the nuance relations between people” as *information fetishism*. We can by extension refer to the belief that people need to be organized around technology (and not vice versa) as *technological fetishism*.

The belief that rules guide workplace practice will lead to the belief that technical systems built around rules can replace and reengineer workplace practice. On the other

hand, the belief that social relations, norms, and communities of practice are at the center of workplace practice will lead to the belief that systems must be built to support these social and cultural elements of the workplace. Speaking to this point, Suchman (2000) states, “Our efforts to develop a work-oriented design practice were in the recognition that systems development is not the creation of discrete, intrinsically meaningful objects, but the cultural production of new forms of material practice.” Similarly, Ciborra (2000: 31) notes: “The intricacies and uncertainties of ambiguity, hospitality, and hostility are ruled out from such a world of abstract organizations, [“the world of business process reengineering models, where designers, consultants, and managers juggle around boxes and arrows to come up with solutions that optimize pre-selected performance criteria”], but equally ruled out is the “organizingness” of everyday business life (that is, the essence of the experience of operating in an organization)”. Rather than seeing information and enterprise systems as separate from workers and the ways in which they work, an alternative view is to see technology as embedded in workplace practice. In order to develop a system to support innovation, productivity, and work, systems need to be built with attention to the social aspects of everyday workplace activity. Ciborra and associates (2000), recognizing the social embeddedness of practice, introduce the concepts of care, hospitality and cultivation as essential ingredients for successful information system implementations, each recognizing the inherently social or “organizingness” of work practice.

To take into account the “organizingness” of work practice, demands a different approach to ES design and implementation; an approach based on ethnomethodology, rather than an approach that starts with a blank sheet and identifies idealized processes. Ethnomethodology literally translates into “the study of member’s methods,” and means that social order is comprised of the coordinated activities of persons engaged in any setting. The job of the consultant adopting this approach would be to focus on the practices exhibited by persons as the basis for social order. Or, according to Sharrock and Hughes (2001: 6), “ethnomethodology refuses any epistemological or ontological commitments, and limits its enquiry rigorously to what is directly observable and what can be plausibly inferred from observation on a known-in-common basis.” This means that theoretical constructs or methodological and demographic categories are eschewed for direct observation of the phenomenon itself that is under study.

This is precisely the approach adopted by workplace studies scholars and practitioners. Schmidt (2000: 149) states the importance of workplace studies is “to dismantle prevalent common-sense notions of cooperative work by uncovering how orderly cooperative work is routinely and inconspicuously accomplished.” Thus, common-sense is typically taken-for-granted, and as a result eludes workers’ own understandings. This results in the need for a purposeful examination of specific details of workplace activity. Heath and Luff (2000: 19), for example, explain how ethnomethodology has impacted research on technology in the workplace:

[I]n contrast to related research, workplace studies informed by ethnomethodology and conversation analysis are not principally concerned with “meaning” or “representation,” whether individual or shared; they are not concerned with cognition or learning (at least in its cognitive sense); and they do not focus on the ways in which situations shape human experience and activities. Rather, the recent array of ethnomethodological studies of work and technology . . . directs analytic attention towards the socially organized practices and reasoning in and through which participants produce, recognize and co-ordinate their (technologically informed) activities in the workplace.

Were consultants to adopt this approach, their focus would shift from process to practice, or from a model of how work should be done to observances of how work is actually done. By suspending assumptions and theoretical frameworks regarding what is happening, the consultant is able to get a more accurate read on the organization of people and artifacts in the workplace setting. The basis of design becomes what people do, and the technological systems are positioned to enable this activity. The consultant in Furniture Co. did move in this direction, taking the lead from the senior management team who had originally done a very detailed analysis of work practices, and so came to understand why the ES that his company was trying to push onto Furniture Co. was not appropriate. In this instance, Furniture Co. had more power over their consultant than is typical because they were jointly working on developing the ES as a “best practice” industry model. The consultants in XYZ who dismissed local practices as “different work habits” is likely to be more common and, we argue, more potentially disruptive.

We are thus advocating a new consultancy approach of “everyday ethnography,” an approach based on understanding work practice rather than providing idealized accounts of business processes. A process-based approach often incorporates a best practices model where an idealized version of the workplace takes precedent over the actual behaviors currently in place. This, coupled with a business reengineering approach, can result in major disruptions to the workplace as well as being counterproductive to supporting actual work practice.

Conclusion

A primary concern when designing and implementing technological systems (such as ES) is the extent to which the system helps to increase productivity. ES seek to achieve this goal by facilitating knowledge transfer and making information available to the relevant sectors of the organization. This integrative capacity is seen as the critical component that makes ES more desirable when compared to legacy systems. By making knowledge and information more accessible, the theory is that people will be in a better position to make more informed decisions in a timely manner, making an organization making full use of the ES more competitive.

At the same time, ES alone are not necessarily enough to deliver this payoff. Many consultants and industry experts assert that companies need to “reengineer” their work-

place to realize the full benefits of technology. Information systems (including ES) are typically predicated on some set of rules or conceptualizations of how work is done and/or should be done. However, rules can be disruptive to actually getting work done. As Luff, Hindmarsh and Heath (2000: 7) note, “Despite the good intentions of designers in making work activities more visible and manipulatable by those who undertake them, the technology might actually undermine their accomplishment.” In fact, workers frequently employ a technique called “work to rule” where they slow down the pace of work *by following the rules of the workplace*. In other words, doing no more than the minimum, as explicitly stated in one’s contract or other descriptions of occupational expectations, causes *less* work to be done. As Hammer and Champy note (2003: 18), “Programming people to conform to established procedures remains the essence of bureaucracy even now. The command-and-control systems in place in most companies today embody the same principles the railroads introduced 150 years ago.” These command-and-control systems emphasize the conformity of people to the technical systems that they use, rather than the other way around.

Our findings indicate that a significant part of the problem lies in consultants’ focus on process over practice, and radical technologically-based reengineering versus more endogenously-based incremental change. Furthermore, we propose that technology needs to be seen more as an *enhancement* to workplace practice rather than as a way to *construct* business processes. When technology is used to structure the workplace irrespective of actual practices, it can be extremely disruptive to the “communities of practice” that are essential to knowledge development and sharing. These communities are not predicated upon any standardized set of rule or laws that dictate precisely how members need to act. This is not to say that rules, manuals, or standardized sets of procedures do not exist, or do not help to establish the broad parameters or outlines for action. However, as with societies, laws do not establish everyday activity. For instance, a new immigrant does not learn how to “act American” by going to law school and learning legal codes. While this *explicit* knowledge might be helpful in certain respects, it would not inform the person about how to dress, walk down the street, carry on a conversation, stand in a queue, or assemble in a public place.

Consultants and clients need to emphasize the study of workplace practices as the first step in any system design. Even “quick and dirty ethnographies” (Hughes, Randall, Shapiro, 1993: 4–5) could be effective in helping to move the consultant (and the manager) from the ideal-type process model to a more realistic account of workplace practice. In doing so, a system can be developed that can support productivity rather than disrupt it. Change is inevitable with the introduction of any new technology. This change is more likely to be successful if it is incremental, embedded, and symbiotic in the sense that it emerges from the workplace setting itself. This can require a more long-term strategy to organizational change, rather than trying to achieve a rapid shift through technological implementation. This conservative approach, however, can be less disruptive in the short-term, leading to less loss in productivity while the new changes emerge. Along with consultants, senior managers need to be more willing to allow change to emerge, which

requires giving up a certain amount of control. At the same time, this can be empowering to workers who play a more fundamental role in the implementation process as it is their activities that are the basis for design. Through this practice-based approach to system design, consultants and clients stand a better chance of success in the short-term and stable change in the long-term.

References

- Alvesson M. (2001) Knowledge Work: Ambiguity, Image and Identity. *Human Relations*, vol. 53, no 1, pp. 7–32.
- Barley S. R. (1996) Foreword. J. E. Orr, *Talking about Machines: An Ethnography of a Modern Job*, Ithaca, NY: Cornell University Press, pp. ix–xiv.
- Bloomfield B. P., Best A. (1992) Management Consultants: Development, Power, and the Translation of Problems. *Sociological Review*, vol. 40, no 3, pp. 533–560.
- Callon M. (1986) Some Elements of a Sociology of Translation. *Power, Action and Belief* (ed. J. Law), London: R.K.P., pp. 196–233.
- Ciborra C. (1996) Introduction: What Does Groupware Mean for the Organizations Hosting It? *Groupware and Teamwork: Invisible Aid or Technical Hindrance?* (ed. C. Ciborra), Chichester: Wiley, pp. 1–19.
- Ciborra C. and associates (2000) *From Control to Drift: The Dynamics of Corporate Information Infrastructures*, Oxford: Oxford University Press.
- Clark T., Salaman G. (1998) Creating the “Right” Impression: Towards a Dramaturgy of Management Consultancy. *Service Industries Journal*, vol. 18, no 1, pp. 18–38.
- Colclough G., Tolbert II C. M. (1992) *Work in the Fast Lane: Flexibility, Divisions of Labor, and Inequality in High-Tech Industries*, Albany, NY: SUNY Press.
- Crabtree A. (2001) Doing Workplace Studies: Praxiological Accounts — Lebenswelt Pairs. *TeamEthno Online*, no 1. Available at: <http://archive.cs.st-andrews.ac.uk/STSE-Handbook/Other/Team%20Ethno/Issue1/Crabtree/Crabtree.html> (accessed 20 December 2015).
- Crabtree A. (2003) *Designing Collaborative Systems: A Practical Guide to Ethnography*, London: Springer.
- Dant T., Francis D. (1998) Planning in Organisations: Rational Control or Contingent Activity? *Sociological Research Online*, vol. 3, no 2. Available at: <http://www.socresonline.org.uk/3/2/4.html> (accessed 20 December 2015).
- Garfinkel H., Sacks H. (1969) On Formal Structures of Practical Actions. *Theoretical Sociology: Perspectives and Developments* (eds. J. C. McKinney, E. Tiryakian), New York: Appleton-Century-Crofts, pp. 337–366.
- Goffman E. (1959) *The Presentation of Self in Everyday Life*, New York: Doubleday.
- Haines M. N., Goodhue D. L. (2003) Implementation Partner Involvement and Knowledge Transfer in the Context of ES Implementation. *International Journal of Human-Computer Interaction*, vol. 16, no 1, pp. 23–38.

- Hammer M., Champy J. (2003) *Reengineering the Corporation: A Manifesto for Business Revolution*, New York: HarperBusiness Essentials.
- Heath Ch., Luff P. (2000) *Technology in Action*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Hughes J. A., Randall D., Shapiro D. (1993) From Ethnographic Record to System Design. *Computer Supported Cooperative Work*, vol. 1, no 3, pp. 123–141.
- Jones M. (2003) The Expert System: Constructing Expertise in an IT/Management Consultancy. *Information and Organization*, vol. 13, no 4, pp. 257–284.
- Koskinen I. (2000a) Plans, Evaluation, and Accountability at the Workplace. *Sociological Research Online*, vol. 4, no 4. Available at: <http://www.socresonline.org.uk/4/4/koskinen.html> (accessed 20 December 2015).
- Koskinen I. (2000b) *Workplace Studies: An Ethnomethodological Approach to CSCW*. Paper presented at the Nordic Interactive meeting. Helsinki, Finland. March 31.
- Latour B. (1987) *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Luff P., Hindmarsh J., Heath Ch. (2000) Introduction. *Workplace Studies: Recovering Workplace Practice and Informing System Design* (eds. P. Luff, J. Hindmarsh, Ch. Heath), Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 1–26.
- Lynch M. (2002) Protocols, Practices, and the Reproduction of Technique in Molecular Biology. *British Journal of Sociology*, vol. 53, no 2, pp. 203–220.
- Michel R. (1998) IT Services Take Center Stage. *Manufacturing Systems*.
- Orlikowski W. (1991) Integrated Information Infrastructure or Matrix of Control? The Contradictory Implications of Information Technology. *Accounting, Management and Information Technology*, vol. 1, no 1, pp. 9–41.
- Orlikowski W. (1996) Improvising Organizational Transformation over Time: A Situated Change Perspective. *Information Systems Research*, vol. 7, no 1, pp. 63–91.
- Schmidt K. (2000) The Critical Role of Workplace Studies in CSCW. *Workplace Studies: Recovering Workplace Practice and Informing System Design* (eds. P. Luff, J. Hindmarsh, Ch. Heath), Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 141–149.
- Sharrock W. W., Anderson B. (1986) *The Ethnomethodologists*, New York: Tavistock Publications.
- Sharrock W. W., Hughes J. A. (2001) Ethnography in the Workplace: Remarks on Its Theoretical Bases. *TeamEthno Online*, no 1. Available at: <http://lib.babr.ru/ext/4567.pdf> (accessed 20 December 2015).
- Suchman L. A. (1987). *Plans and Situated Actions: The Problem of Human–Machine Communication*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Suchman L. A. (2000) Located Accountabilities in Technology Production. Available at: <http://www.lancaster.ac.uk/fass/resources/sociology-online-papers/papers/suchman-located-accountabilities.pdf> (accessed 20 December 2015).
- Suchmeh L. A., Trigg R., Blomberg J. (2002) Working Artifacts: Ethnomethods of the Prototype. *British Journal of Sociology*, vol. 53, no 2, pp. 163–179.
- Walsham J. (1993) *Interpreting Information Systems in Organizations*, Chichester: Wiley.

Практики, процессы и системное проектирование: почему консультанты должны быть «этнографами повседневности»

Гэри Дэвид

Профессор социологии департамента социологии Университета Бентли

Адрес: 175 Forest str, Waltham, Massachusetts, USA 02452

E-mail: gdavid@bentley.edu

Сьюзан Ньюэлл

Профессор информатики департамента бизнеса и менеджмента Университета Сассекса

Адрес: Sussex House, Falmer Brighton, United Kingdom BN1 9RH

E-mail: sue.newell@sussex.ac.uk

Корпоративные системы (КС) призваны соединять между собой различные функции организации путем интеграции информационных потоков, управления данными, организационных процессов и действий на рабочих местах. По сравнению с унаследованными системами, которые могут «оседать» в разрозненных частях организации, корпоративные системы должны использоваться на всем «предприятии». Важнейшие преимущества этих систем состоят в большей стандартизации труда и управления данными, а также в обеспечении принятия лучших решений и более быстрой реакции на меняющиеся условия. Вызывая фундаментальный сдвиг в способе осуществления работы, КС могут, по сути, оказывать разрушительное воздействие, по мере того как технологический ландшафт организации трансформируется вследствие внедрения новой информационной системы. Это также способствует их неудаче, поскольку установка системы часто сопровождается большими задержками, сопротивлением пользователей и неспособностью интеграции с существующей рабочей практикой. В настоящей статье мы противопоставляем реинжиниринговые подходы (т. е. реструктурирование работы) внедрениям, в которых технологии более приспособлены к существующим рабочим практикам, что позволяет осуществлять более плавные и менее разрушительные изменения. Мы полагаем, что, хотя консультанты упорно настаивают на внедрении КС, в основе которых лежит реинжиниринг, принимаемая ими методология понимания существующих бизнес-процессов такова, что они способны составить только идеализированный образ этих процессов, часто очень отличающийся от действительной практики в специфическом контексте. Вместо этого мы предлагаем консультантам использовать более практикоориентированный, этнометодологический подход, т. е. фактически стать этнографами повседневности, которые помогают принимать более взвешенные бизнес-, организационные и административные решения.

Ключевые слова: информационные системы, исследования рабочих мест, этнометодология, корпоративные системы, реинжиниринг, консультанты, бизнес-процессы

Шаблон в структуре действия: электронные медицинские карты и рутинизация в медицинской практике

Андрей Корбут

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
Центра фундаментальной социологии

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: akorbut@hse.ru

Статья посвящена проблеме привычных действий и рутинизации деятельности. На основе данных, собранных в рамках исследования внедрения электронных медицинских карт в медицинскую практику, показывается, что распространенное представление о привычном действии как действии в соответствии с некоторой предварительной схемой, лежащее в том числе в основе большинства медицинских информационных систем, не описывает реальную структуру врачебных действий. Анализ того, как врачи воспринимают и используют электронные медицинские карты в своей повседневной практике, указывает на необходимость ситуационного подхода к рутинным действиям. На примере использования так называемых «шаблонов», создаваемых врачами в рамках электронной медицинской карты, демонстрируется важность ситуационного контекста осуществления профессиональной деятельности. Врачи, создавая и применяя различного рода «шаблоны», делают это таким образом, чтобы придавать им понятность в конкретных обстоятельствах, и эта ситуативная работа приदания понятности происходящему, не заключающаяся в применении заранее готовых схем, может и должна быть предметом социологического анализа. Понимание рутинных действий как ситуационно ориентированных, согласованных достижений, не только позволяет указать на возможность нового подхода к описанию роли и места привычек в структуре социального действия, но и может иметь важное значение для разработки и оценки профессиональных информационных систем.

Ключевые слова: электронная медицинская карта, привычки, ситуативное действие, шаблоны, рутины, врачебная практика, этнография

Совершающийся на наших глазах переход от бумажного к электронному ведению документации и записей в медицине открывает социологу доступ к ряду тем и проблем, которые в других обстоятельствах гораздо сложнее поддаются эмпирическому изучению. Речь идет не только о том, что благодаря неспешности этого перехода мы можем систематически наблюдать, как один тип материальных инструментов социального действия сменяется радикально другим, трансформирующим сам характер этого действия. Здесь мы также имеем возможность видеть,

© Корбут А. М., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-1-34-53

* В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 14-01-0019 в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014–2016 гг.

каким образом информационные технологии становятся технологиями повседневной деятельности, в данном случае — профессиональной. Эту вторую тему можно, конечно, рассматривать в контексте диагностики «состояния современных обществ», но она имеет и более важное значение, связанное с выработкой новых способов социального анализа. Иными словами, переход к электронным медицинским записям — идеальная практика для рассмотрения вопроса о том, что такое повседневный мир и как мы его можем описывать. В отличие от *идеальных типов* Макса Вебера, производство и использование которых — методологическое дело социолога, *идеальные практики* производятся и используются самими практикующими, ставя перед ними ряд задач и проблем, в решении которых эти практики и заключаются. Эти задачи и проблемы носят неискоренимо локальный характер, они специфичны для конкретной практики, поэтому отделение их от этой практики закрывает доступ к ней (как в плане понимания, так и в плане действования). Следовательно, идеальная практика — это практика, позволяющая социологу обнаружить некоторую социологическую проблему как практическую проблему тех, кто не является профессиональным социологом, с сохранением доступа к локальной организации данной практики.

В случае электронных записей в медицине такой практической социологической проблемой выступает проблема действия по привычке, или шаблонов действия, или традиционного действия. В профессиональной социологии эта проблема, хотя и составляет неотъемлемую часть предметного поля, занимает шаткое положение и постоянно отодвигается на задний план. Это очень удобный фон для множества социологических фигур. Хотя в той или иной мере проблема «традиций», «привычек», «обыкновений» и «обычаев»¹, как способов организации социального действия, интересовала всех классиков социологии, первым, кто попытался обосновать этот интерес, был Вебер. Впрочем, это обоснование было достаточно двусмысленным: указав, чем действие по привычке, или традиционное действие, может быть важно для социолога, Вебер попытался одновременно вывести его за границы области смысла:

Сугубо традиционное поведение... находится уже на границе, а часто даже за границей того, что вообще можно называть ориентированным «по смыслу» действованием. Потому что часто оно представляет собой не более чем тупую реакцию на привычные раздражители в соответствии с однажды усвоенной установкой. В значительной части все усвоенное повседневное действование приближается к этому типу, который мы включили в нашу систематику не только как предельный случай, но также и потому, что привязанность к привычному может в различной степени и в различном смысле сохраняться сознательно... (Вебер, 2002: 99)

1. Вопрос о том, можно ли все эти понятия располагать через запятую, словно это вещи одного порядка, я пока оставляю открытым. Кроме того, следует предупредить читателя: в тексте термины «привычка», «шаблон», «рутина» будут использоваться как взаимозаменяемые.

Тут традиционное действие приобретает две отличительные характеристики: с одной стороны, с ним, в принципе, может быть не связан вообще никакой смысл (тогда это автоматическая, почти рефлекторная, реакция на раздражители); с другой стороны, в повседневной жизни мы большую часть времени примерно так и действуем. Однако эти массивность и массовость традиционного действия не оправдывают для Вебера социологический интерес к нему; данный интерес связан главным образом с возможностью сознательной ориентации на привычки. Следовательно, автоматизм традиции, будучи «предельным случаем», — подходящий фон для анализа других форм социального действия.

Приведенное высказывание Вебера не говорит о том, как он понимал отношения между повседневным и социальным в целом, но, вероятно, для него они могут вступать в конфликт или, по крайней мере, повседневное может выпадать из социального, точно так же как из нашего восприятия выпадает большая часть того, что происходит с нашим телом. Чем больше в действии привычного, тем меньше в нем смысла. Как движения рук и пальцев при письме на бумаге или наборе текста на клавиатуре ускользают от внимания пишущего или набирающего текст, так и наша повседневность настолько автоматизирована, что, если она не становится предметом сознательных усилий (например, при обучении письму), она представляет собой актуализацию шаблонов «бессмысленного» действия.

Столь вопиющее расхождение между социальным, как областью смысла, и повседневным, как областью традиции, не осталось без внимания². Последующие социологии попытались противопоставить такой явной недооценке конститутивного значения повседневности для социальной реальности иную концепцию повседневности, в которой не просто повседневное рассматривается как смысловое, но и сам смысл локализуется в повседневном. Рассуждения Альфреда Шюца здесь были если не первыми, то определяющими:

...наш повседневный опыт как будто подтверждает тезис Вебера. Когда я мысленно окидываю взором сделанное за день, последовательность моих дневных дел, которые я осуществляю в одиночку или находясь среди людей, и задаюсь вопросом о смысле, который им придавался, я, безусловно, обнаруживаю во многих, возможно, в большинстве своих действий некоторый автоматизм. То, что я действую таким образом, представляется мне бесспорным постольку, поскольку я, действуя, не обнаруживаю в своих поступках никакого явного смысла, точнее говоря: обнаруживаю лишь в смутном виде. Однако нельзя путать степень ясности, в которой смысл моих действий постигим для меня самого, с самим этим смыслом. То, что большинство отправлений повседневной жизни не «бессмысленно», обнаруживается уже в том, что я в состоянии в любой момент познать их как осмысленные, изъяв их из общего потока переживаний и внимательно рассмотрев их, вернее: в состоянии прояснить присущий им смысл. (Шюц, 2004: 705)

2. См. критический разбор трудностей, связанных с веберовским пониманием традиции, в: Turner, Regis, 1990.

Принципиально не ставя под вопрос отождествление традиционного действия и повседневного, Шюц возвращает повседневное в область смысла. Это открывает дорогу для всего того, что с тех пор обозначается расплывчатым термином «социология повседневности». Однако, несмотря на разнообразие этих социологий и их частичную несовместимость, и Шюц, и последующие исследователи повседневности³ наследуют от Вебера понимание повседневного как «автоматического»⁴. Согласно и Веберу, и Шюцу, в повседневном мире мы действуем нерефлексивно, «как заведено», по привычке, стандартно реагируя на стандартные ситуации, которые мы сами же стандартным образом создаем.

Сегодня у нас есть достаточно эмпирических оснований, чтобы поставить такое понимание привычного действия под вопрос и одновременно — поскольку привычное действие является в некотором роде ключом к повседневному — получить шанс на иную технологию анализа повседневности. Использование электронных средств ведения медицинских записей — идеальная практика, чтобы попробовать распутать весь этот клубок проблем и найти способы не-автоматизирующего понимания привычного действия. В настоящей статье я предложу один из таких способов. Материалы будут браться из проводимого мной в настоящий момент исследования внедрения электронных медицинских карт (ЭМК) в одной из московских поликлиник. Поскольку в данном тексте сама эта поликлиника и изменения, происходящие в повседневной работе врачей в результате появления ЭМК, не будут предметом всестороннего рассмотрения⁵, я не буду подробно останавливаться на том, какие данные были собраны и какие методы использовались. Основной материал взят из интервью с врачами и другими причастными к внедрению людьми и наблюдений за работой врачей.

В следующем разделе я предложу дополнительные обоснования того, почему внедрение ЭМК — идеальная практика для рассмотрения вопроса о привычности повседневного действия.

3. Например: Turner, 1994.

4. Я здесь намеренно огрубляю, поскольку мы определенно можем обнаружить исследовательскую традицию, к которой это суждение относится с большой натяжкой. Эта традиция — прагматизм. Начиная с Джона Дьюи (Dewey, 1992) и в дальнейшем в работах Дональда Шёна (которого, впрочем, можно отнести к прагматической традиции лишь условно; см.: Schön, 1983) и некоторых других авторов (например: Kilpinen, 2009; Gronow, 2011) можно видеть попытки формулирования практической концепции привычки, предполагающей принципиально рефлексивный характер привычных действий. Ниже я покажу, в чем эти попытки неудовлетворительны и почему необходимо отказаться не просто от понимания привычки как автоматизма, но и от концепции рефлексивности как актуального смысла или знания.

5. То есть я буду рассуждать не о практике, а *внутри* практики, *вместе* с практикующими, выявляя то, какие задачи и каким образом они решают, когда сталкиваются с проблемой привычного действия. Более подробно результаты исследования будут представлены в дальнейших публикациях.

Проблема: стандартизация действия

Одной из главных тем, постоянно возникающей в дискуссиях по поводу электронных медицинских карт, оказывается стандартизация и ее позитивные или негативные последствия. Стандартизация при этом всегда, в той или иной степени, противопоставляется «обычной практике», нестандартизованным способам действования. Эти способы действования могут считаться «неудобными», поскольку они мало сопоставимы между собой, слишком зависят от конкретного учреждения или врача, финансово затратны, допускают много ошибок, позволяют врачам уходить от ответственности за эти ошибки и т. д. В данном случае обычная медицинская практика понимается как сложившаяся и устоявшаяся форма поведения, с большим трудом поддающаяся изменению, — во многом аналогичная курению. Соответственно, сторонники стандартизации заявляют, что последняя позволяет избавиться от некоторых «вредных привычек» здравоохранения, даже если при этом врачи будут оказывать сопротивление (курильщику тоже не так легко расстаться с сигаретой). Новые стандарты, разумеется, должны в конечном итоге сами стать привычками, только на этот раз — полезными. Если стандарты не станут частью повседневной врачебной практики, они не сработают.

Критики стандартизации предлагают два противоположных аргумента. Во-первых, по их мнению, стандартизация может пагубно влиять на локальные формы знания и действия, т. е. разрушать те привычки, которые не «вредны»⁶. Стандартизация необратимо трансформирует живую практику, превращает каждое уникальное взаимодействие врача и пациента, опосредованное профессиональными навыками и знаниями, в шаблонный контакт, отделяет медицинские записи от контекста их создания и использования. Стандартное подавляет привычное. Во-вторых, стандартизация может восприниматься как нечто утопическое, как то, что провозглашается, но никогда недостижимо, поскольку стандартное ничего не может поделать с привычным, рутинные способы действования (по крайней мере, некоторые) ускользают от попыток их стандартизации⁷, рутинные способы действия связаны с таким большим числом организационных обстоятельств их формирования и функционирования, что ни одна схема не сможет все эти обстоятельства учесть. Более того, когда стандарт сам становится привычкой, он неизбежно трансформируется в соответствии с уникальными ситуациями, знаниями и сложившимися привычками конкретных людей.

Все приведенные выше взгляды на стандартизацию обладают одним недостатком, который выступает серьезным препятствием при рассмотрении вопроса о

6. Поскольку это достаточно распространенный аргумент, он высказывается в огромном количестве работ, которые здесь нет смысла приводить. Я укажу только на работы Марка Берга — наиболее последовательного выразителя этой точки зрения: Berg, 1997, 2004; Timmermans, Berg, 2003. См. также: Reich, 2012.

7. См. работы Томаса Уинмана и его коллег: Winman, Rystedt, 2011, 2012; Winman, Säljö, Rystedt, 2012. Эта же логика лежит в основе исследований так называемых «организационных рутин» (см.: Pentland, Feldman, 2005; Becker, 2005).

привычном действии: они исходят из того, что «стандарт» и «привычка» разделимы, вследствие чего сами привычки воспринимаются как применение некоторых локально выработанных стандартов. И сторонники, и противники стандартизации рассматривают привычные способы действования с точки зрения схем поведения, складывающихся у практикующих (например, врачей) и воспроизведимых в аналогичных ситуациях по одной и той же программе. Схема действия отделяется от *ситуации действия*. Но такое понимание стандартов и привычек искаивает практические обстоятельства, в которых действуют конкретные участники практики. Для прояснения этого момента рассмотрим простой пример. В проекте государственного стандарта электронной медицинской карты указан ряд обязательных элементов ЭМК. Один из них — дата и время подписания каждой записи в ЭМК:

07.01.11. Дата и время подписания ЭПМЗ⁸

Обязательный элемент, указывающий, с какого момента ЭПМЗ считается за-конченной, подписанной и приобретает статус официального медицинского документа⁹.

Дата и время — стандартные элементы ЭМК, которые должны обязательно присутствовать в соответствующих электронных документах. Причем это требование адресовано, скорее, разработчикам ЭМК, которые должны создать такую информационную систему, в которой каждая запись будет иметь дату и время. Для повседневной врачебной практики это вроде бы не имеет никаких последствий, поскольку, с одной стороны, не требует от врачей совершения каких-то дополнительных действий, а с другой, дата — обычный элемент деятельности врача. В то же время дата и время — это организационные дата и время, т. е. они всегда связаны с конкретными ситуациями их фиксации, записи и чтения. Например, одно из обстоятельств, о котором мне рассказывали врачи, заключается в том, что если в информационной системе фиксируется время окончания приема, это позволяет оценить, сколько времени врач уделилциальному пациенту, что может иметь принципиальное значение, в случае если на прием отводится только определенное количество минут. В этом отношении фиксация даты и времени приема может говорить (например, руководству поликлиники или департамента здравоохранения) о том, насколько «эффективно» работает врач. Зная об этом, врачи выстраивают свою работу так, чтобы дата и время молчали о том, о чем не следует говорить. Например, в той поликлинике, в которой я проводил исследования, электронная система предусматривает определенный промежуток времени для приема пациента: врач имеет 12 минут, т. е. через каждые 12 минут к нему записан новый пациент.

8. ЭПМЗ — электронная персональная медицинская запись. Согласно проекту ГОСТ, совокупность ЭПМЗ составляет ЭМК.

9. Проект национального стандарта «Электронная медицинская карта. Электронная медицинская карта, используемая в медицинской организации». Проект ГОСТ был любезно предоставлен автором проекта, Борисом Валентиновичем Зингерманом.

Врачи при этом сталкиваются не только с тем, что этого времени бывает недостаточно, но и с тем, что этого времени бывает слишком много. В случае повторного визита пациента, когда достаточно поинтересоваться его состоянием и посмотреть данные обследований, прием может быть очень коротким. Соответственно, врач, представляя, кто придет в нему (повторный ли это визит, каков возраст пациента, какое у него заболевание и пр.), может сокращать или растягивать время приема, однако эта работа со временем далеко не всегда отображается в информационной системе, поскольку врачи заинтересованы в том, чтобы появляющиеся там даты и время соответствовали «стандарту» в 12 минут. В этом случае, если прием закончился раньше отведенного времени, врач может не закрывать ЭМК, а делать это только по истечении положенных 12 минут. Освободившееся таким образом время он может тратить либо на отдых, либо на то, чтобы начать прием следующего пациента, на которого нужно больше времени.

Чтобы понять, о чем говорит ГОСТ, необходимо прочитать данный стандарт как элемент локальной практики программирования медицинской информационной системы, руководства поликлиникой или взаимодействия с пациентом. Это не означает, что стандарты не схватывают организационный контекст реальной медицинской практики. Проблема заключается в другом: стандарт *сам* — локальная практика. Стандарты не могут ничего поделать не с той практикой, в которую они «внедряются», а с *собственной* практикой, с *собственной* локальностью, т. е. с теми привычками, в которых заключается их создание и чтение. Понятность стандарта обеспечивается практикой, часть которой он составляет и которая составляет его контекст, в данном случае — практикой чтения ГОСТ как определенного типа документа. «Дата и время» из ГОСТ и «дата и время» в реальной ЭМК — это не разные дата и время, но такие дата и время, которые объяснимы лишь в ситуативных практиках их создания, чтения, использования. Чтобы стандарт был стандартом, нужна локальная работа его производства *как стандарта*.

Если мы не можем отделить схему действия от самого действия, мы должны изменить и наш взгляд на привычки. Привычка больше не может пониматься как применение некоторого шаблона поведения в повторяющихся обстоятельствах. Необходим ситуационный анализ привычек.

С аналогичной необходимостью столкнулись в области исследований искусственного интеллекта. В этой области достаточно быстро осознали необходимость ситуационного подхода к человеческому действию, поскольку их задача касалась не просто обнаружения возможности соотнесения некоторого стандарта с действием, но выявления того, как можно стандартизировать само действие. Факт наличия привычек в поведении людей подсказывал, что, видимо, человеческое действие схематизируемо в принципе. Раз в некоторых обстоятельствах люди могут действовать шаблонно, воспроизводя одну и ту же схему поведения, почему бы не рассмотреть подобным образом *любое* действие? Отсюда возникает представление о действии как реализации «плана», «фрейма», «схемы», «сценария», «модели», «правил» и т. п. в конкретных обстоятельствах. Но практически сразу стало по-

нятно, что при таком подходе кое-что упускается, а именно то, как реально действуют люди. В работах Хьюберта Дрейфуса (Dreyfus, 1992) и в большей степени Люси Сачмэн (Suchman, 2007) было показано, что ситуационность человеческого действия, во-первых, носит неискоренимо социальный характер и, во-вторых, не заключается в применении шаблона действия к ситуации, а представляет собой неустранимую ситуационность *самого шаблона*.

Критичность расхождения между попытками реализовать в жизни представление о человеческом действии как действии-по-схеме и тем, как организовано поведение людей в повседневных ситуациях, особенно ярко проявляется в тех ситуациях, где данное расхождение приводит к созданию технических систем, мешающих повседневному действию. Описанный Люси Сачмэн случай копировального аппарата, создававшего массу проблем для его пользователей, — это именно такого рода система. Но проведенный ею анализ причин возникновения этих проблем показывает, что даже если они не возникают, это не означает, что представление о человеческом действии, которым руководствуются создатели подобных систем, адекватно этому действию. Скорее, нужно говорить о том, что успешность взаимодействия с такими системами обеспечивается неизвестными разработчикам способами. Чтобы понять, каковы эти способы, необходимо «заглянуть внутрь» привычки.

Шаблоны, рутины, действия

Для первоначального прояснения того, что представляет собой привычка, можно взять относительно простой пример. Я живу в многоэтажном доме с двумя лифтами: грузовым и пассажирским. В обоих лифтах кнопки приказов (те кнопки, которые нажимает пассажир внутри лифта) снабжены светодиодами, загорающимися, когда на них нажимают. Отдельной кнопки для закрывания дверей нет (точнее, кнопка с соответствующим знаком на ней есть, но ее нажатие не ведет к закрыванию двери, т. е., вероятно, она нужна для чего-то другого). Поездка в лифте происходит следующим образом: ты заходишь в лифт, нажимаешь кнопку, на ней загорается лампочка, проходит несколько секунд, после чего дверь лифта начинает закрываться, и после ее закрытия лифт начинает двигаться. Однако в процессе пользования лифтом я выяснил, что промежуток времени между нажатием кнопки и закрыванием двери зависит от того, в какой момент была нажата кнопка: если кнопка нажата после того, как дверь полностью открылась, она работает как кнопка закрывания двери. Поэтому теперь мой привычный способ действия таков: я вызываю лифт, он приезжает, дверь начинает открываться, я захожу внутрь, жду, пока дверь откроется полностью (поскольку один лифт грузовой, в нем более широкая дверь и в лифт можно зайти до того, как она полностью откроется; в пассажирском лифте дверь открывается быстро, поэтому, когда я оказываюсь внутри, обычно она уже полностью открылась), и в этот момент нажимаю кнопку, после чего дверь сразу начинает закрываться. В лифте, в котором дверь открывается

дольше, согласование момента нажатия кнопки с процессом открытия двери чаще дает сбои, поскольку иногда ты нажимаешь кнопку до того, как дверь открылась полностью, и тогда тебе надо жать ее второй раз. Те пассажиры, которые не знают об этой особенности и нажимают кнопку до того, как дверь полностью открылась (пока заходят), потом ждут несколько секунд, прежде чем дверь начнет закрываться. Эта пауза достаточно продолжительна, чтобы у некоторых пассажиров возникало ощущение, что с лифтом что-то не то и он «не едет».

Эта привычка появилась достаточно давно, и если я еду в лифте один, я стараюсь делать так, чтобы между открытием и закрытием дверей не возникало паузы. Значит ли это, что у меня сформировался некий шаблон действий, воспроизведящийся из раза в раз, поскольку каждый раз ситуация повторяется и вместе с ней повторяются мои действия? Данный вопрос касается не столько причин моего действия, сколько причин понятности моего действия. Что обеспечивает понятность этой моей привычки? Во-первых, ее методичность. То, что я действую методически, является источником объяснимости происходящего. Эта методичность не требует объяснений, поскольку она сама обеспечивает объяснение. Подобие моих действий в каждой ситуации обеспечивается не совпадением движений, а совпадением способа действия. Я всякий раз действую одинаково, применяю один и тот же метод, что, в свою очередь, ведет к однообразию моих движений (вплоть до траектории руки). Во-вторых, важно, что мои действия совершаются в мире, это материальные действия, действия в лифте и с лифтом. Эти действия принципиально наблюдаемы, даже если никто в данный момент на меня не смотрит. Наблюдаемость моих действий — социальной природы, но не в том смысле, что есть другие люди, которые поступают так же, как я, или что окажись на моем месте кто-то другой, он поступил бы так же. Скорее, речь идет о том, что какая бы у меня ни была привычки ездить в лифте, любой человек ее может понять. Сама зримая структура моего действия делает это действие осмысленным. И в-третьих, осмысленность моего действия связана с ситуацией, в которой я нашел решение определенной проблемы: долгого ожидания закрывания двери. Моя привычка решает некоторую практическую задачу. Это решение как определенная практика составляет контекст моих конкретных действий всякий раз, когда я еду в лифте.

Таким образом, при анализе привычек нет никакой необходимости апеллировать к выработанным или усвоенным культурным, когнитивным, двигательным или ситуационным схемам. Мы не проводим оценку текущей ситуации, чтобы затем, при совпадении этой ситуации с имеющейся у нас моделью, реализовать специфический ход действий. Наша задача — осуществить понятное действие. В моем примере я должен нажать кнопку в тот момент, когда двери будут полностью открыты, поэтому привычка — это не то, что я «достаю» из какого-либо хранилища, а то, что протекает между мной (моим телом, моим взглядом), кнопкой лифта и дверью.

Аналогичное понимание привычек предлагает Филип Агрэ (Agre, 1985, 1997), используя для этого понятие «рутинны». Принципиальный момент его подхода за-

ключается в том, что такой новый взгляд на рутинные повседневные действия позволяет рассматривать привычку как динамичную практику.

Рутина — это часто повторяемый паттерн взаимодействия между агентом и знакомой ему средой. <...> Рутина, как любой динамичный феномен, является чисто дескриптивным конструктом, а не вещью в голове, планом или процедурой. Она не должна соответствовать въевшейся привычке или неизменному обычаю. Для осуществления рутин не нужны ни специфические знания или компетенции, ни когнитивный аппарат. Другими словами, совершение чего-либо одним и тем же образом изо дня в день не должно вытекать из специального намерения каждый раз делать это одним и тем же образом. Агент может осуществлять рутинные действия, не зная о том. Рутина может предполагать серию действий, каждое из которых будет реакцией на ситуацию, созданную предыдущим действием, без предварительного намерения осуществить эту серию действий. (Agre, 1997: 108)

Если рутина динамична, тогда нет смысла пытаться обнаружить то, что обеспечивает ее стабильность, поскольку она сама обеспечивает собственную стабильность. Правда, в отличие от Агрэ, следует говорить о том, что динамичные отношения между ситуацией и действием не носят характер «прилаживания» к знакомой среде, поскольку иначе не понятно, в каком смысле она знакома человеку. Отказавшись от когнитивной трактовки знания необходимо следом отказаться и от когнитивной трактовки знакомости повседневных ситуаций. Тогда знакомость ситуации будет возникать одновременно с привычным действием и в качестве привычного действия. Об этом прекрасно знают сами практики. Например, один из врачей в беседе так описал «способ мышления» участкового терапевта:

Когда я пришел в поликлинику [из кардиологического центра], у меня было такое ощущение, что я попал в какой-то XIX век: земский врач, что-то ухом послушал, пальчиком постучал, мышите/не мышите, и надо уже что-то предполагать, объяснять пациенту, говорить, высказывать. Вот ты и начинаешь это всё открывать дома и читать: примерно те диагнозы, примерные те проявления, симптомы, какому диагнозу соответствуют, какой процент каждое заболевание имеет на твоей территории, и всё остальное. Вот и создаются эти вот маленькие такие алгоритмики, вот именно алгоритмы: если это — тогда это, из этого следует вот это, вот это, вот это. <...> Я когда прихожу, я не знаю, куда я прихожу, на что я прихожу. Вы вызываете с температурой, вы ждете, и вы не знаете, что у вас. Но то же самое: я иду к вам и не знаю, что у вас. <...> Идя к пациенту, я часто не знаю, на что я иду. Ну, температура, температура. Вот и начинается: откуда температура, какая температура, сколько дней, как, чего, когда возникла, что раньше: кашель или температура, насморк или температура, озноб либо температура.

Для врача понятность ситуации связана с тем, что он называет «алгоритмами» — определенными способами понимания, мышления и действия, позволяющими эту понятность производить. Отправляясь по вызову, он не знает, с чем ему придется

столкнуться, даже если первоначально какое-то знание ситуации есть. Соответственно, «алгоритмики» — это не просто шаблоны действия. Это повторяющиеся способы мышления и действия плюс ситуативные способы организации знакомого вида вещей. «Алгоритм» — это не схема действия, а то, что *делается* в ситуации. Сравните такое понимание алгоритмизированности действий врача с точкой зрения специалиста по компьютерным технологиям, представляющего разработчика ЭМК в изучаемой поликлинике: «Кто такой врач? Что это за существо такое? Врачи стараются вообще изначально запомнить алгоритм, и уже на основе этого алгоритма делать. Они не задумываются о том, что они делают¹⁰. В этом заключается самый главный их минус». Применяя к деятельности врача тот же самый термин, специалист по информационным технологиям делает это с совершенно иной целью: показать, что врачи действуют как заведено и поэтому сопротивляются всему новому просто в силу нежелания расставаться со своими привычками. Для него привычка — это чистое действие, осуществляющее только потому, что оно осуществлялось раньше. Но тем самым он явно упускает, какое значение имеют привычки в профессиональных ситуациях деятельности врача¹¹.

Конечно, подходу к алгоритму как тому, что позволяет сэкономить на мышлении, удобнее всего противопоставлять эмпирические свидетельства того, что в любом, даже самом шаблонном, действии заключена некоторая «мысль», присутствует определенная рефлексивность. Множество примеров такого рода приводят прагматисты, Шён, а также Эдвин Хатчинс (Hutchins, 1995, 2005). Но даже если мы покажем, что в привычных действиях есть актуальный смысл, и даже если мы продемонстрируем, что этот актуальный смысл укоренен в материальных артефактах, это не снимет вопрос о том, с какого рода «знанием» мы имеем здесь дело. Чтобы обнаружить знание-в-действии, нам придется взять ситуативную понятность привычных действий в качестве само собой разумеющейся опоры, проигнорировав ту работу производства понятности, в которой эти привычные действия заключаются. Кажется, врачи понимают это лучше социальных ученых, и внедрение ЭМК в повседневную врачебную практику — идеальный «музей» этого понимания.

Шаблоны-в-ситуации

Появление ЭМК в качестве элемента повседневной врачебной практики ведет к тому, что врачи (как, впрочем, и другие участники медицинской практики: руководство медицинского учреждения, медсестры, сотрудники регистратуры, пациенты) рутинизируют информационную систему, используя ее для решения своих каждодневных задач в соответствии с конкретными *вот этими* обстоятельствами, в которых они должны организовать свою работу. Эти обстоятельства могут быть связаны, например, с необходимостью выстраивания взаимоотношений с

¹⁰. Некоторые исследования организационных рутин тоже характеризуют привычные действия как «бездумные». См.: Ashforth, Fried, 1988.

¹¹. Ниже я покажу, к каким последствиям это ведет при разработке ЭМК.

пациентом во время приема, и тогда само наличие компьютера на рабочем месте врача и необходимость набирать текст на клавиатуре должны быть скоординированы с репликами и действиями участников ситуации таким образом, чтобы прием оставался приемом и чтобы врач мог «делать медицину»¹². Однако в некоторых случаях рабочая практика явно входит в противоречие с моделью этой практики, подразумеваемой информационной системой. Рассмотрим один пример.

Один из руководителей компании-разработчика той ЭМК, которая внедряется в рассматриваемой поликлинике, сообщил в разговоре со мной, что в основе данной информационной системы лежало так называемое «клиническое моделирование»: сначала ведущих врачей разных специальностей (главного педиатра, главного кардиолога и т. д.) попросили создать модели приема для разных специалистов, а затем на основе этих моделей разрабатывался интерфейс ЭМК¹³. При этом сама последовательность шагов во время приема для всех врачей одинакова: жалобы и анамнез → осмотр → диагноз → назначения → услуги и справки → завершение приема. Фактически каждый шаг представляет собой новое окно, открывающееся лишь при заполнении обязательных полей в текущем окне. Предполагается, что такая последовательность шагов соответствует реальной логике работы врача. Однако вот что говорит врач, пользующийся данной системой:

Единственное, мне как-то не нравится вот эта последовательность, окошки. То есть ты не можешь открыть какое-то окно, не пройдя предыдущее. Если можно было бы, например, я быстренько что-нибудь впишу в одно, потом переключусь на это, мне было бы удобнее. Или, например, ты хочешь посмотреть, правильно ли ты что-то написал, — открыл еще раз, и нужно еще раз все пролистать и тогда ты дойдешь до нужного пункта.

Логика реального приема отличается от модели, предлагаемой ЭМК: врачи получают информацию не в том порядке, который предусматривается системой, а в том порядке, который определяется структурой взаимодействия. Пациенты не говорят и не делают только то, что их просит врач, а врач не говорит и не делает только то, что требуется заданной последовательностью шагов. Жалобы пациента, возможный диагноз, результаты осмотра — все это возникает не последовательно, а вразнобой или, наоборот, одновременно. Но ЭМК требует, чтобы эта информа-

12. О том, как это происходит, см. исследование Кристиана Хита и Пола Лаффа: Heath, Luff, 2000. Хороший обзор исследований в этой области см. в: Fitzpatrick, Ellingsen, 2013.

13. Любопытно, что при этом собеседник подчеркнул, что неправильно говорить «электронная медицинская карта», нужно говорить «система интегрированной медицинской информации». Уже в этой замене можно видеть, как определенная организационная реальность, в которой «медицинская карта» (или «история болезни») составляет привычный объект отсылок, записей, чтения, переноса из регистратуры в кабинет, выдачи на руки, под克莱ивания результатов обследований, хранения в шкафах и т. п., уступает место иной организационной реальности — реальности разработчика, для которого карта — это лишь временный носитель информации, к которому привыкли врачи, но который может быть заменен другим носителем, электронным (к которому врачи тоже привыкнут, надо только подождать).

ция заносилась последовательно, шаг за шагом. Это замедляет работу, хотя и, вероятно, повышает заполняемость карты.

Данный пример важен для рассмотрения вопроса о привычках в структуре действия, поскольку наглядно демонстрирует неадекватность понимания привычек как действия-по-шаблону. Если бы рутинная деятельность врача заключалась в применении ряда шаблонов, тогда можно было бы поставить задачу создать модель тех шаблонов, которыми руководствуется врач, и затем реализовать эту модель в виде информационной системы. Соответственно, эта модель могла бы в большей или меньшей степени соответствовать «реальному» шаблону или алгоритму деятельности врача. Однако приведенный случай показывает, что проблема в другом. Дело не в том, что разработчики построили плохую модель. Это не так. Дело в том, что любая модель предполагает ситуационную работу ее использования, не описываемую и не предопределенную этой моделью. Иными словами, рутинная деятельность врача — это не применение шаблона к текущей ситуации, а организация текущей ситуации в качестве профессионально упорядоченной. Для разработки информационных систем это означает, грубо говоря, что построить модель врачебной практики *в принципе* невозможно. Цель должна быть иной: создать такую систему, которая была бы чувствительна к ситуационной работе производства рутинного порядка врачом, т. е. которая бы помогала врачу. Для этого в основу систему должны быть положены не модели деятельности врача, а механизмы получения информации о его работе и реагирования на эту работу.

То, что дело не в том, насколько хороша или плоха модель деятельности врача, лежащая в основе ЭМК, показывает и такой элемент этой системы, как «шаблоны». В данной ЭМК пользователю предоставляется возможность создавать свои шаблоны. Врачи находят эту возможность очень удобной.

Да, есть шаблоны. Можно делать шаблоны, их редактировать. Плюс есть очень удобная функция, я ей недавно начала активно пользоваться: если пациент уже был на приеме, уже есть его осмотр, он повторно пришел, то нажимаешь просто на «Повтор» и все данные автоматически открываются. Там меняешь только то, что нужно. То есть это занимает буквально 2–3 минуты, даже меньше.

По мнению одного из руководителей компании-разработчика, у удобства шаблонов есть и обратная сторона: «Шаблоны удобны, но опасны. Врачи начинают делать просто копипаст». С его точки зрения, использование шаблонов ведет к шаблонным действиям. Вместо того чтобы вносить в систему актуальную информацию, врачи начинают просто воспроизводить уже введенные сведения, вероятно, чтобы экономить время и усилия. Врачи же воспринимают шаблоны в ином контексте; их удобство связано не с тем, что они позволяют совершать шаблонные действия.

Все настроены довольно положительно. Потому что действительно удобно, особенно когда идут шаблоны и повторные осмотры. Потому что чаще всего, конечно, к нам приходят люди, которых мы знаем хорошо, и здесь не надо заново все это писать. Очень удобно. <...> У меня тут есть несколько шаблонов, я сама их называю, как мне удобно. Есть вот по конкретным людям — например, у кого тяжелые заболевания — мне нужно, чтобы были. Это я сама создала, для себя, чтобы было удобнее работать.

Другой врач отмечает:

Каждый шаблон создавал сам и как хотел сам. Потому что я знаю: некоторые создавали шаблоны под больных, допустим, «Больной Иванов». Им так удобнее. Мне удобнее по нозологии. <...> Для меня они подходят, я так пишу и я под себя их делала. Кому-то могут не подходить. Допустим, у меня шаблон «XXXXX [Нозологическая единица]». Понятно, что он будет практически у всех одинаков. <...> Поэтому я говорю: я делала шаблоны по диагнозам, кто-то делал шаблоны по больным. Ну, это уж кому как удобнее. Может, там смысл в чем: что люди получают одну и ту же терапию и там у них уже это все забито, и они только распечатывают. То есть кому как. Мне неудобно, потому что может поменяться что-то: лекарства какие-то или кашель. Все равно приходится менять, все равно приходится набирать.

Для врачей использование шаблонов связано с рядом организационных обстоятельств. Во-первых, некоторые пациенты хорошо знакомы врачам. Знакомство это носит не личный, а организационный характер¹⁴: они могут получать одно и то же лечение или у них может быть характерное редкое заболевание. В этом случае удобнее создавать шаблон под конкретного пациента. Во-вторых, поскольку врачи мыслят «алгоритмами», шаблоны могут эти алгоритмы воплощать. В этом случае шаблоны удобнее создавать по диагнозам¹⁵. В-третьих, шаблон, экономия времени, должен делать это ситуационно уместным образом, поскольку использование шаблона происходит в конкретной ситуации в присутствии пациентов. Он экономит не время врача, как предполагает разработчик системы, а время приема, которое производится таким образом, чтобы не только врач имел возможность собрать

14. Хотя отношения между врачом и пациентом могут напоминать личные отношения. Например, одна участковый врач-терапевт в разговоре сказала: «Я со своими договорилась так...» Но «свои» здесь — не столько лично знакомые пациенты, сколько «ее» пациенты, которые создают постоянный поток, поддающийся управлению.

15. В методическом пособии для врачей, написанном создателями данной информационной системы, этот момент оговаривается отдельно: «При выборе имени для сохраняемого шаблона протокола или шаблона раздела протокола рекомендуется использовать код или наименование диагноза и, при необходимости, дополнять их отдельными признаками: „J04.3“, „M42.1 (спина)“, „M42.1 (шея)“, „Острый бронхит“, „Норма“. Использование иных идентификаторов, например, ФИО пациента, даты создания или общих слов „шаблон“, может усложнить дальнейший поиск и использование созданных шаблонов». Здесь обоснование рекомендации применять в названии шаблонов диагнозы не отсылает к организационной реальности рутинной врачебной практики. Речь идет об удобстве использования системы. Но, как мы видели, у врачей, по выражению Гарольда Гарфинкеля, могут быть «хорошие организационные причины для плохих медицинских записей» (Garfinkel, 1967: 186–207).

необходимую информацию и записать ее тем или иным образом, но и чтобы эта запись была естественной частью происходящего на приеме.

Сначала отвлекало сильно. Сейчас я уже приспособилась. Сначала поси-дишь, поговоришь, узнаешь, как дела, потом скажешь: «Сейчас, секундочку», быстренько все напечатаешь, дальше его посмотришь... А если есть шаблон, то это вообще можно одним глазом сюда смотреть, другим на него, и в прин-ципе нормально.

Поскольку профессиональная работа врача заключается не в применении шабло-нов мышления и действия к конкретному пациенту, а в рутинном производстве профессиоナルной практики в конкретных ситуациях, мы не можем отделить ша-блон как элемент информационной системы от ситуационной работы его созда-ния и использования. Эта работа всегда носит наблюдаемый характер, благодаря чему она доступна во время приема и врачу, и пациенту. Врач действует так, чтобы его работа была зrimо профессиоナルной, что предполагает в том числе органи-зацию взаимодействия с пациентом каждый раз в уникальных обстоятельствах. При этом использование шаблонов не вступает в противоречие с ситуационной ориентацией врача, поскольку любые шаблоны — как в узком смысле (элемент ЭМК), так и в широком (привычные действия) — требуют *какой-то* ситуацион-ной работы, чтобы они вообще были шаблонами. Следовательно, повторяемость врачебных рутин основывается на ситуативных практиках ее осуществления.

Таким образом, для разработчика информационной системы структура при-вычного действия врача определяется некоторой схемой, которая, в свою очередь, может быть как (желательно) адекватной — причем эту адекватность можно уси-ливать, например, прося самих врачей построить схемы приема, — так и (нежела-тельно) неадекватной, и он описывает реальную врачебную практику как практи-ку именно такого рода, что позволяет ему опасаться желания врачей свести свою деятельность к простому воспроизведению шаблонов, в том числе — буквально ме-тодом копипаста. Для врачей же шаблон — это то, что всегда помещено в контекст ситуативной деятельности, которая не сводится к этому шаблону. Рутинность вра-чебной практики является *достижением*, а не *причиной* ее или его конкретных на-блюдаемых действий.

Заключение

«Здесь дело привычки» — это фразой один из врачей подытожил свое взаимо-действие с новой информационной системой. Эта фраза указывает на особое ме-сто, которое привычка занимает в структуре действия. Что значит дать привычке совершил свое дело? Каково вообще дело привычки? В чем бы это дело ни за-ключалось, данная фраза говорит о том, что привычка — это достижение. Как до-стижение она обладает рядом свойств, делающих ее незаменимой при изучении

организации человеческих действий. Главное из этих свойств состоит в том, что привычки демонстрируют: воспроизводимость действий имеет ситуационные основания. В этом качестве привычка противоположна не импровизации, а действию по правилу: действие по правилу можно легко (пусть даже неправомерно) разделить на действие и правило, но в случае привычки такое разделение оказывается крайне сложным. Даже повседневное понимание привычки отсылает к тому, что в привычке действие и «шаблон» действия неразделимы. Идеальная привычка — это когда мы делаем в точности одно и то же из раза в раз.

В действительности, поступая привычно, мы, конечно, никогда не повторяем действия с точностью до миллиметров. И дело даже не в том, что ситуация нашего действия всегда различна. Скорее, дело в том, что воспроизводимость ситуации, которой мы добиваемся, заключается в производстве знакомости ее *организационных*, а не *физических* характеристик (если одни от других вообще можно отдельить). Попробуйте написать одно и то же слово несколько десятков раз, и всякий раз в своих деталях эти записи будут *различаться*, но и в *этих же* деталях они будут *одинаковыми*. Мы когда-то научились писать определенным образом, и теперь эта привычка позволяет нам производить все новые и новые записи. Когда я пишу, я не стремлюсь к повторению, я не пытаюсь строить свое действие, ориентируясь на некоторое правило. Теперь, умев писать, я не пытаюсь писать «правильно». Я пишу «как пишется». Я позволяю привычке делать свое дело.

Здесь, конечно, уместен вопрос: не оказывается ли в результате предложенного выше анализа, что всякое действие является привычкой? Так и есть, но лишь в том смысле, в каком невозможно найти действие, в котором бы не было «примеси» рутинны. Эта примесь, однако, не означает, что в повседневном мире действия постепенно опривычиваются, как утверждают Питер Бергер и Томас Лукман¹⁶. Само по себе повторение действия не превращает его в привычку. Привычность действия обеспечивается не ориентацией на прошлое выполнение действия как образец, а умением производить знакомый ход дел и вид вещей. Поэтому динамика любого действия заключается в расширении наших возможностей действия в мире в каждой конкретной ситуации. Привычка — это то, что сопутствует любому действию в силу его неистребимой ситуационности.

Часто привычка используется для характеристики отдельного человека. Но даже такое использование привычки является социальной практикой, поскольку

16. «Всякая человеческая деятельность подвергается хабитуализации (т. е. опривычиванию). Любое действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и *ipso facto* осознано как образец его исполнителем. Кроме того, хабитуализация означает, что рассматриваемое действие может быть снова совершено в будущем тем же самым образом и с тем же практическим усилием. Это касается деятельности как в социальной сфере, так и вне ее. Даже изолированный индивид на вошедшем в поговорку пустынном острове делает свою деятельность привычной. Когда он просыпается утром и возобновляет свои попытки построить каноэ из спичек, он может бормотать себе под нос „Попробую-ка я снова“ по мере того как он приступает к процедуре, состоящей, скажем, из десяти шагов, и делает первый шаг. Другими словами, даже одинокий человек находится в компании тех действий, которые он должен совершить» (Бергер, Лукман, 1995: 90).

носит методический характер. В еще большей степени социальный характер привычки демонстрируют ситуации, в которых привычка связана с особенностями организации той или иной деятельности, например профессиональной. Рассмотренный выше пример врачебной практики как раз показывает, что привычки — важный вопрос как для исполнителей определенной деятельности, так и для тех, кто эту деятельность хочет изменить. И противники изменений, и их сторонники могут апеллировать к привычке как к тому, что мешает, или как к тому, что нельзя трогать. При этом, как мы видели, представление о том, что такая привычка и как она устроена, имеет самые непосредственные последствия для организации той или иной деятельности. В этом смысле рутинная деятельность врачей и те обстоятельства, в которых они должны действовать, когда эта деятельность перестраивается вследствие появления ЭМК, представляют собой идеальную практику для постановки вопроса о статусе привычки в структуре действия и о необходимости поиска новых технологий анализа привычных действий.

Поскольку я рассматривал привычки или шаблоны действия в случае взаимодействия врача с ЭМК, многие аспекты этого взаимодействия остались «за кадром». Я не брал во внимание нагрузку на врачей, оплату их труда, условия их работы; я не рассматривал экономические соображения, связанные с введением электронного способа создания медицинских документов и ведения медицинских записей, я не останавливался на юридических вопросах, например, касающихся статуса электронной подписи или страхования. Это связано не с тем, что эти вещи кажутся мне малозначительными, а с тем, что все эти вещи находят свое место *внутри и в отношении* рутинной профессиональной деятельности врачей. Те аспекты их работы, которые обсуждалась в данном тексте, — это специфически неинтересные аспекты, которые даже самим врачам могут представляться не настолько важными, чтобы их обсуждать. Но я стремился показать, что их обсуждение, делание их интересными, может иметь значение для обсуждения «больших» вопросов одновременно врачебной и социологической практики. Одним из следствий такого обсуждения является наглядная демонстрация того, что большие социологические вопросы — не прерогатива профессиональных социологов.

Литература

- Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М.: Academia-Центр, Медиум.
- Вебер М. (2002). Основные социологические понятия / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Теоретическая социология. Ч. 1 / Под ред. С. П. Баньковской. М.: Университет. С. 70–146.
- Шюц А. (2004). Смысловое строение социального мира / Пер. с нем. С. В. Ромашко // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН. С. 687–1022.
- Agre Ph. E. (1985). Routines (AI Memo 828). Cambridge: MIT Artificial Intelligence Laboratory.

- Agre Ph. E.* (1997). Computation and Human Experience. New York: Cambridge University Press.
- Ashforth B. E., Fried Y.* (1988). The Mindlessness of Organizational Behaviors // *Human Relations*. Vol. 41. № 4. P. 305–329.
- Becker M. C.* (2005). The Concept of Routines: Some Clarifications // *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 29. № 2. P. 249–262.
- Berg M.* (1997). Of Forms, Containers, and the Electronic Medical Record: Some Tools for a Sociology of the Formal // *Science, Technology, & Human Values*. Vol. 22. № 4. P. 403–433.
- Berg M.* (2004). Health Information Management: Integrating Information Technology in Health Care Work. London: Routledge.
- Dewey J.* (1922). Human Nature and Conduct: An Introduction to Social Psychology. New York: Henry Holt.
- Dreyfus H. L.* (1992). What Computers Still Can't Do: A Critique of Artificial Reason. Cambridge: MIT Press.
- Fitzpatrick G., Ellingsen G.* (2013). A Review of 25 Years of CSCW Research in Healthcare: Contributions, Challenges and Future Agendas // *Computer Supported Cooperative Work*. Vol. 22. № 4. P. 609–665.
- Garfinkel H.* (1967). Studies in Ethnomethodology. Englewood Hills: Prentice-Hall.
- Gronow A.* (2011). From Habits to Social Structures: Pragmatism and Contemporary Social Theory. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Heath Ch., Luff P.* (2000). Documents and professional practice: «bad» organisational reasons for «good» clinical records // *Heath Ch., Luff P. Technology in Action*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 31–60.
- Hutchins E.* (1995). Cognition in the Wild. Cambridge: MIT Press.
- Hutchins E.* (2005). Material Anchors for Conceptual Blends // *Journal of Pragmatics*. Vol. 37. № 10. P. 1555–1577.
- Kilpinen E.* (2009). The Habitual Conception of Action and Social Theory // *Semiotica*. Vol. 173. № 1–4. P. 99–128.
- Pentland B.T., Feldman M.S.* (2005). Organizational Routines as a Unit of Analysis // *Industrial and Corporate Change*. Vol. 14. № 5. P. 793–815.
- Reich A.* (2012). Disciplined Doctors: The Electronic Medical Record and Physicians' Changing Relationship to Medical Knowledge // *Social Science & Medicine*. Vol. 74. № 7. P. 1021–1028.
- Schön D. A.* (1983). The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action. New York: Basis Books.
- Suchman L.* (2007). Human-Machine Reconfigurations: Plans and Situated Actions. New York: Cambridge University Press.
- Timmermans S., Berg M.* (2003). The Gold Standard: The Challenge of Evidence-Based Medicine and Standardization in Health Care. Philadelphia: Temple University Press.
- Turner S. P.* (1994). The Social Theory of Practices: Tradition, Tacit Knowledge, and Presuppositions. Cambridge: Polity Press.

- Turner S. P., Factor R. A. (1990). The Disappearance of Tradition in Weber // Midwest Studies in Philosophy. Vol. 15. P. 400–424.*
- Winman Th., Rystedt H. (2011). Electronic Patient Records in Action: Transforming Information into Professionally Relevant Knowledge // Health Informatics Journal. Vol. 17. № 1. P. 51–62.*
- Winman Th., Rystedt H. (2012). Electronic Patient Records in Interprofessional Decision Making: Standardized Categories and Local Use // Human Technology. Vol. 8. № 1. P. 46–64.*
- Winman Th., Säljö R., Rystedt H. (2012). Local Knowing and the Use of Electronic Patient Records: Categories and Continuity of Health Care // Health and Technology. Vol. 2. № 3. P. 185–196.*

A Template in the Structure of Action: Electronic Health Records and the Routinization of Clinical Practice

Andrei Korbut

Senior Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: akorbut@hse.ru

The article deals with the problem of the habitual action and routinization of work. Based on the data collected during the study of the implementation of electronic health records in medical practices, the article shows that the widespread view of habitual action as an action in accordance with a preliminary scheme does not describe the actual structure of healthcare activities, a view that forms a basis for the majority of medical information systems. The analysis of how doctors perceive and use electronic health records in their daily practice shows that a situational approach to routine actions is more adequate. For example, the use of so-called "templates" that are created by doctors within the electronic health records system demonstrates the importance of a situational context of professional activities. Doctors, creating and using various "templates," do this in such ways that allows them to make these health records circumstantially understandable. This work of producing a situational recognizability that does not consist in the use of pre-established schemes can and should be the subject of sociological analysis. The understanding of routine activities as situationally-oriented, concerted achievements not only proves the possibility of a new approach to the description of the habitual actions' role and place in the structure of social action, but can be important for the design and evaluation of professional information systems.

Keywords: electronic health records, habits, situated action, templates, routine medical practice, ethnomethodology

References

- Agre Ph. E. (1985) *Routines* (AI Memo 828), Cambridge: MIT Artificial Intelligence Laboratory.
- Agre Ph. E. (1997) *Computation and Human Experience*, New York: Cambridge University Press.

- Ashforth B. E., Fried Y. (1988) The Mindlessness of Organizational Behaviors. *Human Relations*, vol. 41, no 4, pp. 305–329.
- Becker M. C. (2005) The Concept of Routines: Some Clarifications. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 29, no 2, pp. 249–262.
- Berg M. (1997) Of Forms, Containers, and the Electronic Medical Record: Some Tools for a Sociology of the Formal. *Science, Technology, & Human Values*, vol. 22, no 4, pp. 403–433.
- Berg M. (2004) *Health Information Management: Integrating Information Technology in Health Care Work*, London: Routledge.
- Berger P., Luckmann Th. (1995) *Social'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sociologii znanija* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge], Moscow: Academia-Center, Medium.
- Dewey J. (1922) *Human Nature and Conduct: An Introduction to Social Psychology*, New York: Henry Holt.
- Dreyfus H. L. (1992) *What Computers Still Can't Do: A Critique of Artificial Reason*, Cambridge: MIT Press.
- Fitzpatrick G., Ellingsen G. (2013) A Review of 25 Years of CSCW Research in Healthcare: Contributions, Challenges and Future Agendas. *Computer Supported Cooperative Work*, vol. 22, no 4, pp. 609–665.
- Garfinkel H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*, Englewood Hills: Prentice-Hall.
- Gronow A. (2011) *From Habits to Social Structures: Pragmatism and Contemporary Social Theory*, Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Heath Ch., Luff P. (2000) Documents and professional practice: "bad" organisational reasons for "good" clinical records. *Technology in Action*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 31–60.
- Hutchins E. (1995) *Cognition in the Wild*, Cambridge: MIT Press.
- Hutchins E. (2005) Material Anchors for Conceptual Blends. *Journal of Pragmatics*, vol. 37, no 10, pp. 1555–1577.
- Kilpinen E. (2009) The Habitual Conception of Action and Social Theory. *Semiotica*, vol. 173, no 1–4, pp. 99–128.
- Pentland B. T., Feldman M. S. (2005) Organizational Routines as a Unit of Analysis. *Industrial and Corporate Change*, vol. 14, no 5, pp. 793–815.
- Reich A. (2012) Disciplined Doctors: The Electronic Medical Record and Physicians' Changing Relationship to Medical Knowledge. *Social Science & Medicine*, vol. 74, no 7, pp. 1021–1028.
- Schön D. A. (1983) *The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action*, New York: Basis Books.
- Schutz A. (2004) Smyslovoe stroenie social'nogo mira [The Meaningful Constitution of the Social World]. *Izbrannoe: Mir, svetjashhijsja smyslom* [Collected Papers: A World Shining with a Meaning], Moscow: ROSSPEN, pp. 687–1022.
- Suchman L. (2007) *Human-Machine Reconfigurations: Plans and Situated Actions*, New York: Cambridge University Press.
- Timmermans S., Berg M. (2003) *The Gold Standard: The Challenge of Evidence-Based Medicine and Standardization in Health Care*, Philadelphia: Temple University Press.
- Turner S. P. (1994) *The Social Theory of Practices: Tradition, Tacit Knowledge, and Presuppositions*, Cambridge: Polity Press.
- Turner S. P., Factor R. A. (1990) The Disappearance of Tradition in Weber. *Midwest Studies in Philosophy*, vol. 15, pp. 400–424.
- Weber M. (2002) Osnovnye sociologicheskie ponjatija [Basic Sociological Terms]. *Teoreticheskaja sociologija: Antologija. Ch. 1* [Theoretical Sociology: Anthology, Part 1], Moscow: Universitet, pp. 70–146.
- Winman Th., Rystedt H. (2011) Electronic Patient Records in Action: Transforming Information into Professionally Relevant Knowledge. *Health Informatics Journal*, vol. 17, no 1, pp. 51–62.
- Winman Th., Rystedt H. (2012) Electronic Patient Records in Interprofessional Decision Making: Standardized Categories and Local Use. *Human Technology*, vol. 8, no 1, pp. 46–64.
- Winman Th., Säljö R., Rystedt H. (2012) Local Knowing and the Use of Electronic Patient Records: Categories and Continuity of Health Care. *Health and Technology*, vol. 2, no 3, pp. 185–196.

Предисловие к публикации «Право на революцию»

Алексей Саликов

Кандидат философских наук, заместитель директора Института Канта

Балтийского федерального университета им. И. Канта

Адрес: ул. А. Невского, д. 14, г. Калининград, Российская Федерация 236016

E-mail: dr.alexey.salikov@gmail.com

Тема революции — одна из наиболее значимых для Ханны Арендт (1908–1975). Этой теме посвящены специальные труды: «О революции» и «Венгерская революция и тоталитарный империализм», отдельные главы «Между прошлым и будущим» и пассажи в «Истоках тоталитаризма», «Vita activa», «О насилии» и других работах. В настоящем номере «Социологического обозрения» впервые на русском языке публикуется беседа между Ханной Арендт и Карло Шмидом (1896–1979) с условным названием «Право на революцию». Текст тематически связан с другими работами Арендт по революционной проблематике и включают в себя многие идеи, изложенные ею в работах «О революции» и «Венгерская революция и тоталитарный империализм». «Право на революцию» сложно назвать классическим интервью, каким оно, по всей видимости, изначально задумывалось на Северогерманском радио. Это разговор равноправных собеседников, причем инициатива в нем принадлежит скорее Карло Шмиду, активно излагающему свою позицию, которую иногда кратко, иногда развернуто комментирует Ханна Арендт. Собеседники обсуждают сущность и признаки революции, различие Французской и Американской революций, значение свободы, социального вопроса, систему советов или элементарных республик, связь между прогрессом и счастьем и, наконец, вопрос о том, почему происходят революции и почему они терпят крах. Выводы, к которым они приходят, несмотря на схожесть в отдельных моментах, различаются: взгляд Шмida на революцию довольно пессимистичен, в то время как Арендт рассматривает ее как начало чего-то нового, видя в ней проявление истинного духа политического. На вопрос о праве на революцию, который и был вынесен в заголовок беседы, не дается явного ответа. В неявной форме он звучит в концепции разговора: Шмид считает, что ситуации, когда люди оказываются недовольны существующим положением вещей, будут возникать всегда, а значит, будут появляться и революционные импульсы. С ним вполне согласна и Арендт: каждый человек уже благодаря факту своего рождения имеет право начинать что-то новое, а это и есть революция.

Разговор между Карло Шмидом и Ханной Арендт передавался 19 октября 1965 года по третьей программе Северогерманского радио и был приурочен к выходу в свет книги Арендт «О революции». Карло Шмид был известным специалистом в области государственного права, с 1953 года заведующим кафедрой политических наук в университете им. Иоганна Вольфганга Гете (Франкфурт-на-Майне), одним из соавторов конституции ФРГ и Годесбергской программы Социал-демократической партии Германии и активным участником движения за европейскую интеграцию. В 1959 году он выставлял свою кандидатуру против Генриха Любке на пост президента ФРГ, а с 1969 года и до своей смерти был координатором немецко-французских отношений. Публикация письменной расшифровки разговора производится с любезного разрешения журнала *HannahArendt.net*, Северогерманского радио и Литературного фонда им. Ханны Арендт и Блюхера (*Hannah Arendt Bluecher Literary Trust*). В русском переводе максимально сохранены все особенности, присутствующие в оригинальной немецкой расшифровке разговора, изменения в чрезвычайно живой языке принципиально не вносились. Лишь в некоторых местах показалось уместным в целях лучшего понимания прибегнуть к некоторым дополнениям, заключенным в квадратные скобки. Кроме того, места, в которых предложение или мысль были не законченными, помечены тремя точками. Текст изобилует выражениями и отдельными словами на французском, латинском, английском языках, которые не переводились в немецком издании, но которые переводчик счел необходимым передать и на русском языке. Сноски к тексту частично были сделаны еще в немецком издании «Права на революцию», частично переводчиком специально для настоящей публикации. Автор перевода выражает искреннюю благодарность Вольфгангу Хойеру, редактору журнала *HannahArendt.net* и автору текстовой расшифровки разговора между Арендт и Шмидом за помощь в понимании отдельных мест, а также содействие в получении согласия на публикацию перевода в «Социологическом обозрении».

“The Right of Revolution: Conversation between Hannah Arendt and Carlo Schmid”: Foreword to Russian Translation

Alexey Salikov

Deputy Director, Kant Research Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University

Address: 14 Nevskogo str., Kaliningrad, Russian Federation 236041

E-mail: dr.alexey.salikov@gmail.co

Право на революцию

Разговор между профессором Карло Шмидом и философом Ханной Арендт (1965)*

Ханна Арендт

Карло Шмид

Данный текст представляет собой запись разговора между Ханной Арендт и Карло Шмидом, который передавался 19 октября 1965 года по третьей программе Северогерманского радио и был приурочен к выходу в свет книги Арендт «О революции». Тематическая беседа Арендт и Шмida связана с другими работами Арендт, касающимися революционной проблематики («Венгерская революция и тоталитарный империализм», «Между прошлым и будущим», «Истоки тоталитаризма», «Vita activa», «О насилии»). Собеседники обсуждают сущность и признаки революции, различие Французской и Американской революций, значимость свободы социального вопроса, систему советов или элементарных республик, связь между прогрессом и счастьем и, наконец, общий вопрос о том, почему происходят революции и почему они терпят крах. Арендт рассматривает революцию как начало чего-то нового, обнаруживает в ней проявление истинного духа политического. Сущность революции Арендт видит в радикальной трансформации общественной системы, в рамках которой старые властные отношения должны исчезнуть и должны появиться институты, в которых возможна реализация свободы. Но для того чтобы это произошло, люди должны действовать вместе. В результате совместного действия возникает пространство публичности, в котором и должна реализовываться свобода человека. Сравнивая Французскую и Американскую революции, Арендт приходит к выводу, что лишь Американская была успешной, поскольку смогла обеспечить участие народа в публичных делах. Во Французской же революции акцент постепенно сместился в сторону социального вопроса, что привело к падению революционного духа и в конечном итоге к поражению революции. Однако именно Французская революция стала примером для всех последующих революций в мире.

Ключевые слова: революция, Американская революция, Французская революция, свобода, прогресс, восстание, конституция, республика

Шмид: Многоуважаемая коллега, Вы написали о революции, о феномене революции¹ книгу, которая, к сожалению, еще не вышла в Германии. Давайте обсудим эту тему. Как мне кажется, разговор было бы правильнее начать именно с нее, прежде

© Саликов А. Н., перевод, 2016

© Norddeutscher Rundfunk, 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-1-56-74

* Источник: Arendt H., Schmid C. (2013). Das Recht auf Revolution: Gespräch zwischen Prof. Dr. Carlo Schmid und der Philosophin Hannah Arendt (1965) // HannahArendt.net. Bd. 7. № 1. Перевод с нем. А. Н. Саликова под ред. А. Г. Жаворонкова.

1. Книга Ханны Арендт «On Revolution» была издана в 1963 году в нью-йоркском издательстве «Viking Press». Переведенное самой Арендт немецкое издание «Über die Revolution» вышло в издательстве «Piper Verlag» в 1965 г.

всего потому, что обычно словом «революция» называют целый ряд вещей, при более пристальном рассмотрении не имеющих друг с другом ничего общего, являющихся зачастую противоположностью друг другу. Революцией называют, например, государственный переворот Муссолини, который — при условии, что слово революция имеет смысл — без сомнения, является не революцией, а государственным переворотом. Говорят о революциях, совершенных Галилеем и Коперником, которые лишили людей геоцентрической картины мира. Говорят о революции, которую произвел в философии и вообще в образе мысли Иммануил Кант своими «Критиками». А потому, учитывая столь необычайную широту употребления понятия «революция», было бы хорошо попытаться уточнить некоторые вещи.

Во-первых, говорить о революции начали не так уж давно — примерно около двухсот лет. События, которые можно было бы назвать революциями, происходили и прежде, но если мы хотим использовать по отношению к ним слово «революция», то необходимо проецировать на них определенные вещи, о которых люди тогда не размышляли. В принципе, можно начать с Американской революции. Американцы так ее не называли: восстав против короля Англии, они хотели произвести реставрацию старых английских свобод, в которых им отказывали. Французская революция, напротив, гордо называла себя «революцией», «переворотом», т. е. был «перевернут» существующий мир, Франция. Можно сказать, что нижнее оказалось наверху: нижнее, народ, *Le Tiers État*² и среди него *Le Peuple*³ должны были теперь быть наверху, а то, что противостояло им, должно было переместиться вниз или подвергнуться уничтожению. Чтобы понятие революции было точным — в том смысле, в каком мы его употребляем в Европе, — к нему, на мой взгляд, должно относиться следующее:

- во-первых, происходит переворот, или, выражаясь немного более популярно, нечто поднимается снизу вверх;
- во-вторых, это происходит в сознании и тем самым достигается прогресс: больше человечности, больше разума;
- в-третьих, происходит восстание народа, берущего собственную судьбу в свои руки;
- наконец, к понятию революции относится то обстоятельство, что она предпринимается, а поэтому и определяется как радикальное изменение оснований легитимности власти, которая должна существовать в этом государстве.

Арендт: Да, если можно, давайте сначала остановимся на этом. Я полагаю, мы оба согласны, что будет лучше, если разговор пойдет о политических революциях, а не о коперниканской или кантовской, потому что последние, собственно говоря, уже метафоры, взятые из политического. Я согласна с Вами, что переворот происходит снизу вверх. Но если мы утверждаем это, мы должны сказать, что революций не было до XVII или XVIII века. Восстания происходили во все времена, но, во-первых, эти восстания были лишь сопротивлением (в том смысле, что правя-

2. Третье сословие (фр.). — Прим. перев.

3. Люди (фр.). — Прим. перев.

щие были плохими правителями и нужно было заменить их лучшими), а не революцией, потому что революция этот способ правления хочет ликвидировать. Можно сказать, что нижние классы перемещаются на место высших, причем верх и низ продолжают существовать, все остается по-прежнему. Таким образом, мы говорим о восстании рабов. Сущность современной революции, т. е. революции Американской или Французской, на мой взгляд, заключается в том, что говорится не «мы хотим властвовать», а «мы больше не хотим, чтобы власть существовала».

Шмид: Что над народом [нет больше] власти людей, находящихся вне его.

Арендт: Да, собственно говоря, вообще нет власти. Знаете, республика определялась как *the government of laws instead of men*⁴, что значит: правящие, высшая инстанция, подлинный авторитет — это закон, и разделение народа на правящих и тех, кем правят, больше не должно существовать. В этом смысле представительной системы.

Шмид: В республике, а также в теории республики есть и всегда были инстанции, обладающие правом отдавать распоряжения; все другие должны подчиняться, если отдающий распоряжения поступает правильным образом. Лишь одно относится к республике и, пожалуй, ко всему тому, что желают создать настоящие революции: любой вид верховенства является лишь комиссарским, перенесенным, делегированным суверенным народом отдельным личностям, которые имеют права не как личности, а как представители, исполнители воли народа.

Арендт: Это означает, что закон стоит над всем...

Шмид: Закон стоит над всем, лишь закон. Революции, говоря о законе, скорее подразумевали то, что мы понимаем под правом, неписаное: право, рождающееся вместе с нами. Это, пожалуй, было...

Арендт: Да, это возможно для Французской...

Шмид: Если говорить о правах человека, то их тоже прямо называли: права человека. Вы же знаете критику Бёрка, который говорил, что права человека не существуют⁵.

Арендт: Да, права человека не существуют.

Шмид: Только права англичанина. Человек не обладает правами лишь по причине своего рождения. Но благодаря тому, что он является англичанином, у него есть права.

Арендт: Это имеет решающее значение. Вопрос лишь в том, прописаны ли права в законах и остаются ли они правами. Во французской декларации прав человека и гражданина (*citoyen*), гражданских прав и прав человека, говорится, что закон есть выражение *volonté générale*⁶. Вот в чем вопрос. Получается, что это прямая противоположность американскому представлению. Потому что там закон оста-

4. Власть закона, а не людей (англ.). — Прим. перев.

5. Эдмунд Бёрк (1729–1797) — англо-ирландский политический деятель Просвещения, автор трактата «Размышления о Французской революции», в котором Французская революция критиковалась с позиций консерватизма. Ср. главу «Спор между „Правами англичанина“ и правами человека» в «Истоках тоталитаризма» Ханны Арендт.

6. Общая воля (фр.). — Прим. перев.

ется зависимым от воли, может быть в любое время изменен, поскольку меняется воля.

Шмид: Да, но не стояло ли за волюнтаризмом в Американской революции нечто очень сильное, крепкое, а именно определенная вера в смысл человеческого бытия, в то, что человек включен в более высокий порядок, чем порядок государства. Называли ли при этом порядок, имеющий свой источник или свое основание в религии, или же в природе, ничего не меняет. Но упомянутое Вами содержание *Déclaration des droits de l'homme et du citoyen*⁷ — это просто чистой воды Руссо.

Арендт: Это чистой воды Руссо.

Шмид: Закон есть не что иное, как конкретное определение неписаного и неосознанно содержащегося в общей воле, — то, во что народ интегрируется и в чем постоянно по-новому себя осознает.

Арендт: Да, здесь я хотела подчеркнуть, что волюнтаризм, о котором Вы говорите, типичен для Французской революции, но не для Американской. Второй характерный признак, упомянутый Вами, — это прогресс. Кондорсе однажды, думаю, в 1793 году, сказал: революцию лишь тогда можно назвать революцией, если она имеет своей целью свободу, что есть нечто другое, чем прогресс. Это означает, что в революции речь идет о...

Шмид: Я имею в виду не технический прогресс, но прогресс в кантовском смысле слова.

Арендт: Да, но прогресс всегда несет с собой благополучие народа. Свобода нечто совершенно иное, то, что у нас называют *institutions of liberty*⁸: революция должна создавать институты, в которых возможна свобода. И такие институты, которые не подчинены прогрессу. Внутри институтов может происходить прогресс, но не обязательно.

Шмид: Но это и есть определяющий момент: институты должны создаваться через революцию, принимая во внимание, что свобода возможна.

Арендт: Да, совершенно верно.

Шмид: И притом не только как декламация, не как у Эпиктета — свобода раба на галере, который, даже оставаясь прикованным к гребной скамейке, может быть свободным, воплощая свободу в своем существовании.

Арендт: Да, внешне, в действии.

Шмид: В действии. Свободно мыслить и свободно действовать.

Арендт: Да, и то и другое.

Шмид: Произошедшее у нас в Германии было, на мой взгляд, большим несчастью: после нескольких неудач свободного действия люди отступили во внутреннюю свободу.

Арендт: Да, это, выражаясь кратко, была немецкая катастрофа.

7. Декларация прав человека и гражданина, важнейший документ Великой французской революции, определяющий индивидуальные права человека. Была принята Национальным учредительным собранием 26 августа 1789 года.

8. Институты свободы (англ.). — Прим. перев.

Шмид: Плохо то, что внутренняя свобода смогла себя выразить в столь благородных трудах. Поэтому она подействовала так соблазнительно.

Арендт: Видите ли, даже Маркс не осознавал, что значит свободно действовать.

Шмид: Потому что он, возможно, не знал, что это такое. Согласно его главному положению, невозможно быть свободным, пока есть господство человека над человеком, пока нет бесклассового общества. Он был апокалиптиком.

Арендт: Да.

Шмид: Или эсхатологом, не так ли? Для него все обстояло следующим образом: есть своего рода «священная история», которая разворачивается в определенных фазах, эпохах; человек лишь только исполнитель. В каждой из эпох есть мировой закон, который необходимо осуществить. И лишь в последний день, когда бесклассовое общество уже будет существовать, наступит «третье царство», царство, в котором человек будет действительно свободен, не будет больше господства человека над человеком и необходимости в праве, но будет существовать лишь любовь, человечность.

Арендт: Да, мессианские условия. В этом содержится, как мне кажется, еще одна ошибка, а именно уравнивание освобождения и свободы.

Шмид: Римляне знали это: *liberti*, вольноотпущенники.

Арендт: Они не были свободны, это большая разница.

Шмид: Не только в правовом смысле несвободны, но они, я бы сказал, и конституционально не считались свободными людьми.

Арендт: Да, в древности это было хорошо известно. У нас этого больше не знают. Так называемые свободы, права индивидуума существуют, к примеру, даже в конституционных монархиях. Они также могут существовать в определенных диктатурах.

Шмид: Даже в подчиненном положении можно оставаться свободным.

Арендт: Абсолютно, а именно лично.

Шмид: Подданный Кант чувствовал себя свободным.

Арендт: Конечно.

Шмид: Несмотря на выговор, который он получил от министра, когда осмелился выйти немного вперед в области теологии.

Арендт: Да, он там очень искусно маневрировал. Он знал, чего хотел. Я имею в виду следующее: гарантия индивидуальных, частных прав — это еще не то же самое: ее можно встретить во всех, почти всех... Лишь жесточайшая тирания, какой мы ее знаем, действительно забирает права. Они гарантированы во множестве государственных форм, которые еще не являются свободными государственными формами.

Шмид: Возьмем Средние века. Без сомнения, личные, частные права были превосходно гарантированы в системе привилегий феодализма, и привилегии различались очень сильно. У крестьянина не было привилегий графа, но у него были привилегии крестьянина. И пока его устраивало крестьянское существование, он мог себя чувствовать человеком, включенным в право, имеющим возможность ре-

ализовать свои права. Подданный мог быть в личных, частных правах совершенно свободным человеком. В Германии до революции 1848 года простые подданные испытывали меньше вмешательства со стороны государства по сравнению с дворянами. С эпикурейской точки зрения жизнь была лучше. Но с точки зрения стоиков, чувствовать себя подопечным хорошего опекуна и довольствоваться этим не согласуется с достоинством человека. Достоинство человека предполагает (американцы это также осознавали, когда совершали свою революцию и провозглашали декларацию прав человека), что он хочет быть свободным для государства, т. е. участвовать в формировании последнего и нести за это ответственность. Полагаю, это относится к свободе в гражданском смысле — и мы хотим так его понимать, не только в философском смысле, в смысле внутренней сущности. Это также сюда относится. Есть два вида свободы. Есть свобода эпикурейская: я свободен, если государство оставляет меня в покое («Кандид» Вольтера, «*surtout il est nécessaire de cultiver mon jardin*»: в своем саду я свободен, и за ограду сада я не выхожу, со мной там много чего может произойти; мир, горячее дыхание мира, истории, проходит мимо меня). Это своего рода свобода: быть оставленным в покое. Производной от нее формой является либертинец. И есть другой вид, который развили стоики: свобода для государства, свобода, бытие, здесь-бытие, возможность самому создавать жизненные формы, в которых человек существует, и нести при этом ответственность.

Арендт: Джейферсон называл это *participator in government*⁹. Это означает, что человек является свободным только тогда, когда у него есть возможность действия. И представление, что само действие, а не только мышление, как Вы говорите, принадлежит к достоинству человека, что действовать можно лишь в свете публичности и что об этом речь идет в революциях, которые начинали с провозглашения других свобод, т. е. свобод, гарантирующих отсутствие гнета. И поскольку гарантии провозглашались, старые священные привилегии... Все революции начинали как реставрации. Токвиль однажды сказал, что при рассмотрении Французской революции сначала может показаться, будто речь идет о реставрации, а не о революции.

Шмид: Читая так называемые *Cahiers*, *Cahiers de Doléances*, жалобы, предъявляемые отдельными местностями, видишь, что они требовали восстановления старого доброго права. Прочь новомодные вещи.

Арендт: Совершенно верно. Все это писали в принципе старомодные люди. И удивительно, что при этом дело дошло до революции. Ведь для того, чтобы претендовать на свободу, люди должны были действовать вместе. Действуя совместно, они организовывали пространство публичности и должны были действовать. И вдруг они проливают кровь и говорят: мы хотим большего.

9. Соучастник управления, соправитель (англ.). — Прим. перев.

Шмид: Возьмем все-таки пример Французской революции. Как все началось? *États Généraux*¹⁰, эти патриархальные, допотопные институты, соединяли вместе аристократию, духовенство, третье сословие.

Арендт: Все роялисты, даже Робеспьер.

Шмид: Да, в одном своем тексте он признается, что он роялист. Они роялисты и хотят лишь, чтобы у них был другой режим, режим должен быть реформирован, — и вдруг приходит Мирабо, читавший «Что такое третье сословие?» Сийеса и, возможно, испытавший определенное влияние Лафайета, Бенджамина Франклина, и говорит: нет. Нет, речь идет о чем-то другом. Мы не собрание сословий, потому что оно представляет только сословия. Мы хотим представлять нацию. И это *Tiers État*¹¹ учреждается как национальное собрание, как *Assemblée Nationale*¹², и поэтому народ Франции суверенен. Но никто из них еще не думал тогда об определенных социальных или политических вещах, вовсе нет. Они лишь хотели создать другое основание легитимности.

Арендт: Помимо этого, они хотели нацию, как Вы справедливо заметили. Но кроме того — и в этом заключается прямое влияние Америки, что, на мой взгляд, можно доказать, — они хотели одновременно конституцию. Причем в виде письменного документа. И это было совершенно ново.

Шмид: Как философский документ.

Арендт: Как письменный.

Шмид: Английская конституция, восхитительная английская конституция, была неписаной, и люди уже тогда понимали, что все ее институты возникли, в сущности, без чьего-либо желания, по крайней мере не были выведены из некоторого абстрактного принципа. Ее никто не считает философской: ее считают сложившейся конституцией, получившейся удачной лишь случайно. Вместо этого люди хотели обладать чем-то вроде конституции, в которой применяются общие принципы. Ипполит Тэн писал об этом, отмечая, что для людей было несчастьем полагать необходимым исходить из общих принципов, из *principes généraux*¹³, и считать, будто действительность можно конкретизировать из них здесь и сейчас, не теряя самого принципа.

Арендт: Да, Вы знаете, в Америке, откуда пришло это представление о конституции, примечательным образом сразу после объявления независимости разразилась конституционная лихорадка. Каждый штат принимал свою конституцию, у них был неописуемый страх впасть в так называемое естественное состояние. В Америке было большой удачей революции и триумфом американских революционеров, что они с этим в итоге справились.

Шмид: Не было ли все это по своей сути катехизисом?

Арендт: Слушайте, она остается им и сегодня.

10. Генеральные штаты (фр.). — Прим. перев.

11. Третье сословие (фр.). — Прим. перев.

12. Национальное собрание или Национальная ассамблея (фр.). — Прим. перев.

13. Общие принципы (фр.). — Прим. перев.

Шмид: Катехизисом, в который можно было заглянуть, и поэтому писаным. Я не имею в виду ничего уничтожительного, совершенно нет. *Catechismus Romanus*¹⁴ сохраняется и сегодня.

Арендт: Как всегда, непременно нечто прочное, нечто, что обеспечивает стабильность, выступает в роли вала, в границах которого человек свободен. Почему это не удалось в Европе? В Европе этого нет. То, что мы в Европе называем конституцией, имеет очень мало общего с тем, что мы называем конституцией в Америке и что имеет абсолютно революционное происхождение. Видите ли, в течение нескольких лет [во Франции] было десять конституций, одна за другой. Дело было уничтожено. Конституция стала тем, о чем в Германии очень часто говорили: «ключок бумаги». Это началось уже во Французской революции. И вопрос, действительно, в том, почему потерпевшая неудачу Французская революция так популярна в мире? Почему другая, [Американская революция], которой повезло, не пользуется вообще никаким успехом?

Шмид: Думаю, на первый вопрос можно ответить так: легче создать конституцию, если начать с нуля. Легче создать долговременную конституцию, если она служит условием сохранения организованного сообщества. В древней стране со старыми институтами, старыми обычаями, с тем, что Монтескье называет *les moeurs*¹⁵, нравами, являющимися чем-то большим, нежели просто нравы отдельных людей, являющимися самосознанием человека в окружающем его мире, намного тяжелее с первой попытки найти формы, не отрицающие прошлого и включающие в себя будущее. Всегда будут предприниматься попытки и будет существовать необходимость несколько отделяться от основания, от которого произошло первое, и на отделившемся попытаться создать новую отправную точку. Не следует оставлять это без внимания. И если Вы спрашиваете, почему одна так сильно повлияла, а другая нет, — что ж, Париж — другая точка пересечения, не такая, как Вашингтон или Бостон.

Арендт: Так нам кажется сегодня. В XVIII веке Америка и в представлении европейцев играла более значимую роль, чем в XIX веке. Люди, совершившие революцию в Америке, чувствовали себя абсолютно европейцами, намного больше, чем сто лет спустя, и были совершенно еще англичанами. Я думаю, очень важно, что в Американской революции социальные вопросы не играли никакой роли. Когда во Франции освободили народ, там освободили бедность.

Шмид: Однако слово *peuple* всегда имело во Франции двойной смысл: с одной стороны, оно означает «население», но также и «маленькие люди». Если Руссо и Марат говорят о *le peuple*¹⁶, они имеют в виду «маленьких людей» — тех, кто еще не изуродован цивилизацией и потому не деградировал.

14. Римский катехизис — изданный в Риме в 1566 году и долгое время пользовавшийся большим авторитетом катехизис, в котором нашли отражение реформистские идеи Тридентского собора.

15. Нравы (фр.). — Прим. перев.

16. Люди (фр.). — Прим. перев.

Арендт: Да, и тогда под этим Робеспьер понимает *les malheureux*¹⁷.

Шмид: *Les malheureux*.

Арендт: Но еще не Руссо.

Шмид: Возьмем, к примеру, *les misérables*¹⁸ Виктора Гюго, который дает своему революционному роману название «*Les Misérables*».

Арендт: Конечно. И это начинается, собственно, с Французской революции. Видите ли, даже у Руссо *le people* не способен к обществу и потому обществом не может быть испорчен. Но он не имеет в виду *les malheureux*.

Шмид: Он имеет в виду необразованных, неиспорченных, как мы бы сказали.

Арендт: Но не несчастных.

Шмид: Потому что у него образование, в академическом школьном смысле, портит: например, если прочитать «Эмиль», не так ли? Ребенку дают образование не в школе, а во время прогулки, наблюдая за пасущимся ягненочком.

Арендт: Это *le bon sauvage*¹⁹.

Шмид: Да. У Руссо народ прежде всего должен быть гомогенным, гомогенным в ощущении *Volonté générale*²⁰ скорее представляет собой *sentiment général*²¹, которое высказывается, демонстрируется и этим все изнуряет. Мы, конечно, знаем, что из этого возникло в состоянии упадка и извращения: гомогенность народа, принявшая затем биологическо-дарвинистское направление.

Арендт: Да, во Французской революции акценты смещаются, *bon sauvage* превращается в *le malheureux*, и с этого момента социальный вопрос попадает в центр внимания. И социальный вопрос тем самым представляется бесконечно более важным, потому что в первый раз нищету выпустили на улицы и впервые ее действительно увидели.

Шмид: *Les faubourgs*²².

Арендт: Да. И под этим потоком нищеты, которая актуальна, как и все телесные вещи, уничтожается революция в смысле основания новой государственной формы, т. е. пространства свободы.

Шмид: Пространства нового общества?

Арендт: Да. Но теперь считают, что прежде чем появится новая государственная форма, сначала должно возникнуть новое общество — разве нет? Робеспьер говорит в одном месте: «*La république?* *La monarchie?* *Je ne connais que la question sociale*»^{23,24}.

Шмид: Да, разумеется. У Робеспьера, Бабёфа, Сен-Жюста это так; у Эбера...

17. Несчастные (фр.). — *Прим. перев.*

18. Отверженные (фр.). — *Прим. перев.*

19. Благородный дикарь (фр.). — *Прим. перев.*

20. Общая воля (фр.). — *Прим. перев.*

21. Общее настроение (фр.). — *Прим. перев.*

22. Пригороды (фр.). — *Прим. перев.*

23. «Республика? Монархия? Я не знаю ничего, кроме социального вопроса» (фр.). — *Прим. перев.*

24. В своей книге «О революции» Арендт приводит эту цитату по кн.: Olivier A. (1954). *Saint-Just et la force des choses*. Paris: Gallimard. P. 145.

Арендт: Конечно.

Шмид: Но есть другие. Никто не был столь безжалостен по отношению к *miserables*, как революция, как республика, которая из этого возникла. Она действительно пыталась основать себя на собственности и образовании, причем на собственности с большой буквы. В итоге пафосом и этосом революции стало отсутствие необходимости возвращать дешево купленные *bien nationaux*²⁵.

Арендт: Совершенно верно.

Шмид: На этом была основана внутриполитическая победа генерала Наполеона Бонапарта.

Арендт: Конечно. Потому в итоге это стало подъемом буржуазии и концом аристократии.

Шмид: Это буржуазное мышление государства берет свое начало с Джона Локка. Но я хотел бы еще ответить на вопрос, который Вы только что подняли: почему Французская революция оказывала влияние по всему миру? Не воспринимайте, пожалуйста, мой ответ как попытку сострить: посредством десятичной системы и всего того, что с ней связанно.

Арендт: Этого я не понимаю.

Шмид: Благодаря привнесенному ей в мир представлению о том, что все можно редуцировать к математической аксиоме, к вещам, которые можно доказать: ничто не имеет права на существование лишь потому, что оно уже существует, но *more geometrico*²⁶ должно быть доказуемо в своем существовании на основе непосредственного наблюдения и аксиом. Поэтому метрическая система — Вы это знаете, не так ли, — была настоящей революцией неслыханного предела действия, после того как эта система была привнесена в мир. Но в данном случае я говорю о метрической системе *Code Civil*, Гражданского кодекса.

Арендт: Все это находится, если я Вас правильно понимаю, на стороне нации.

Шмид: Конечно, на стороне воли: это было совершенным волюнтаризмом. Вот что привнесла в мир Французская революция — и что произошло в первую очередь благодаря ее исполнителю, первому консулу Наполеону. Мир становится качественно понятным. Больше не нужно пытаться понять качества, нужно составить себе картину мира, измеряя и считая, дифференцируя и интегрируя. *Code Civil* не что иное, как прикладная...

Арендт: Вы совершенно правы. В настоящий момент я думала совершенно о другом.

Шмид: Под метрической системой я не имею в виду что-то коммерческое.

Арендт: Нет, нет, я вполне понимаю, а именно [что это] фактически оказывало влияние. Но есть еще другое влияние, о котором я в настоящий момент думала, а именно влияние внутри революционной традиции. Видите ли, обе великих революции не были совершены революционерами. Но со временем обеих великих

25. Церковная и монастырская собственность (фр.). — Прим. перев.

26. Геометрическим способом (лат.). — Прим. перев.

революций существует новый политический тип, существует революционер. И революционер ориентируется исключительно на Французскую революцию.

Шмид: И, что характерно, этот революционер почти всегда оказывается литератором²⁷. Не тем, что были прежде, такие как Кромвель, кто ради себя, ради Оливера Кромвеля, хотел бы, чтобы в государстве было по-другому, но таким, кто желает, чтобы было по-другому ради идеи.

Арендт: Да, но... — и *hommes de lettres*²⁸ во Франции до революции, [и] Джейферсон, Джон Адамс являются лишь литераторами.

Шмид: Но они не хотели никакой революции, они хотели *république des savants*²⁹.

Арендт: Правильно.

Шмид: Они верили в то, что разум сам через нее осуществится. Точно так же Вильгельм фон Гумбольдт оставил вопрос о режиме открытым. Этот вопрос оказывается совершенно неважным: если человек правильно образован, он везде человек в истинном смысле слова и свободен в вещах, имеющих значение. Такой человек, как Вольтер, не имел ни малейшего интереса к бедности. Руссо и Вольтер различаются как день и ночь.

Арендт: Нет, *hommes de lettres*, имеющие все же много общего с революцией, совершенно не интересуются социальными вопросами. Социальный вопрос возникает лишь в революции и, с моей точки зрения, просто как факт. Но у этих людей есть то, что Токвиль очень сильно подчеркивал: новый вкус к публичному. Их больше не устраивает, что им, собственно говоря, очень хорошо. Они хотят в публичность.

Шмид: К свободе в смысле XVIII века приходят затем в XIX веке в процессе дальнейшего влияния вещей, оживших уже во Французской революции, но подавлявшихся (у Бабёфа и других). Теперь внезапно и все интенсивнее привносится другой элемент: свобода — это прекрасно, но что значит свобода? Анатоль Франс: «Миллионерам точно так же запрещено воровать хлеб, как и бродягам». Но как сделать так, чтобы не было тех, кому приходится воровать хлеб, чтобы не умереть с голоду?

Арендт: Но тем самым смещается акцент. Тем самым, с моей точки зрения, происходит смещение, при котором о государственной форме полностью забывают. Маркс вообще не интересуется государством, оно отмирает. А Ленин, который был очень странным господином, сказал однажды нечто, возможно, свидетельствующее о том, что первоначальный подход, то есть обоснование свободы, а не только освобождение людей... Когда его спросили, как бы он определил револю-

27. Так в XVIII веке называли людей, подготовленных к власти и страстно желающих применить полученные ими знания на практике. Ср.: Ханна Арендт, «О революции», глава третья «Стремление к счастью».

28. Литераторы (фр.). — Прим. перев.

29. Республика ученых (фр.). — Прим. перев.

цию, он сказал: электрификация плюс Советы³⁰. Здесь Вы точно развели понятия. С одной стороны, освобождение от нищеты, которое на самом деле есть условие, *conditio sine qua non*³¹ свободы, но с другой стороны, новая форма правления — и [Ленин] обе эти вещи, новую форму правления, Советы, и электрификацию, т. е. техническое развитие, передал партии, и тем самым русская революция в принципе...

Шмид: Под электрификацией он понимал то, что иначе называют американization.

Арендт: Конечно, он это имел в виду.

Шмид: Под советской системой понимают и следуют понимать систему советов, при которой государственная власть находится в руках тех, кто эффективно вносит вклад в существование общества и государства. Не человек как индивидуум, который сам по себе, но человек как участник производства.

Арендт: Или как член соседской общины, или даже как завсегдатай кафе. Знаете, Венгерская революция, в которой социальный вопрос странным образом вообще не играл никакой роли, — это последняя революция, во время которой советы снова сразу же возникли. Значит, народ всегда хотел систему советов, сразу организовывал ее и знал, каким образом ее следовало организовывать. Вы можете обнаружить это в Парижской коммуне, в первой, которая, как я полагаю, ни в коем случае не занималась исключительно социальными вопросами.

Шмид: Не имевшей ничего общего с социальной демократией?

Арендт: Ax, совсем ничего.

Шмид: Но как одичавший экстремальный демократизм и либерализм она была настоящим анархизмом?

Арендт: И то и другое. С другой стороны, достаточно посмотреть на документы, на которые совершенно не обращали внимания даже всецело ориентировавшиеся на социальные вопросы историки, чтобы увидеть, насколько маленькие люди к этому стремились: они хотели иметь настоящие уставы, они хотели своего участия в правительстве.

Шмид: Они хотели иметь также свои *phalanstères*³², не так ли.

Арендт: Санкюлоты. У них было и то и другое. В Парижской коммуне 1871 года у них было и то и другое. Потом у них были советы в Германии и Австрии.

Шмид: Система советов возникла совершенно спонтанно, без каких-либо раздумий относительно «что» и «как». В 1905 году в России, когда гарнизоны, взбунтовавшиеся во время первой революции, и фабрики, которые к ним присоединились, сказали: теперь мы должны выбрать наших доверенных людей, и они должны соединиться в одно целое, и вся власть советам. В их руках должна находиться вся власть, потому что мы, солдаты, матросы, рабочие, действительно

30. В действительности определение Ленина относилось не к революции, а к коммунизму и звучало так: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». — Прим. перев.

31. Непременное условие (лат.). — Прим. перев.

32. Общинные дома (фр.). — Прим. перев.

являемся государством и государство действительно принадлежит нам: ведь если делать все как прежде, то мы будем лишь обмануты.

Арендт: Правильно. Очень интересно, что в Америке, где этого меньше всего можно было бы ожидать, Джейферсон, уже выйдя в отставку в преклонном возрасте, также разработал подобную систему и сказал: «*Ceterum censeo*³³, я постоянно повторяю, разбивайтесь на *wards*³⁴ и сотни, потому что без этого республика не выживет».

Шмид: Это старый принцип распределения власти. Власть даже в государстве не определяется как единое целое и должна быть распределена между ее различными носителями и держателями. И чем она ближе к народу, сказал Джейферсон, тем больше этой властью будет сам народ.

Арендт: Во-первых, народ осуществляет контроль, но есть еще и другая вещь. Каждый человек из народа, если он того желает, имеет возможность действовать, принимать участие в публичных делах. Он [Джейферсон] однажды сказал: «Если у нас это будет, я вас уверяю, вы скорее дадите себя на куски разрезать, чем позволите забрать у себя власть какому-нибудь Цезарю или Бонапарту»³⁵.

Шмид: Тогда еще существовало право быть оптимистом.

Арендт: Вы знаете, я все же хотела бы еще сказать... В любом случае единственные государственные формы, возникающие непосредственно из революции, — это, во-первых, республика, а во-вторых, система советов. Причем возникающие спонтанно.

Шмид: Обе имеют одинаковый корень, представляя собой разные техники для осуществления воли народа.

Арендт: Совершенно верно.

Шмид: Но корень один и тот же: народ есть государство. Власть принадлежит народу. В больших государствах ее нельзя больше применять так, как в сельской общине, как в кантонах; нужно иметь представительство, презентацию народа. Одни говорят: основанием для этого является площадь, выборный округ, страна; другие возражают: нет, там, где сосредоточено существование индивидуума, на производстве. Романтики говорили тогда: в семье, в деревне.

33. «Кроме того, я думаю» (лат.) — первая часть латинского крылатого выражения фразы «*Ceterum censeo Carthaginem esse delendam*» («Кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен»), приписываемой римскому полководцу Катону Старшему, который заканчивал этой фразой все свои речи (вне зависимости от их тематики) в сенате.

34. Избирательные участки внутри одной общины, округа (англ.). У Джейферсона под этим словом понимаются единицы местного самоуправления низшего уровня. — Прим. перев.

35. Томас Джейферсон писал 2 февраля 1816 года Джозефу К. Кэбеллу: «Где каждый человек является участником своей республики-района (*ward-republic*), или [республики] более высокого уровня, и чувствует, что он является участником в управлении делами, но не только на выборах один день в году, а каждый день; когда не останется человека в государстве, который не был бы членом какого-нибудь из его советов, большого или маленького, он скорее даст вырвать сердце из своего тела, чем позволит Цезарю или Бонапарту отнять у себя власть» (*Jefferson T. [1993]. The Life and Selected Writings of Thomas Jefferson. New York: Modern Library. P. 246 [= Arendt H. (1963). Über die Revolution. München: Piper. S. 325]*). См. также впервые опубликованный на *HannahArendt.net* документ: «*Founding Father*» (1963).

Арендт: Нет, не в семье. Видите ли, как только вы это привнесете, так сразу же все разрушите. Семья — это частная сфера.

Шмид: Я имею в виду не систему советов, а нечто, возникшее из похожей мысли, романтическое сословно-государственное представление. Шарль Моррас: человек, до того как он человек, есть член семьи, еще прежде он является жителем деревни и так далее, и эти вещи должны вознаграждаться репрезентацией.

Арендт: Все это может быть репрезентировано. Что не может быть репрезентировано, так это мое желание действовать самостоятельно. Свои интересы я могу доверить представителю интересов, но свое действие — нет.

Шмид: Об этом говорит Руссо: суверенитет не может быть делегирован.

Арендт: Вопрос, возникающий сегодня в связи с гигантскими государствами, заключается в том, как их можно снова, так сказать, разбить, чтобы для тех, кто хочет — что ни в коем случае не идентично с большинством населения, — была возможность счастья публичности, как его назвал XVIII век. Что народ стремится в этом направлении, видно по революциям. Каждая революция производит из себя систему советов. Для этого не нужно никакой традиции, они [революционеры] об этом понятия не имеют.

Шмид: Но вернемся к тому, что нового пришло в XIX век. Если в XVIII веке свобода легитимировала государство, то в дальнейшем его будет легитимировать социальное.

Арендт: Да, справедливость.

Шмид: Но и здесь нужно кое-что учитывать: значение слова «социальный» претерпело изменение. Прежде оно означало общественное, связанное с обществом, не индивидуум и не государство, а систему потребностей, — и вдруг «социальное» получает внутреннее значение. Оно теперь означает заботу о том, чтобы никто не страдал от нужды, чтобы каждый имел возможность достойного человеческого существования благодаря наличию средств пропитания. И в то время как еще у Канта благосостояние не было критерием правильности государства, теперь им становятся возможность, способность, воля государства к созданию благополучия.

Арендт: И это стало возможно впервые. Обнаружилось, что социальные вопросы можно решить только при помощи техники, а не посредством классовой борьбы, т. е. это не имеет отношения к политике.

Шмид: Я хотел бы копнуть еще немного глубже. На основе представления, что государство должно быть социальным в этом смысле, возникли два движения. Первое утверждало: необходимо проводить реформы, которые ведут к этой цели; представители другого говорили: реформы не имеют никакого смысла, потому что общество, с точки зрения их подхода к пониманию, чем оно является, совершенно к ним не готово (закон Рикардо³⁶ и так далее: действительно быть социальным,

36. Дэвид Рикардо (1772–1823) — британский экономист, выдвинул теорию сравнительной выгоды расходов в международной торговле, согласно которой даже экономики на разной стадии развития могут вести выгодную торговлю друг с другом. При этом не принимались в расчет аспекты социаль-

в этом смысле). Таким образом, если действительно хочется, чтобы человек был свободным, чтобы работа не была в тягость, но была тем, в чем человек находит свое сущностное предназначение, тогда необходимо перевернуть всю организацию работы, всю организацию производительных сил, необходимо произвести переворот.

Арендт: Вы говорите еще из перспективы...

Шмид: Я пытался сказать так, как мог бы сказать Маркс. Я точно так же, как и Вы, считаю, что сегодня это устарело. Оно стало беспредметным, потому что условия изменились. Впрочем, Маркс придерживался мнения, что в один прекрасный день даже работа как таковая перестанет быть необходимой. В его представлении, в бесклассовом обществе будут такие же условия, какие были в Афинах времен Перикла для свободных, но не для тех, кто вынужден был работать, не для *bananaos*³⁷ и рабов.

Арендт: Я очень рада, что Вы это говорите. Конечно, почти никто не замечает, что для Маркса Афины Перикла были всегда представлением, на которое он ориентировался.

Шмид: Он совершенно не случайно читал Софокла.

Арендт: Конечно, нет сомнений, что так и было. Но могут возникнуть значительные проблемы, если мы получим поздний Рим с плебсом. Это, к сожалению, намного вероятнее...

Шмид: Чем демос.

Арендт: Чем демос, чем свободный человек... Потому что люди, действительно обладающие этим *goût*³⁸, этим вкусом к публичному и к свободе, о которых говорит Токвиль, не являются большинством ни в одном социальном слое.

Шмид: Во Франции существует для этого термин, который обосновали итальянцы (*la classe politica*³⁹, Москва), Токвиль и другие: *la classe politique*⁴⁰. Слой людей, который проходит через все социальные слои, снизу доверху, у которого есть, так сказать, страсть (*Eros*) к идентификации собственного бытия с государством.

Арендт: Да. С политическим.

Шмид: В своем бытии жить для государства.

Арендт: И для класса людей...

Шмид: Который стал очень тонким.

Арендт: Да, он стал слишком тонким в том числе и потому, что не существует институтов.

Шмид: Они были в Англии, я не знаю, есть ли они еще (в моей юности они еще были): джентри и тому подобное.

ногого неравенства. Ср.: Krugman P., Obstfeld M. (2009). Internationale Wirtschaft: Theorie und Politik der Außenwirtschaft. München: Pearson Studium.

37. Греческое слово для определения того, кто занимается сидячей, с точки зрения воина достойной презрения, деятельностью — ремесленника.

38. Вкус (фр.). — Прим. перев.

39. Политический класс (ит.). — Прим. перев.

40. Политический класс (фр.). — Прим. перев.

Арендт: Они все еще есть в Америке: *townhall meetings*⁴¹ и так далее.

Шмид: Они были во Франции Третьей республики: все эти *hommes de lettres* и адвокаты.

Арендт: Однако Франция Третьей республики была тем, чему стоило исчезнуть.

Шмид: Но существовал *classe politique*. Он был, возможно, плохим, глубоко коррумпированным, но он существовал. Ведь решающим является в первую очередь то, что есть люди, которые, каковы они есть, хотят встроиться в государство. Хорошо или плохо они делают — это другой вопрос. У нас же я вижу, что людей, готовых идентифицировать себя с государством, войти в него, чтобы его формировать и нести ответственность, становится все меньше и на место этих свободных граждан приходят деятельные люди, менеджеры, организаторы, без которых ничего не делается, у которых есть своя ценность. Но тогда это больше не республика, о которой мечтали, когда шли за это слово на баррикады.

Арендт: Да, и это был бы, конечно, конец революции. Видите, революционный дух, который был открыт в революции, а не до нее, идентичен собственно политическому духу.

Шмид: Это противоположность технократического мышления.

Арендт: Точно.

Шмид: На место этого истинно политического духа приходит технократия.

Арендт: Технократия абсолютно необходима, потому что без нее, без ее решения нет политики. Но все это технократическое имеет какой-либо смысл только в том случае, если оно может вспыхнуть в свободном пространстве публичности, где существует только политика.

Шмид: Здесь я бы повторил вместе с Платоном то, что он говорит о поэте. Платон сказал, что покрыл бы его розами, но выслал бы из государства. Технократа, с моей точки зрения, можно увенчать дубовой листвой, но не в государство, а в полис...

Арендт: К полису он не принадлежит, к полису он не принадлежит!

Шмид: Но он снова туда попадает. При том, что сегодня называется политической... это не вопрос страсти, формы, но радость от организации, от технического, правильного соединения действующих сил.

Арендт: Существует человеческая и нечеловеческая власть.

Шмид: Взглядите сегодня на предвыборную борьбу. Больше никто не пытается найти лучшие аргументы, а ищут трюки и способы, при использовании которых достигается большая популярность. Но это техническая вещь: подготавливать нечто таким образом, чтобы приобретать популярность ради выполнения цели. Возможно, здесь уместно напомнить о том, что слово «революция» когда-то имело выраженный оптимистический характер, общечеловеческий акцент. Существовало убеждение, что человечество будет благодаря ей лучше и счастливее. Вопрос

41. Общие собрания (англ.). — Прим. перев.

в том, связывают ли сегодня слово «революция» с этим оптимистическим, общечеловеческим акцентом. Может быть, в Китае. Вопрос в том, так ли это здесь, в устоявшихся обществах, где нужно опасаться, что посредством переворота будет очень многое разрушено, и где существуют опасения, можно ли его осуществить. Я думаю и о другом, о предвидении Оруэлла. До этого утопии были почти всегда оптимистичными. Начиная с атомного века, с века технократии, они становятся пессимистичными. Человек, взгляни на то, куда ты идешь!

Арендт: Что мы можем делать? Я имею в виду, что не нахожусь внутри политики, как Вы. Я постаралась реабилитировать слово «революция». Я придерживаюсь мнения, что действительно устойчивые политические образования и устойчивый политический словарь ХХ века имеют революционное происхождение. Что мы сегодня во всем мире сталкиваемся с революциями. В любом случае. А именно в смысле основания чего-то нового.

Шмид: Это проявляется также в том, что ни одно политическое движение уже не обладает смелостью сказать, является ли оно консервативным или правым. В лучшем случае оно консервируется.

Арендт: Таким образом, слово «революция» и само это явление стоят на повестке дня будущего десятилетия. Речь идет о том, что такое революция, что является ее истинной целью, отчего она терпит крах... Она всегда терпит крах от террора.

Шмид: Она пожирает своих детей.

Арендт: Да, революция не должна пожирать своих детей.

Шмид: Но до этого она всегда их пожирала.

Арендт: Да, потому что господа ходили в школу Французской революции и даже верили, что они вовсе не являются революционерами, если не приходят к тому пункту, где революция пожирает своих детей.

Шмид: Брут, это образ Брута.

Арендт: Нет, это всегда образ Французской революции.

Шмид: Нет. В революции всегда был образ Брута, который дает убить своего сына, если этот сын идет против свободы или не был добродетельным в смысле *virtus*⁴², переименованной⁴³ Французской революцией в *la vertu*⁴⁴. Что нужно делать? Сложно сказать. Я сам думаю, что революции сегодня, произойди они в стабильном обществе, в Европе, даже в Советском Союзе, в первую очередь разрушили и далеко отбросили бы страны, в которых они произошли, и людей, этим затронутых. С другой стороны, остается одно: нельзя довольствоваться тем, что

42. Добродетель (лат.). — Прим. перев.

43. Ср.: Robespierre. (1957). *Textes choisis*, Vol. 3. Paris: Editions Sociales. Шмид ссылается на следующее высказывание: «Если движущей силой народного правительства в период мира должна быть добродетель, то движущей силой народного правительства в революционный период должны быть одновременно добродетель и террор — добродетель, без которой террор пагубен, террор, без которого добродетель бессильна». Цит. по: Робеспьер М. (1965). О принципах политической морали. Доклад 5 февраля 1794 г. // Робеспьер М. Избранные произведения. Т. 3. М.: Наука. С. 112.

44. Добродетель (фр.). — Прим. перев.

у нас есть сегодня. Достоинство человека также предполагает, что он не успокаивается на достигнутом. Короче говоря, утопия, на мой взгляд, является условием для того, чтобы человечество не загнивало или постепенно не зарастало тиной. Всегда будет существовать потребность и необходимость бросить камень дальше, чем он падал прежде. И всегда будут возникать ситуации утопии, а вследствие них и революционные импульсы. Люди будут осознавать: мир в том виде, в каком он существует сейчас, неправилен. Но сегодня у нас есть ряд вещей, которых не было у наших предков и которые нам позволяют пользоваться миром и изменять его. Таким образом, мы изменяем его сначала в книге «Утопия». Мы изменяем его в действительности, канализируя потоки, ведущие к изменению. Мы не дожидаемся, пока они, словно горные ручьи, выйдут из берегов и снесут все мельницы, стоящие на берегах потока истории. Мы их направляем в каналы, строим плотины со шлюзами, направляем их так, чтобы они не только не разрушали старые, но приводили в движение новые мельницы!

Арендт: Это защитительная речь не только в защиту революции, но и революционного духа. И мне кажется, что действительно все сводится к тому, как долго революционному духу — а из революции возникли все государственные образования Нового времени, при условии их позитивной оценки, — можно сохранять жизнь.

The Right of Revolution: A Conversation between Hannah Arendt and Carlo Schmid

Hannah Arendt

Carlo Schmid

Alexey Salikov (translator)

Deputy Director, Kant Research Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University

Address: 14 Nevskogo str., Kaliningrad, Russian Federation 236041

E-mail: dr.alexey.salikov@gmail.com

This text presents a record of the conversation between Hannah Arendt and Carlo Schmid, which was broadcast on October 19, 1965, on the third television channel of Norddeutscher Rundfunk (Northern German Broadcasting), and coincided with the publication of Arendt's book *On Revolution*. The conversation between Arendt and Schmid is thematically connected with other works of Arendt concerning revolutionary topics (*Die ungarische Revolution und der totalitäre Imperialismus*, *Between Past and Future*, *The Origins of Totalitarianism*, *The Human Condition*, and *On Violence*). The conversation partners discuss the nature and characteristics of revolution, the differences of the French and American revolutions, the significance of freedom and of the social question, the system of councils or elementary republics, the link between progress and happiness, and finally, why revolutions occur and why they fail. Arendt considers revolution as the beginning of something new, and the manifestation of the true spirit of the political. Arendt

sees the essence of revolution in the radical transformation of the social system, where old power relations should disappear, and new institutions for the realization of freedom should appear. However, for this to happen, people need to work together. As a result of co-action appearing in the public space, human freedom should be realized. In comparing the French and American Revolutions, Arendt concludes that only the American Revolution was successful, because it made the people's participation in public affairs possible. The focus of the French Revolution gradually shifted to the social question, which led to the fall of the revolutionary spirit and, ultimately, to the defeat of the revolution. Nevertheless, the French Revolution became the model for all subsequent revolutions in the world.

Keywords: revolution, American Revolution, French Revolution, freedom, progress, uprising, constitution, republic

Политика справедливости: о деонтологической этике в японской политической культуре

Валентин Матвеенко

Магистр философии, аспирант кафедры философии Школы гуманитарных наук
Дальневосточного федерального университета

Адрес: ул. Суханова, д. 8, г. Владивосток, Российская Федерация 690950
E-mail: valentin.matveenko@gmail.com

На основе «социологии градов» и модели «патриархального града» Л. Болтански и Л. Тевено автор статьи рассматривает вопрос о деонтологическом характере традиционной политической культуры Японии. В качестве примера политической мысли страны выбрана «Конституция семнадцати статей» — древнейший законодательный акт Японии. Последовательное применение к «Конституции...» требований, изложенных Болтански и Тевено, позволяет утверждать, что данный документ выдерживает все условия, согласно которым он может считаться произведением, закладывающим основу традиционного политического и социального порядка. Это дает возможность проанализировать установки, являющиеся общими для политической мысли страны вне конкретных политических доктрин того или иного периода. Из всех предлагаемых Болтански и Тевено вариантов градов японскому традиционному обществу соответствует модель «патриархального града», используя которую автор акцентирует внимание на особенностях феномена господства в японской правящей элите, противопоставляя его господству европейского типа. Обнаруженные различия позволяют сделать вывод, что японское понимание политического блага базируется на представлении о должном, сформированном в результате осознания истинного порядка вещей в мире. По мнению автора, японский способ отношения к политике вполне сопоставим с классической политической философией древности, где категории должного, справедливого, истинного, искреннего и гармоничного являются исходными при рассмотрении любых политических реалий. В результате можно говорить о деонтологическом характере японской традиционной политической культуры, т. е. рассматривать ее как культуру аксиологическую, фокусирующую свое внимание на вопросах выбора правильных форм политического правления, правильной политической практики, политических идеалов и политического блага.

Ключевые слова: справедливость, благо, деонтология, политическая философия, японская философия, Люк Болтански, Лоран Тевено, социология градов

I

Наше представление о японском традиционном способе существования политики¹ окажется неполным без анализа философского смысла самой идейно-концептуальной основы японской общественно-политической мысли.

© Матвеенко В. А., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-1-75-93

1. Политику в данной работе мы понимаем как политическую рефлексию — «абстракцию без уже организованвшего политическое мышление минимального сознательного подхода» (Пятигорский, 2007: 29), тем самым предполагая ее дискурсивный характер.

Необходимо заметить, что в отечественной историографии имеется определенный опыт осмысления японской политической мысли в ее традиционной и подвластной собственной логике развития форме, т. е. до эпохи Мэйдзи (1868–1912). К наиболее примечательным работам можно отнести фундаментальные труды Я. Б. Радуль-Затуловского (1947, 1961, 1972), посвященные истории развития на японском архипелаге конфуцианского учения, которое во многом является родоначальником политической мысли Японии, и раскрывающие иную сторону политico-философской мысли, противоречащую мертвящей догматике официальной неоконфуцианской философии. О том, что представляла собой Япония в период правления дома Токугава, какие изменения произошли в ее политическом устройстве и политических воззрениях, рассказывает А. Л. Гальперин (Гальперин, 1963).

Более общее исследование процессов, происходивших в общественной и идеологической жизни Японии в 60–80-е годы XIX в., базирующееся на переводах сочинений японских мыслителей, представлено Ю.Д. Михайловой (Михайлова, 1991) и В. В. Совастеевым (Совастеев, 1995). Авторы не только впервые показали влияние западной философии на Японию, но и проанализировали накопленный в традиционной Японии идейный материал, который подвергся болезненной ломке в контексте грядущей трансформации стереотипов политического мышления.

Из зарубежных исследователей политической мысли Японии стоит отметить Дж. С. Браунли (Brownlee, 1991), который описывает 20 важнейших исторических документов, начиная с «Кодзики» (712) и заканчивая «Токуси ёрон» (1712), демонстрируя, как история перестает быть единственным двигателем политического дискурса, а на ее место приходит конфуцианство. Особое внимание необходимо обратить на второй том книги «Источники японской традиции» под редакцией Де Бери (Bary et al., 2001), где приводятся переводы и комментарии наиболее значимых текстов японских философов, политиков и идеологов периода Эдо (1603–1867). Это тексты манифестов, религиозных трактатов, политических указов, дневников японских политических мыслителей, отражающие основные тенденции развития философских и политических движений того времени. Также стоит выделить К. С. Гото-Джонса (Goto Jones, 2005), который демонстрирует свежий взгляд на взаимосвязь политических идей Нисиды Китаро и политической мысли Японии.

Тем не менее большинство исследований общественно-политической мысли Японии — это либо исторические труды, либо работы по истории философских учений. Ни одна из указанных работ напрямую не затрагивает категориального аппарата политico-философских учений и не пытается его осмыслить или систематизировать.

Не меняют ситуации и работы современных японских ученых Мацууда Коитиро (Matsuda, 2003, 2008), Надзита Тэцью (Najita, 1998) и Ватанабэ Хироси (Watanabe, 2012), труды которых в большей степени посвящены исследованию истоков социального порядка и политической коммуникации (особенно периода Эдо), нежели осмыслению концептуального содержания японского способа рассмотрения политики или его систематизации.

Необходимость понимания внутренней логики японской политической мысли обосновывается тем, что политика определяет условия выживания культуры и ее способность принимать решения (Рикёр, 1995), а столь долгое существование политической культуры² Японии в ее традиционной форме свидетельствует о том, что стране удалось найти эффективный способ для этого.

Однако Восток не знает слова *политикή* в привычном для нас значении. Изначально политика в европейском понимании — это своеобразный *целенаправленный*³ и вариативный способ сосуществования независимых индивидов; способ, основанный на публичности и споре (Нейсбит, 2012), где особое значение придается рациональному и телеологическому аргументам (Копосов, 2013: 11). Но на Востоке «идея политики могла появиться только в виде метафизического принципа единства физического множества разумных существ, при наличии у последних специфического самосознания, включающего в себя свободу самоопределения и ответственности за свою судьбу» (Ячин, 2011: 287–288). То есть единство восточного и западного взглядов на политику состоит в том, что ее можно рассматривать как деятельность, направленную на управление «общежитием», и как деятельность, берущую свое начало в этике. Различие же заключается в том, что на Западе политика является собой как действие, т. е. получает свой смысл через автономную цель; а на Востоке — как гармоничное сочетание актов (Ячин, 2011: 284), характеризующихся ритуализированностью, уместностью и взаимосвязанностью с другими актами. Поэтому в контексте японской политической культуры необходимо осознавать политику не как содержание, а как форму этого содержания, т. е. взаимосвязь категорий, формирующих и идеализирующих понятие политического.

Таким образом, анализ политico-философских систем типа государственности, где традиции публичности и целенаправленности не получили своего развития, представляет особый интерес для истории политической социологии и философии, а также для философской компартиативистики.

Воспользуемся в качестве методологии для анализа представлений о справедливом устройстве общества моделью «патриархального града»⁴, которую в труде «Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов» предлагают Л. Болтански и Л. Тевено наравне с моделями «града благодати», «града репутации», «гражданского града», «рыночного града» и «научно-технического града». Это произведение можно назвать одним из наиболее значимых во французской

2. Понятие «политическая культура» мы рассматриваем в контексте, предложенном Г. Алмондом и С. Вербой, как установки, нормы, верования и ценности, которые лежат в основе политической системы, сформированной в результате продолжительного исторического развития. Предложенная ими типология во многом испытала влияние М. Вебера и включает в себя три «чистых» типа политической культуры: патриархальный, подданныческий и активистский (у Вебера это «традиционный», «рationalный» и «характеристический» типы господства [Вебер, 1988]). В реальной жизни, скорее, возможны их взаимодействия, что формирует подданическо-активистскую, патриархально-активистскую и патриархально-подданныческую политические культуры (Verba, Almond, 1963).

3. Идея целенаправленности является исходным тезисом «Политики» Аристотеля, гласящим, что политика — это организованное стремление к общему благу (Аристотель, 1252а).

4. Под «градом» здесь понимается модель общества и его справедливого устройства.

социологии со времен Бурдье, когда тот пытался примирить структурализм с феноменологической социологией. В книге предложена теория политического устройства общества, заложенная в основу так называемого «прагматического поворота» во французских социальных науках 1990-х годов. Авторы выступают против философии подозрения — общепринятой после К. Маркса, З. Фрейда и Ф. Ницше привычки видеть в рациональных аргументах субъектов социальной жизни не более чем отражение скрытых причин их поведения (Копосов, 2013). «Социология градов» помещает в центр своего внимания практику обоснования справедливости, тем самым пытаясь объяснить и иные социальные феномены. Особенностью данной методологии является то, что «авторы пытаются найти срединный путь между анализом «объективных» структур общества и «субъективных» значений, которые индивиды вкладывают в свои действия» (Копосов, 2013: 9), что позволяет рассматривать не только скрытые двигатели исторического прогресса и законы функционирования того или иного общества, но и рациональные цели самих субъектов социальной жизни.

Тот или иной град в работе Болтански и Тевено имеет в своем основании некое сочинение политической философии, позволившее описать вышеуказанные принципы. К отбору текстов они применяют следующие критерии (Болтански, Тевено, 2013: 113–127):

- 1) Труд должен давать возможность представить град как систему (сочинения А. Сmita, где впервые рыночные отношения были представлены систематически).
- 2) В тексте обозначается порядок величия, основанный на жертвовании и общем благе (например, «Левиафан» Гоббса, так как он не критикует тот или иной порядок, а описывает устройство общества таким, каким оно должно быть).
- 3) Текст затрагивает понятие справедливого («О граде Божьем» Блаженного Августина).
- 4) Произведения должны быть «практическими руководствами», содержащими более или менее конкретные наставления (пример такой работы — «Государь» Макиавелли).
- 5) Труды должны быть широко применимы и распространены, они должны закладывать основу определенного политического дискурса (например, «Общественный договор» Руссо).

Собственно японская политическая мысль развивалась с момента окончательного становления японской государственности и образования «правового государства» в период Асука (538–710) до окончания периода Эдо (1603–1867), когда все аспекты культуры страны были подвластны собственной логике развития и сформировали то культурное содержание, которое мы именуем «японским». Данный отрезок времени включает в себя практически полторы тысячи лет японской истории, в течение которых происходило множество событий, так или иначе изменивших политический вектор, в связи с чем каждый период заслуживает отдельного исследования в рамках указанной методологии.

Для актуализации предложенной модели в системе японской политico-философской мысли выберем один наиболее примечательный, на наш взгляд, текст. Речь идет о старейшем законодательном акте Японии, именуемом «Конституцией семнадцати статей», принятой в 604 году царевичем Сётоку (574–622) на основе Внутреннего учения (буддизма), Внешнего учения (конфуцианства), приправленного изрядной долей синтоистской мифологии и представляющего собой свод политических и моральных установок, которые легли в основу японского политico-философского дискурса вплоть до начала XX столетия.

Чтобы придать нашему выбору должное обоснование, прокомментируем каждое из пяти требований, изложенных в «Социологии градов».

1) Представление града как системы.

«Конституция...» достаточно четко декларирует идею абсолютного примата государства и императора, указывая на второстепенную роль всех вассалов и закладывая тем самым идейную основу японской государственности уже в третьей статье:

承詔必謹。君則天之。臣則地之。天覆地載。四時順行。万氣得通。地欲覆天。則致壞耳。是以君言臣承。上行下靡。故承詔必慎。不謹自敗⁵。

Почтительно воспринимая государевы указы, обязательно соблюдайте их. Государь — это небо; вассалы — земля. Небо покрывает землю, а земля поддерживает небо. И тогда четыре времени года сменяют друг друга и все в природе идет своим чередом. Когда же земля возжелает покрыть небо, то это приведет к разрушению. Поэтому если государь изрекает, то вассалы должны внимать. Если высшие приказывают, то низшие должны подчиняться. Поэтому почтительно воспринимая государевы указы, обязательно соблюдайте их. Несоблюдение указов естественно поведет к общему упадку⁶.

Наиболее четко, ясно и полно эта «системность» будет развита и закреплена в вышедшем через 50 лет манифесте реформа «Тайка»⁷.

2) Обозначение представлений об общем благе.

Смысловым центром этого древнего документа выступает концепт согласия *ва* 和, о соблюдении которого император наставляет в первой статье, но который не раскрывается в дальнейшем, что делает *ва* одной из самых сложных и даже «недоопределенных» политических категорий японской мысли» (Goto Jones, 2005).

以和為貴。無忤為宗。人皆有黨。亦少達者。是以或不順君父。乍達于隣里。然上和下睦。諧於論事。則事理自通。何事不成。

5. Японский текст конституции приводится по изданию «Сё:току-тайси-но кокоро» (Канадзи, 1986).

6. Здесь и далее перевод документа приводится по изданию «Законодательные акты средневековой Японии» (Попов, 1984).

7. Подробнее о реформах «Тайка» и последующих законодательных сродах см. «История правовой системы Японии» (Ерёмин, 2010), раздел «Правовая система Древней Японии».

Цените согласие и положите в основу дух несопротивления. Люди всегда имеют группировки, а мудрых людей мало. Поэтому некоторые не повинуются ни государю, ни отцу, а также враждуют с соседями. Однако при согласии в верхах и при дружелюбии в низах, при согласованности в обсуждениях дела пойдут естественным порядком. И тогда все осуществится.

Однако император не проясняет, является согласие основой японской государственности или основой мироздания; он также говорит о согласии как таковом, но не говорит о том, как оно должно быть достигнуто в обществе на практике, что впоследствии станет предметом многовековых споров японских мыслителей.

3) Обозначение понятия справедливого.

«Конституция...» справляется и с этим условием в девятой статье:

信是義本。每事有信。其善惡成敗。要在于信。群臣共信。何事不成。群臣无信。万事悉敗。

Доверие есть основа справедливости; в каждом деле должно быть доверие. Добро и зло, успех и неуспех безусловно зиждутся на доверии. Если сановники и вассалы будут доверять друг другу, то любые дела осуществляются. Если сановники и вассалы не будут доверять друг другу, то всё рухнет.

4) Риторическая и наставляющая функция произведения.

Несмотря на то, что «Конституция...» в исследованиях рассматривается как первый письменный законодательный акт Древней Японии, таковым сам он по себе не является. Документ представляет собой ряд предписаний и моральных наставлений, адресованных чиновникам и народу.

5) Применимость и распространённость.

«Конституция...» служит идеальным основанием и предпосылкой (Ерёмин, 2010: 67) не только всего последующего законотворчества Древней Японии, идеи которой постепенно реализовывались в процессе становления государства. Она неоднократно становилась текстуальным и концептуальным источником таких современных документов, как «Клятва пяти пунктов» (яп. 五箇条の御誓文 *гокадзё:-но госэймон*, 1868 г.), «Конституция Мэйдзи» (яп. 大日本帝國憲法 *дайниппон тэйко-ку кэмпо*, 1889 г.), «Императорский рескрипт об образовании» (教育ニ関スル勅語 *кё:ику ни кансуру тёкуго*, 1890 г.), «Основные принципы кокутай» (国体の本義 *кокутай-но хонги*, 1937 г.), которые являлись фундаментом политического дискурса своего времени (Goto Jones, 2005).

Таким образом, «Конституция семнадцати статей» выдерживает все пять условий, согласно которым она может рассматриваться как произведение, закладывающее основу града, и позволяет рассмотреть общие для всей политической мысли страны установки, вне конкретных политических доктрин того или иного периода.

В соответствии со структурой града необходимо обозначить составляющие его модель элементы-аксиомы: принцип общности человеческой природы (a_1), принцип различия (a_2), общее достоинство (a_3), порядок величия (a_4), формула инвестирования (a_5) и общее благо (a_6)⁸ (Болтански, Тевено, 2013: 132).

Первое требование — принцип *общности человеческой природы* (a_1), устанавливающий тождество людей и позволяющий им действовать согласованно. Однако «политическая метафизика, которая основывалась бы, например, на различии каст или же на различии полов, несовместима с принципом общности человеческой природы» (Болтански, Тевено, 2013: 129), что рождает некоторое противоречие с аксиомой (a_2).

Различие состояний людей (a_2) выражается их местом в социальной структуре общества, где основными принципами можно назвать различия вышестоящего и нижестоящего и упорядоченное состояние величия, устанавливающие порядок, при котором одна из форм общего наделяется легитимностью общего блага, а остальное сводится к частным благам (Болтански, Тевено, 2013: 133). Социально это выражается, например, в *иерархическом разделении общества* (a_4) в VIII–X вв. на добрых людей *рё:мин* 良民 (общинники, ремесленники, чиновники низких и средних рангов) и подлых людей *сэммин* 賤民 (слуги и рабы); или же в сословной системе *сино:ко:сё:* 士農工商 с находившимися вне системы кастами неприкасаемых *хинин* 非人 и *баракумин* 部落民, существовавшей в японском обществе XVII–XVIII вв. В социальной иерархии данной системы «*си*» было представлено самурайством, «*но:*» — крестьянством, «*ко:*» — ремесленниками, «*сё:*» — торговцами. Но в отличие от разделения на *рё:мин* и *сэммин*, система *сино:ко:сё:* 仕農工商 не имела наследственного принципа и жестких границ (за исключением неприкасаемых).

Величие людей в Японии, таким образом, определяется их положением в системе отношений, которая получила развитие в японском языке и культуре. Порядок в этой структуре есть проявление высшего принципа, а отдельного человека невозможно представить вне общности (род, сословие), к которой он принадлежит; общность же, в свою очередь, характеризуется своим положением в существующей иерархии. Будучи частью рода, человек теряет здесь свою личную идентичность, которая подменяется на идентичность рода, характеризуемую его представителями во времени: основоположники и продолжатели, будучи всего-навсего длинной цепочкой, могут рассматриваться как одно лицо. В данном типе града отношения между людьми в государстве мыслятся по подобию отношений в семье, что, конечно же, в полной мере соответствует конфуцианскому канону и представлению о сыновьей почтительности.

Благодаря такой структуре снижается значение поколений — дети не противопоставляются своим родителям, но противопоставляются друг другу в зависимо-

8. Ср. с элементами политического мышления Платона, которые А. А. Глухов выводит в своей интерпретации «Государства» как системы (Глухов, 2014).

сти от того, являются ли они старшими и могут ли претендовать на возглавление рода в будущем. Знание своего положения является знанием самого себя.

На данном этапе очевидным становится противоречие между аксиомами (a_1) и (a_2). Чтобы компенсировать маргинальность *общности человеческой природы* (a_1) и сделать совместимость двух этих принципов возможной, модель града должна предполагать *доступ ко всем благам в равной степени* (a_3), что постулируется в седьмой главе Конституции:

人各有任掌。宜不濫。其賢哲任官。頌音則起。者有官。禍亂則繁。世少生知。尅念作聖。事無大少。得人必治。時無急緩。遇賢自寬。因此國家永久。社稷勿危。故古聖王。為官以求人。為人不求官。

Каждый человек должен иметь свои обязанности и [дела] управления не должны быть смешиваемы. Когда умного человека назначают на пост, то слышатся похвалы; когда же беспринципный человек занимает пост, то обильны беспорядки. В мире мало людей с природными знаниями; мудрость — продукт глубоких размышлений. Нет больших или малых дел; все дела обязательно будут улажены, если на посты будут взяты способные люди. И во времени нет срочного и несрочного; при умных людях [на постах] все [дела] естественно уладятся. Таким образом, государство будет вечным и страна будет в безопасности. Поэтому в древности мудрые государи искали способных людей на посты, а не искали постов для людей.

Но однозначно ли свидетельствует это положение о том, что каждому должно быть позволено выбирать свой собственный путь в обществе независимо от вмешательства других? Не говорит ли оно, что место человека предопределено и никто не должен пытаться это оспорить?

В «Конституции...» можно найти основания для обеих интерпретаций. Последнюю поддерживает уже упомянутая третья статья, где языком конфуцианской терминологии Небо именуется хозяином, Земля — вассалом, а несоблюдение этого порядка приводит к ужасным последствиям, тем самым призывая людей подчиняться их повелителю.

Этот политический прием использовался для легитимации⁹ зарождающегося императорского рода путем отождествления его с «Небом». Здесь четко прописывается, что императорский род (в том числе и царевич Сётоку) рожден, чтобы править, аристократия рождена, чтобы служить ему, а крестьяне, чтобы служить им. Очень хороший ход, учитывая, что мифологический свод синтоизма, зафиксированный на бумаге через сотню лет после Конституции, распространяясь по Японии, разумеется, поддерживал эту версию. Император в буквальном смысле был представлен как потомок Неба, что впоследствии станет источником авто-

9. Во многом устройство «патриархального града» Болтански и Тевено рассматривают на примере сочинения французского проповедника и богослова Боссюэ (1627–1704) «Политика из самых слов Священного Писания», где автор пытается легитимировать власть путем *толкования священных текстов*. Такой же способ легитимации власти неоднократно предпринимался и в Японии по отношению к текстам «Кодзики» и «Нихонги».

ритарного контекста японской политики. Особый сакральный статус императора специфическим образом был подчеркнут и в кодексе «Тайхо», где были закреплены результаты реформ годов Тайка: свод законов вообще не уточняет функций императора, что сделало невозможным его обвинение в политических неудачах и способствовало выживанию института императорской власти после утраты реального политического влияния в период Средневековья.

В то же время в десятой статье описан более относительный взгляд:

絶忿棄瞋。不怒人違。人皆有心。心各有執。彼是則我非。我是則彼非。
我必非聖。彼必非愚。共是凡夫耳。是非之理詎能可定。相共賢愚。如鑑
无端。是以彼人雖瞋。還恐我失。我獨雖得。從衆同舉。

Избавьтесь от гнева, отбросьте негодование и не сердитесь на других за то, что они не такие, как вы. У каждого человека есть сердце. У каждого сердца — свои наклонности. Если он прав, то я не прав. Если я прав, то он не прав. Я не обязательно мудрец, а он не обязательно глупец. Мы оба только обычные люди. Кто может точно определить меру правильного и неправильного? Мы оба вместе и умны и глупы, подобно кольцу без концов. Поэтому хотя он и сердится на меня, я, напротив, должен сам опасаться сделать ошибку. Хотя я, возможно, один прав, но должен сам следовать за всеми и действовать одинаково [с ними].

Это призыв к терпимости и обретению согласия, сформировавшийся под влиянием Лотосовой сутры (в которой хорошо разбирался и которую чтил царевич) и ее положения о несомненном наличии абсолютной реальности, но невозможности человека постичь ее (Goto Jones, 2005: 31).

Таким образом, наблюдается некоторое противоречие между принципом *общности человеческой природы* (a_1) и принципом *упорядоченности* (a_4) согласно *различию* (a_2). Непонятно, зачем и как такой порядок вещей может поддерживаться обществом. Для решения этой проблемы Болтански и Тевено предлагают воспользоваться *формулой инвестирования* (a_5), которая «является основополагающим условием равновесия в граде». Объясняется это тем, что доступ к положению великого связывается с некоторой жертвой. Это подразумевает определенную экономию величия, при которой польза в виде блага «уравновешивается» затратами на ее достижение. Величие приносит выгоду не только «великим», но и «простым», которых «великие» объемлют. «Простые» видят в «великих» возможность для повышения собственного положения сообразно своему достоинству. Однако величие также предполагает жертву, отказ от честных радостей, связанных с «простым» состоянием (Болтански, Тевено, 2013: 126). «Эта формула связывает благополучие *высшего* состояния с *платой* или *жертвой*, требуемой для его достижения» (Там же: 130).

Данная аксиома, предполагающая некую *плату*, представляется нам наиболее сложной для доказательства. На наш взгляд, под *платой* (a_5) с определенными ого-

ворками можно подразумевать следование ритуалу *рэй* 礼, благодаря чему возникает порядок:

群卿百寮。以礼為本。其治民之本。要在乎礼。上不礼而下非齊。下無礼以必有罪。是以群臣有礼。位次不乱。百姓有礼。国家自治。

Сановники и чиновники! В основу своей деятельности положите ритуал. Основа управления народом безусловно в соблюдении ритуала. Если высшие не соблюдают ритуала, то среди низших нет порядка. Если низшие не соблюдают ритуала, то непременно возникают преступления. Поэтому если сановники и вассалы соблюдают ритуал, то положение рангов не нарушается. Если простой народ соблюдает ритуал, то и государство управляет естественно.

(Статья 4)

Наше убеждение основано на том, что в соответствии с этой аксиомой, именно благодаря соблюдению ритуала в качестве одного из условий, польза приносится всему граду, становится возможным достижение *общего блага* (*a₆*) — согласия *ва* 和, которое упоминается в первой статье.

以和為貴。無忤為宗。人皆有黨。亦少違者。是以或不順君父。乍違于隣里。然上和下睦。諧於論事。則事理自通。何事不成。

Цените согласие и положите в основу дух несопротивления. Люди всегда имеют группировки, а мудрых людей мало. Поэтому некоторые не повинуются ни государю, ни отцу, а также враждуют с соседями. Однако при согласии в верхах и при дружелюбии в низах, при согласованности в обсуждениях дела пойдут естественным порядком. И тогда все осуществится.

II

Модель японского общества, базовые положения которой представлены в «Конституции...», соответствует всем критериям «социологии градов» Болтански и Тевено и мы вправе рассматривать ее, руководствуясь одним из выделяемых ими типов устройства общества в контексте обоснования справедливости. Из всех типов японскому традиционному обществу соответствует модель «патриархального града».

Привычного нам понимания справедливости как категории морально-правового сознания в японском обществе нет, оно не было развито исторически, а само понятие калькировано из Европы во времена Реставрации Мэйдзи. Традиционно это понятие переводится на японский язык иероглифом *ги* 義 или биномом *гири* 義理, хотя откуда сложилась данная традиция, не совсем ясно, потому что в действительности *ги* 義 является не столько *справедливостью*, сколько «должным [в силу обстоятельств]». Причем *ги* 義 имеет определенный метафизический оттенок пред-данности, будучиенным по отношению к принципу (Коясу, 2001). В то же время присутствует и второе понятие, выражаемое иероглифом *он* 恩 или

биномом *онги* 恩義, подразумевая этическую направленность и долженствование по отношению к человеку как пост-данность. В определенном смысле это сопоставимо с двумя сторонами, которые описывает один из ведущих современных специалистов по политической философии О. Хёффе, рассуждая о человеческом общежитии и разделяя понятие справедливости надвое.

Относительно социальных институтов и систем типа семьи, брака и образования вмененная мораль называется институциональной, или объективной справедливостью, в случае права и государства — также политической справедливостью. В личном или субъективном понимании она, напротив, означает ту добропорядочность, которая выполняет требования институциональной справедливости, не просто от случая к случаю и из-за страха перед наказанием, а добровольно и постоянно на уровне «габитуса». (Хёффе, 2007: 41)

Обратим внимание на то, что *философское-внутреннее* становится *политическим-внешним*, как только покидает пределы личного и попадает в сферу общественного. Таким образом, мы будем рассматривать эту категорию в японской политической культуре как *соответствие* человека занимаемой им роли, что имеет огромную значимость в японском обществе. Иначе говоря, справедливость предстает перед нами как *соответствие* — в целом и как *соответствие роли и обязательств* — в частности.

Для верного истолкования этой концепции в политической культуре необходимо акцентировать внимание на особенности феномена господства (господство мы понимаем как «возможность заставить лиц подчиняться приказам» [Вебер, 1988]) японской правящей элиты, который не является инстанцией, действующей сверху, но анонимным механизмом, пронизывающим все стороны жизни. Благодаря этому японский тип господства основывается не только на силе господствующих, но и на желании подчиненных.

Пользуясь терминологией Ж. Рансьера, можно сказать, что японский тип господства не есть *полиция*¹⁰, т. е. не репрессивный аппарат для управления сообществом, деятельность которого определяется представлением о *неравенстве*¹¹; а *политика* — сила, направленная на уравнивание, т. е. деятельность, предметом ко-

10. Рансьер использует слово «полиция» в архаическом значении, подразумевая, что полиция несправедлива к неравенству и отрицает его. Он не вкладывает в этот термин уничижительного значения, отсылая к греческому слову «полис», которое само по себе во французский язык, в отличие от русского, не проникло и, как правило, переводится (Рансьер, 2004, 2006).

11. Наиболее подробно, на наш взгляд, понимание власти как «полиции» раскрыто М. Фуко в курсе лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977/78 учебном году, и в работе «Надзирать и наказывать», где благодаря понятию «микрофизика власти» детально описано влияние тяги к господству подчинению на формирование самого имени власти и укрепления ее политического проявления за счет демонстрации силы путем уравнения, перераспределения и исполнения наказания (Фуко, 1999). Он приходит к выводу, что за счет сформировавшегося контроля над мягкими формами наказания и развития дисциплины формируется универсальная технология управления государством, где власть осуществляется за счет постоянного неравенства.

торой является равенство (Рансьер, 2013). Именно идея равенства как воплощение аксиомы доступа ко всем благам в равной степени (a_3) лежит в основе справедливости *ги* 義.

Таким образом, в Японии тип господства правомерно назвать уравнивающим (другая особенность японского феномена господства заключается в том, что он объединяет в себе «традиционный» и «легитимный» типы господства, предложенных Вебером. То есть держится не только на обыденной вере и авторитете, но и на вере в легитимность порядка и законность осуществления господства). В добродетелях кроется основа государства и оплот государя. Положено считать, что они исходят от самого Неба, а японский император, как известно, является воплощением божественного закона, поэтому императорские указы *микотонори* несут в себе сакральный смысл. Японский правитель в глазах народа ощущает его душу, заботится о нем, беспокоится о нем и радуется вместе с ним. Власть — это не чиновник, который собирает налоги и приносит беды для своих подданных, а необходимый и важный элемент выживания, который прочно укоренен в общественном сознании и расценивается как своего рода благо. Достаточно вспомнить рисоводческий ритуал — важнейший ресурсо- и культурообразующий фактор, — в котором император выступает не только как организатор, но и как ответственный за нормализацию сезонного цикла¹², тем самым обеспечивая народ продовольствием.

Отличным примером добродетельного образа японского императора служит, на наш взгляд, его судебная функция. Император практически не выносит обвинительных приговоров и не назначает наказаний, напротив, пользуется своим правом объявления амнистий, основная судебная функция императора не наказание, а его смягчение (Мещеряков, 2006: 53–57). Подобный тип правления основывается на конфуцианстве¹³, отрицающем использование наказаний как инструмента правления:

子曰：「道之以政，齊之以刑，民免而無恥；道之以德，齊之以禮，有恥且格¹⁴」

Учитель сказал: «[Если] Правление [осуществляется] властно, [а] стабильность [поддерживается] наказаниями, [то] народ избегает [их], и без чувства стыда. [Если] Правление [осуществляется] силой добра, [а] стабильность

12. «В эту ночь разразилась гроза, пошел ливень. Государь сотворил молитву: «Если боги Неба и Земли хотят помочь мне, тогда пусть гроза и дождь прекратятся». Только он сказал так, как гроза с дождем прекратились» (Нихон сёки, 2014).

13. Здесь необходимо еще раз подчеркнуть наше понимание политического применительно к японской древности не как содержания, а как формы этого содержания, т. е. как платоновской «архиполитики» Рансьера, где в центре внимания понятия добродетели и духа закона (а не самого закона!), заменяющие закон на воспитание (Платон, 2009). Воспитание же (см. 4-ю статью «Конституции...») задает нормы и ценности истинного блага, обеспечивает гармонию и «исчезновение политики» (May, 2008: 43) в западном смысле.

14. Цит. по: Legge, 2001.

[поддерживается] ритуалом, [то народ], обладая чувством стыда, будет по-рядочным».

(Лунь юй¹⁵, 2.3)

В то же время постулируется справедливость-честность как основа господства:

哀公問曰：「何為則民服？」孔子對曰：「舉直錯諸枉，則民服；舉枉錯諸直，則民不服。」

Ай Гун спросил: «Что делать, чтобы народ подчинялся?» Кун-цзы сказал в ответ: «Если возвышать справедливых и отстранять несправедливых, то народ станет подчиняться; если возвышать несправедливых и отстранять справедливых, то народ не станет подчиняться».

(Лунь юй, 2.19)

Это подтверждается девятой статьей «Конституции»: «Доверие есть основа справедливости; в каждом деле должно быть доверие. Добро и зло, успех и неуспех безусловно зиждутся на доверии. Если сановники и вассалы будут доверять друг другу, то любые дела осуществляются. Если сановники и вассалы не будут доверять друг другу, то всё рухнет».

Японский тип господства полностью основан на конфуцианской взаимозависимости господства и подчинения: правитель олицетворяет и производит благо, а общество дает ему власть, и это служит иллюстрацией понимания справедливости как равной взаимности. То есть «мера справедливости состоит в дистрибутивной и одновременно коллективной пользе: пользе для каждого в отдельности и для всех вместе взятых» (Хёффе, 2007: 40). Осуществление на практике данного принципа оказывает влияние на качество функционирования всего общественного механизма, поскольку позволяет людям спокойно жить и трудиться.

Параллельно с «Конституцией...» была принята система придворных рангов, впервые устанавливаемых не по родству, но по реальным заслугам, культивируя шесть конфуцианских идеалов, на основе которых эти ранги и были выстроены: большая и малая добродетель, большая и малая человечность, большое и малое почитание, большая и малая вера, большая и малая справедливость, большая и малая мудрость (Кожевников, 2007). Данная система должна была искоренить предшествующую систему *удзи-кабанэ*, где чиновники назначались императором, на более современную, используемую уже в Китае и корейских государствах, где ранги раздавались, основываясь на должном и справедливом, т. е. на заслугах и талантах.

Отметим, что современное европейское понятие справедливости предполагает сохранение приоритета равной свободы и определение уровня, при котором неравенство могло бы считаться оправданным. Это проистекает из утилитаризма англо-американской политической философии, который подразумевает стремление

15. В переводе А. Л. Сергеева и Д. В. Конончука.

общества к общему фундаментальному благу (понимаемому как «общественное благо»), признавая его приоритет над справедливостью, что ставит под сомнение верность такого понимания справедливости из-за ее способности быть забытой во имя блага. В то же время в Японии благо понимается не как нечто трансцендентальное, а как основа миропорядка — истинный путь вещей¹⁶, специфика которого определяет и содержание справедливости.

Как уже отмечалось, концепции «высшего блага» соответствует понятие согласия *ва* 和, одна из главных особенностей которого состоит в его человеческой природе. В отличие от должного *ги* 義, не предполагающего внутреннего согласия с ситуацией, а представляющего действие на основе ее пред-данного понимания, согласие *ва* 和 несет в себе смысл желания следовать определенному ходу вещей. Будучи высшей политико-философской ценностью японской культуры, *ва* 和 противопоставляется китайскому принципу *ли* 理, закладывая основное различие между японской и китайской мыслительными традициями, различая их как традиции этики и метафизики. Категория согласия *ва* 和 мыслится тем, что отличает японцев от всех остальных и служит основанием идеи национального единства. Если должное *ги* 義 мы понимаем как закон, организующий вертикаль японского общества, то *ва* 和 «работает» в горизонтальной плоскости, подчеркивая общность и идею согласия.

Факт постоянного господства постепенно приводит к тому, что оно начинает совпадать с концепцией общего блага и образует новый высший принцип¹⁷, роль которого — сдерживать разногласия в пределах допустимого, не допуская оспаривания самого принципа. То есть власть в лице императора становится гарантом наличия в обществе согласия.

Данный образ во многом сформировался за счет несменяемости императорской династии Японии — менялись времена, правящие кланы, но император всегда был на месте и олицетворял собой стабильность и благополучие японского народа. Это способствовало сакрализации фигуры императора и породило представления о необходимости его нахождения в сакральном центре — дворце, сводя его перемещения к минимуму. Считается, что если он находится во дворце, значит, все в порядке, а если покидает дворец, значит, что-то не так. При этом под «покиданием дворца» понималась даже прогулка во дворе, и расценивалось это мероприятие как «высочайшие выезды» *мюоки* 御幸, которые, по данным «Сёку нихонги», происходили не чаще 1–2 раз в год (Мещеряков, 2006).

В итоге сформировалось представление о единственно верном и истинном принципе престолонаследия и установления легитимности политической власти

16. Дело в том, что сами варианты проживания человеком чувства истинного свидетельствуют о понимании истины *макото* как условия возможности и основы для своеобразного варианта хайдеггеровского бытия-в-мире, выражаемого концептом согласия *ва* 和 (Матвеенко, 2015).

17. Высший общий принцип — это принцип координации, характеризующий град. Он представляет собой согласие, устанавливающее эквивалентность между людьми и вещами, что является необходимым условием для соизмерения положений субъектов и объектов и для определения их объективной (Болтански, Тевено, 2013: 223).

на основе родового принципа. О каком бы времени ни шла речь, японская культура с легкостью может восстановить связь поколений ни разу не прервавшейся императорской династии.

Можно с уверенностью утверждать, что японское понимание справедливости коренится в представлении о должном *гу* 義, которое сформировано на основе понимания истинного порядка вещей в мире, где подчинение является залогом стабильности и сохранения согласия *ва* 和.

Таким образом, в рамках данного исследования мы рассмотрели топику «патриархального града», которая как нельзя лучше олицетворяет структуру японского социума. Избирая «Конституцию семнадцати статей» документом, закладывающим основу японской политической культуры, мы приходим к выводу, что структура и легитимность господства определяются должным (*гу* 義) распределением положений величия, коими можно считать как минимум японский бюрократический аппарат и систему чиновничих рангов (если мы говорим о власти как таковой), а можно считать и сословную структуру японского общества. И эта согласованная система величия мыслится и толкуется как основанная на доверии (*син* 信) естественно-истинная реальность, ведущая к согласию *ва* 和.

В результате мы можем говорить о характере японской традиционной политической культуры как о деонтологическом, т. е. рассматривать ее как аксиологическую, фокусирующую свое внимание на вопросах выбора правильных форм политического правления, правильной политической практики, политических идеалов и политического блага, где категории *должного*, *истинного* и *гармоничного* являются исходными при рассмотрении любых политических реалий, что неизбежно влечет за собой включение в область политического многих аспектов этических представлений. В такой структуре политической жизни отрицается зависимость того, что человек должен или не должен делать, от последствий, которые возымеют его действия, то есть от того, будут эти последствия благими или нет: данная структура основывается на справедливости действия самой системы.

Литература

- Аристотель. (2008). Политика. Метафизика. Аналитика. М.: Эксмо.
- Болтмански Л., Тевено Л. (2013). Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов / Пер. с франц. О. В. Ковеневой под ред. Н. Е. Копосов. М.: Новое литературное обозрение.
- Вебер М. (1988). Типы господства и их отношение к экономике / Пер. с нем. Р. П. Шпаковой // Социологические исследования. № 5. С. 139–147.
- Гальперин А. Л. (1963). Очерки социально-политической истории Японии в период позднего феодализма. М.: Восточная литература.
- Глухов А. А. (2014). Перехлест волны: политическая логика Платона и постнищашансское преодоление платонизма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Ерёмин В. Н. (2010). История правовой системы Японии. М.: РОССПЭН.

- Кожевников В. В. (2007). Средневековая Япония в лицах. Владивосток: Дальнаука.
- Копосов Н. Е. (2013). Грамматика демократии: «социология градов» Люка Болтански и Лорана Тевено // Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение. С. 5–15.
- Матвеенко В. А. (2015). Структура понятия истины в смысловом контексте японской культуры // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 4. С. 119–127.
- Мещеряков А. Н. (2004). Японский император и русский царь: элементарная база. М.: Наталис.
- Михайлова Ю. Д. (1991). Общественно-политическая мысль Японии. М.: Наука.
- Нейсбит Р. (2012). География мысли / Пер. с англ. Н. Парфеновой. М.: Астрель.
- Нихон сёки — Анналы Японии (1997) / Пер. и коммент. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион.
- Попов К. А. (1984). Законодательные акты средневековой Японии. М.: Наука.
- Пятигорский А. М. (2007). Что такое политическая философия: размышления и соображения. М.: Европа.
- Радуль-Затуловский Я. Б. (1947). Конфуцианство и его распространение в Японии. М.: Академия наук СССР.
- Радуль-Затуловский Я. Б. (1961). Андо Сёэки: философ-материалист XVIII века. М.: Восточная литература.
- Радуль-Затуловский Я. Б. (1972). Из истории материалистических идей в Японии. М.: Наука.
- Рансъер Ж. (2004). Эстетическое бессознательное / Пер. с франц. В. Е. Лапицкого. СПб.: Machina.
- Рансъер Ж. (2006). На краю политического / Пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Практис.
- Рансъер Ж. (2013). Несогласие: политика и философия / Пер. с франц. В. Е. Лапицкого. СПб.: Machina.
- Рикёр П. (1995). Герменевтика, этика, политика. М.: Academia.
- Совастеев В. В. (1995). Политическая мысль Японии накануне переворота Мэйдзи. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та.
- Фуко М. (1999). Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова. М.: Ad Marginem.
- Фуко М. (2011). Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / Пер. с франц. Н. В. Суслова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука.
- Хёфффе О. (2007). Справедливость: философское введение / Пер. с нем. О. В. Кильдишова под ред. Т. А. Дмитриева. М.: Практис.
- Ячин С. Е. (2001). Дао и телос в смысловом измерении культур восточного и западного типа. Владивосток: Изд-во ДВФУ.
- Коясу Нобукуни 子安宣邦. (2001). Нихон сисо:си дзитэн 「日本思想史辞典」 . Токио: Пэриканся.

- Канадзи Исamu 金治勇.* (1986). Сё:току тайси но кокоро 「聖徳太子のこころ」. Токио: Дайдзо:сюппан.
- Мацууда Коитиро 松田宏一郎.* (2008). Эдо-но тисики кара мэйдзи-но сэйдзи-э 「江戸の知識から明治の政治へ」. Tokyo: Perikansha.
- Bary Wm. Th. de, Keene D., Tanabe G., Varley P* (Eds.). (2001). Sources of Japanese Tradition, Vol. 1: From Earliest Times to 1600. New York: Columbia University Press.
- Brownlee J. S.* (1991). Political Thought in Japanese Historical Writing: From Kojiki (712) to Tokushi Yoron (1712). Waterloo: Wilfrid Laurier University Press.
- Goto Jones Ch. S.* (2005). Political Philosophy in Japan: Nishida, the Kyoto School, and Co-prosperity. Abingdon: Routledge.
- Legge J.* (2001). The Chinese Classics, Vol. 1. La Vergne: Simon Publications.
- Matsuda K.* (2003). Social Order and the Origin of Language in Tokugawa Political Thought // St. Paul's Review of Law and Politics. № 63. P. 131–142.
- May T.* (2008). The Political Thought of Jacques Rancière: Creating Equality. University Park: The Pennsylvania State University Press.
- Najita T.* (1998). Tokugawa Political Writings. Cambridge: Cambridge University Press.
- Verba S., Almond G.* (1963). The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press.
- Watanabe H.* (2012). A History of Japanese Political Thought 1600–1901. Tokyo: International House of Japan.

The Politics of Justice: The Question of Deontological Ethics in Political Culture of Japan

Valentin A. Matveenko

MPhil Stud, PhD student, Department of Philosophy, Far Eastern Federal University

Address: 8 Suhanova str., Vladivostok, Russian Federation 690950

E-mail: valentin.matveenko@gmail.com

Based on L. Boltanski, and L. Thévenot's "domestic order" described in "orders of worth", the article deals with the deontological ethics that lays the groundwork for Japanese political culture. Towards this end, I analyze conceptual issues of "orders of worth" in trying to reduce the theory to Japanese political reality. The most ancient constituent act known as the Seventeen-article constitution is described as an example of Japanese political thought. In consistently applying the principles stated by Boltanski and Thévenot, I conclude that the Constitution meets all of the conditions to be considered as a fundamental work, which lays a solid cornerstone of Japanese traditional political and social order. Among all of the "orders of worth" offered by Boltanski and Thévenot, I chose the "domestic order" as the most acceptable to focus on the characteristics of the phenomenon of domination in the Japanese ruling elite, which contrasts with the domination of the European type. In analyzing the listed differences, the author concludes that the root of the Japanese understanding of justice correlates with the understanding of righteousness. As a result, I conclude that the Japanese way of political conceptualization focuses around ideal forms

of state rule and ideal order, and is, in a certain sense, typical for the classical political thought of ancient times. In such a type of thought, conceptions of righteousness, justice, truth, sincerity, and harmony are the points of departure for any political consideration. In this context, I can call the Japanese traditional political culture as a deontologically and axiologically-oriented culture focused on political ideals and public weal.

Keywords: righteousness, weal, deontological ethics, political philosophy, Japanese philosophy, Luc Boltanski, Laurent Thévenot, orders of worth

References

- Aristotle (2008) *Politika. Metafizika. Analitika* [Politics. Metaphysics. Analytics], Moscow: Eksmo.
- Bary Wm. Th. de, Keene D., Tanabe G., Varley P. (eds.) (2001) *Sources of Japanese Tradition, Vol. 1: From Earliest Times to 1600*, New York: Columbia University Press.
- Boltanski L., Thévenot L. (2013) *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: ocherki sociologii gradov* [On Justification: The Economies of Worth], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Brownlee J. S. (1991) *Political Thought in Japanese Historical Writing: From Kojiki (712) to Tokushi Yoron (1712)*, Waterloo: Wilfrid Laurier University Press.
- Ermakova L., Meshcheryakov A. (eds.) (1997) *Nihon shoki* [Nihon shoki], Saint Petersburg: Giperion.
- Eryomin V. (2010) *Istoriya pravovoj sistemy Japonii* [The History of the Legal System in Japan], Moscow: ROSSPEN.
- Foucault M. (1999) *Nadzirat'i nakazyvat': rozhdenie tjur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison], Moscow: Ad Marginem.
- Foucault M. (2011) *Bezopasnost', territorija, naselenie: kurs lekcij, prochitannyh v Kollezh de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Security, Territory, Population: Lectures at the College de France, 1977–78], Saint-Petersburg: Nauka.
- Galperin A. (1963) *Ocherki social'no-politicheskoy istorii Japonii v period pozdnego feodalizma* [Review of Japanese Social and Political History in the Period of Late Feudalism], Moscow: Vostochnaya literatura.
- Gloukhov A. (2014) *Perehlest volny: politicheskaja logika Platona i postnitsheanskoe preodolenie platonizma* [Overlapping Waves: Political Logic of Plato and the Post-Nietzschean Overcoming of Platonism], Moscow: HSE.
- Goto Jones Ch. S. (2005) *Political philosophy in Japan: Nishida, the Kyoto School, and Co-prosperity*, Abingdon: Routledge.
- Höffe O. (2007) *Spravedlivost': filosofskoe vvedenie* [Justice: An Philosophical Introduction], Moscow: Praksis.
- Kanaji Isamu 金治勇 (1986) *Shōtoku taishi no kokoro* 聖徳太子のこころ, Tokyo: Daizōshuppan.
- Koposov N. (2013) *Grammatika demokratii: "sociologija gradov"* Ljuka Boltanski i Lorana Teveno [Grammar of Democracy in "The Economies of Worth" by L. Boltanski and L. Thévenot]. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: ocherki sociologii gradov* [On Justification: The Economies of Worth], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 5–15.
- Koyasu Nobukuni 子安宣邦 (2001) *Nihon Shisōshi Jiten* 日本思想史辞典, Tokyo: Perikan.
- Kozhevnikov V. (2007) *Srednevekovaja Japonija v licah* [Persons of Medieval History of Japan], Vladivostok: Dalnauka.
- Legge J. (2001) *The Chinese Classics, Vol. 1*, La Vergne: Simon Publications.
- Matsuda K. (2003) Social Order and the Origin of Language in Tokugawa Political Thought. *St. Paul's Review of Law and Politics*, no 63, pp. 131–142.
- Matsuda Koichiro 松田宏一郎 (2008) *Edo no chishiki kara meiji no seiji e* 江戸の知識から明治の政治へ, Tokyo: Perikansha.
- Matveenko V. (2015) *Struktura ponjatija istiny v smyslovom kontekste japonskoj kultury* [A Structure of Truth in Japanese Conceptual Reality]. *Humanities Research in the Russian Far East*, no 4, pp. 119–127.
- May T. (2008) *The Political Thought of Jacques Rancière: Creating Equality*, University Park: The Pennsylvania State University Press.

- Meshcheryakov A. (2004) *Japonskij imperator i russkij car* [Japanese Emperor and Russian Tsar], Moscow: Natalis.
- Mikhailova Y. (1991) *Obshhestvenno-politicheskaja mysль Japonii* [Japanese Political Thought], Moscow: Nauka.
- Najita T. (1998) *Tokugawa Political Writings*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Nisbett R. (2012) *Geografija mysli* [The Geography of Thought], Moscow: Astrel.
- Popov K. (1984) *Zakonodatel'nye akty srednevekovoj Japonii* [Legislation in Medieval Japan], Moscow: Nauka.
- Piatigorsky A. (2007) *What Political Philosophy Is: Thoughts and Considerations*, Moscow: Evropa.
- Radul-Zatulovsky Y. (1947) *Konfucianstvo i ego rasprostranenie v Japonii* [Confucianism and its Spreading in Japan], Moscow: USSR Academy of Science.
- Radul-Zatulovsky Y. (1961) *Ando Sjoeki: filosof-materialist XVIII veka* [Ando Shoeki: Materialist of 18th Century]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Radul-Zatulovsky Y. (1972) *Iz istorii materialisticheskikh idej v Japonii* [From the History of Materialist Ideas in Japan], Moscow: Nauka.
- Rancière J. (2004) *Jesteticheskoe bessoznateльnoe* [The Aesthetic Unconscious], Saint Petersburg: Machina.
- Rancière J. (2006) *Na kraju politicheskogo* [On the Shores of Politics], Moscow: Praksis.
- Rancière J. (2013) *Nesoglasie: politika i filosofija* [Disagreement: Politics and Philosophy], Saint Petersburg: Machina.
- Ricœur P. (1995) *Germenevtika, jetika, politika* [Hermeneutics and the Human Sciences], Moscow.
- Sovasteev V. (1995) *Politicheskaja mysль Japonii nakanune perevoroča Mjezdzi* [Political Thought in Japan on the Eve of Meiji Ishin], Vladivostok: Far Eastern State University Press.
- Yachin S. (2011) *Dao i telos v smyslovom izmerenii kul'tur vostochnogo i zapadnogo tipa* [Dao and Telos in the Sence Dimension of Oriental and Western Types of Culture], Vladivostok: Dalnauka.
- Verba S., Almond G. (1963) *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*, Princeton: Princeton University Press.
- Watanabe H. (2012) *A History of Japanese Political Thought 1600–1901*, Tokyo: International House of Japan.
- Weber M. (1988) Tipy gospodstva i ih otnoshenie k jekonomike [Types of Domination and Their Relation to Economy]. *Sociological Studies*, no 5, pp. 139–147.

Национально-политические взгляды М. П. Драгоманова 1888–1895 гг.*

Андрей Тесля

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии
социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского национального университета

Адрес: ул. Тихоокеанская, д. 136, г. Хабаровск, Российская Федерация 680035
E-mail: mestr81@gmail.com

Политические взгляды М. П. Драгоманова представляют существенный интерес с точки зрения изучения истории украинского национального движения в последней четверти XIX века, взаимодействия национальных движений между собой и с имперским центром, также теоретического осмысливания «национализма» с позиций анализа современных событий. Драгоманов являлся не только и даже не столько действующим политиком, сколько идеологом, претендующим на выработку теоретической рамки, позволяющей обосновать и объективно описать собственную деятельность и деятельность политических союзников и антагонистов. Драгоманов, с 1870-х ставший идеологом украинского «радикализма» (т. е. социализма), к концу 1880-х годов оказался в непривычной для него ситуации идеологического противостояния теперь уже не с велико/общерусскими националистами, имперцами и польскими националистами, а с собственно украинским национальным движением. В конце 1880-х — начале 1890-х Драгоманов публикует ряд работ, в которых обосновывает свое понимание «национального» и перспектив «украинства». Оценивая сепаратистские настроения, он настаивает, что без «мировой катастрофы» условия для возникновения самостоятельной украинской державы отсутствуют — и, следовательно, задача, стоящая перед украинским движением, заключается в изменении политico-административных порядков существующих государств, для чего ему надлежит предложить решения, привлекательные для большинства иных участников политической жизни. Для Российской империи подобной перспективой, согласно Драгоманову, выступает федеративное переустройство, дающее возможность на местном уровне реализовать национальные задачи, в зависимости от силы и зрелости национальных и/или местных движений. В этом, на его взгляд, заинтересованы не только «плебейские нации», но и собственно великорусское население.

Ключевые слова: Михаил Петрович Драгоманов, радикализм, национализм, украино-фильство, украинство, федерализм

Михаил (Михайло) Петрович Драгоманов (1841–1895) принадлежит к числу наиболее известных и значительных деятелей украинского национального движе-

© Тесля А. А., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: [10.17323/1728-192X-2016-1-94-111](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-1-94-111)

* Исследование выполнено в рамках работ по гранту Президента РФ № МК-5033.2015.6 «Формирование украинского национализма: между Польшей и Москвой (1840–1900-е гг.)», а также международного научно-образовательного сотрудничества по программе «Иммануил Кант» по теме: «Федералистские проекты в истории русской и украинской общественной мысли XIX века», № 28.686.2016/ДААД.

ния 1870–1890-х гг.¹ — однако оценка его взглядов и политической роли по сей день остается весьма неоднозначной, вызывающей споры не только и не столько исторические, но и включенные в актуальный политический контекст. Подобное положение вещей обусловлено рядом обстоятельств, среди которых связанные преимущественно со спецификой фигуры самого Драгоманова и занимаемой им теоретической позицией. Первые можно отнести к числу «субъективных», зависящих от личных отношений в украинском национальном движении. Драгоманов был человеком не только сложным, но и тяжелым в общении, если оно задевало вопросы, имеющие общественное значение — а таковыми, кажется, он был готов считать едва ли не все. Уже ближе к концу жизни он вспоминал, как гр. А. С. Уваров, председательствовавший на Киевском (IV) археологическом съезде в 1874 г., говорил ему во время прогулки на пароходе по Днепру, что во враждебном отношении к себе тот во многом виноват своей манерой вести полемику: «Вам недостаточно разбить, вы хотите добить человека, показать, что он совсем дурак, даже тогда, когда и так видно уже, какой он» (Драгоманов, 1970б: 240, прим. 1). Не менее примечательно и то, что привел эти слова Драгоманов в 4-й статье «Австро-Русских воспоминаний» (1891) — одном из наиболее скандальных своих текстов, где сумел обидеть едва ли не всех, кто там упомянут, — что галичан, что надднепрянцев. Как обычно и бывает, сознание своих недостатков или понимание последствий своих поступков не способно побудить нас их исправить — а лишь сожалеть и продолжать действовать так, как нам свойственно.

Еще при жизни Драгоманова одни видели в нем «украинофила» и «сепаратиста», другие «москвофила» и изменника национальному делу — и споры эти спустя десятилетия только усилились. Для сторонников «интегрального национализма» он стал фигурой знаковой, воплощающей все то, что они считали пагубным в предшествующем национальном движении². Что касается советской историографии, то Драгоманов, пусть и с весьма критическими оценками со стороны В. И. Ленина³, оказывался фигурой близкой — в том числе и в силу того, что его понимание желательного решения национального вопроса вполне точно укладывалось в формулу «национального по форме и социалистического по содержанию» (см.: Лукеренко, 1965; Иванова, 1971).

Биография Драгоманова подразделяется на три основных этапа (см., напр.: Бутич та інші, 2001): до эмиграции, 1841–1876; первый период эмиграции, 1876–1889; и с 1889 до кончины в 1895 г., когда Драгоманов получил благодаря зятю, молодому

1. В России до сих пор единственными монографическими работами, посвященными специально Драгоманову, остаются два варианта биографического очерка, написанного Д. Заславским (Заславский, 1924, 1934).

2. См. весьма характерную в этом отношении работу Задеснянского (1980), первое ее издание вышло в 1946 г.

3. Последний характеризовал Драгоманова как «украинского мещанина», «который выражал точку зрения крестьянина, настолько еще дикого, сонного, приросшего к своей куче навоза, что из-за законной ненависти к польскому пану он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии» (цит. по: Азадовский, 2013: 820).

болгарскому ученому Ивану Шишманову (Горбач, 2008: 89–90), приглашение на должность профессора Высшей школы в Софии (с 1904 г. получившей статус университета). Последний этап деятельности Драгоманова приходится на эпоху спада российского радикального и либерального движения. После оживления в первые годы царствования Александра III российский земский либерализм более чем на десятилетие находит прибежище в журнальных и газетных публикациях, избегая любых неофициальных организационных форм, российский же радикализм после 1881–1884 гг. был не только разгромлен полицейскими мерами, но и, что гораздо важнее, дискредитирован.

Эмиграция, которая в период 1870-х — начала 1880-х воспринималась как временная, в силу невозможности или неудобства вести аналогичную деятельность в пределах Российской империи, к середине 1880-х оказывается постоянной жизненной перспективой. К Драгоманову это относится еще в большей степени, чем к значительной части русской эмиграции — в частности, к таким фигурам, как П. П. Лавров или С. М. Степняк-Кравчинский, поскольку, в отличие от них, у него не было в эмиграции сочувственно настроенной аудитории (из числа русской молодежи и путешествующих за границей), ни интереса к украинским делам со стороны английских, французских или немецких изданий. Киевской «Старой Громаде» Драгоманов писал 8.II.1886:

Только не думайте, чтобы так уж легко было пролазить в европейскую прессу и еще и зарабатывать этим деньги. Прежде всего и здесь нужна протекция, реклама, — а от меня теперь воротят лицо некоторые даже из моих прежних приятелей из европейских писателей; для одних я «нигилист», для других *не-террорист*; есть и такие, что и сепаратизма сильно не любят. Не думайте также, чтоб так уж Европу интересовало все наше славянское, российское... У меня есть один приятель, Росс[ийский] революционер Степняк, который пишет для англичан и которому я немного помогал материалами и совета. Он действительно пишет немало и имеет с того заработок. Так он кроме того имеет талант писать *горячо* (которого я не имею) и без сильного скептицизма (которым меня бог наделил немало, на мое горе или счастье, не знаю), он сошелся с одним англичанином из *дельцов*, который помогает ему отдавать его работы, бесплатно и который всюду бегает, чтобы пристроить его писанья. Так и с ним так работают: давай книги про Россию, пока Афганский спор⁴ не кончился, а задержишься на неделю — не нужно! Может быть это и не хорошо, но я так не могу писать: у меня работа про Палия и Мазепу лежала 1½ года, пока я выписки из Цертелева искал, а теперь столько же жду вписки из «Поэт[ических] воззрений славян на природу»⁵, без которой я боюсь закончить статью про псевдославянский дуализм для «Revue historique des

4. Имеется в виду напряженный дипломатический конфликт между Российской и Британской империями в 1885 г., вызванный столкновением русских и афганских войск при Таш-Кепри (севернее Кушки) из-за разграничения между Афганистаном и Россией. Конфликт закончился осенью 1885 г. назначением англо-русской разграничительной комиссии, которая в 1887 г. установила русско-афгансскую границу на западе вплоть до Аму-Дарьи.

5. Афанасьев А.Н. Соч. 1-е изд. В 3-х тт. М., 1865–1869.

*Religions*⁶. И при всем [том] не думайте, чтобы Степняк много зарабатывал: едва выживает с женой и без детей. Научные же работы (которые я способнее всего писать) и тут не дают почти никакого заработка. Знаете, сколько заплатила редакция *Encyklopädie von Ernst und Gruber?* 43 марки, т. е. 45 франков за лист (а пишут там знаменитости), так что я за работу, над которой просидел 1½ месяца (не считая предшествующей подготовки), я получу 90 фр. *Maisonneuve* давал мне за томик песен и сказок по 10 фр. (десять!) за лист. (L. Leger⁷ за свои *Contes slaves* ed. Leroux ничего не получил; профессора здесь живут с наследственной ренты или с жалования, а книги — не учебники — пишут не для денег, а для того, чтобы пойти в гору у публики и на кафедрах.) *Фольклористские* журналы ничего не платят за статьи. Не только газеты, а что и *revue* непостоянным сотрудникам не платят ничего или очень мало. Из всего этого выходит, что если я писал и пишу про Украину на иностранных языках, то собственно для «службы», а не для «материальной поддержки». (Драгоманов, 1906: 166–167; Драгоманов, 1938: 276–277)⁸

Этот период оказался наиболее тяжелым в жизни Драгоманова — в бедненежье (см.: Горбач, 2008: 88), потеряв не только русскую аудиторию (во многом отошедшую от него после выхода «Исторической Польши...»), но и украинскую⁹. «Старая Громада» писала Драгоманову в начале 1886 г.¹⁰:

Последнее десятилетие до такой степени изменило к худшему положение всех либеральных фракций, что, кроме поголовного уныния (конечно, выключая хрюканье торжествующих свиней) да когда-никогда проявления криков отчаяния, Вы не услышите ничего отрадного, и даже на лицах все не прочтете и намека на возможность каких бы то ни было ожиданий лучшего. Согласитесь, что при этих данных нет возможности с теми слабыми силами, какие имеются в наличии, пытаться продолжать выполнение программы, намеченной 10 лет назад. <...> Опыт всего протекшего десятилетия доказал нам, что все изданные Вами за кордоном книги, брошюры и статьи политического характера, рассчитанные на влияние их в России, дали такой минимальный плюс, что продолжать их при наличных условиях просто бесполезно. Вина в этом, конечно, не Ваша, а может быть, до известной степени, наша, но во всяком случае, не настолько, чтобы причины всех неудач приписать себе. Дело в том, что, не утаивая неприятного, должно сознаться, что совершенно не заметно воспитывающего влияния всех этих изданий среди людей молодых, или, вообще, хотя и зрелых летами, но пребывающих в положении

6. Выходил в Париже, с 1880 г.

7. Луи Леже (1843–1923) — видный французский славист, профессор College de France, автор весьма благожелательной рецензии на «Нові українські пісні про громадські справи (1764–1880)» М. Драгоманова (Женева: Типография «Работника» и «Громады», 1881).

8. Здесь и далее все переводы с украинского сделаны автором настоящей статьи.

9. Тяжелое состояние духа Драгоманова, ощущение бесполезности, безадресности его деятельности отразилось в письмах не только к близким, например к Ив. Франко (см.: Драгоманов, 1906: 126), но и к почти случайным знакомым. Так, одному петербургскому корреспонденту он писал на исходе 1885 г.: «И просить, чтобы писали. А то просто иногда хочется в Рону спрыгнуть, и все думаешь, что ты никому не нужен в обществе, а семье только вредишь, удерживая ее тут» (Драгоманов, 1906: 139).

10. Оригинал — на русском языке. Письмо написано рукой В. П. Науменко (Драгоманов, 1938: 423).

людей с ...¹¹ в голове. Читались они и производили некоторое впечатление на лиц, и без того уже более или менее подготовленных к таким воззрениям путем личных связей, бесед и пр. Конечно, если бы распространение этих изданий было широко, если бы они могли циркулировать на книжном рынке более свободно, можно было бы рассчитывать на иные результаты; но теперь, при слабом распространении их, они являются той роскошью, которая не выдержит бюджета (*sic!* — А. Т.) и явится совсем не по сезону. Не думайте, чтобы весь секрет заключался в более удачной перевозке этих изданий, что, следовательно, при большей энергии в этом отношении с нашей стороны, все дело может измениться. Право, если присмотреться к окружающему, то нетрудно увидеть, что нравственный гнет и результат его — апатия, далеко оставили за собой все те понятия об угнетенности, высшей степенью которой привыкли считать Николаевскую Русь. Там был бич, болезненно отзывающийся на теле, но оставлявший все-таки жизненные соки в человеке; теперь — нравственная петля, из года в год затягивающаяся сильнее и не дающая возможности не только свободно дышать, но которая, кажется, вскоре прекратит совсем это дыхание. Вот почему теперь нет надежды на то, чтобы усиленная перевозка политических брошюр и изданий могла создать новый круг сочувствующих людей. В то время, когда мы знаем, что не было на Руси такой образованной семьи, в которой не читались бы Герценовские издания, теперь бывают факты, что люди, которым даешь ту или другую книгу, через несколько дней приносят ее обратно, прося избавить от опасного издания,ющего повредить им в их непрочном положении. Опираясь на это, мы просим Вас принять наше прямое заявление, что теперь все подобные издания для нас бесполезны. (Драгоманов, 1938: 267–268)

То, что дипломатически было выражено в письме к Драгоманову, нашло более ясное и прямое отражение в дневнике А. Ф. Кистяковского за несколько предшествующих лет. Так, 27 марта 1883 года он писал:

На печатание «Громады» убухано 10 тыс. руб. «Громада» печаталась на малороссийском языке в Женеве. Проникала она в Киев и в Южную Россию в самом небольшом количестве экземпляров. Издавайся она даже в России, как нечто дозволенное, она все-таки была бы не пошла. Ныне огромные ее склады лежат в Женеве — и, вероятно, скоро будут проданы на пуды. Если бы правительство это знало и если бы оно относилось хладнокровно к подобным явлениям, оно бы не пороло горячки: поистине оно трусит напрасно закордонных затей. (Кістяківський, 1995: 407)

5 мая того же года, записывая разговоры на заседании «Старой Громады» предшествующим вечером, Кистяковский отмечал: «Поднят был вопрос о необходимости оказать Драгоманову поддержку денежную для продолжения печатания «Исторических песен малорусского народа». Я стоял на том, чтобы денег не давать на заграничные издания даже такого невинного характера, как исторические песни. Женевские издания, даже невинного содержания, для нас недоступны. Следова-

11. Пропуск в оригинале.

тельно, не подобает нам тратиться на издания таких сочинений, которые не имеют и не могут иметь распространения в России. Мы сами имеем много дела, у нас на очереди стоит издание малороссийского хронографа, и хроника XVII ст., и малороссийского Евангелия XVI стол[етия]» (Там же: 418).

В результате в 1886–1887 гг. оказалось зафиксировано полное расхождение Драгоманова со «Старой Громадой». Уже на письмо, пришедшее к нему в начале 1886 г., он отреагировал как на «чистую отставку», и хотя киевляне не хотели доводить дело до разрыва, Драгоманов радикализировал конфликт, в частности, придав своим ответам «Старой Громаде» полупубличный характер, ознакомив с ними своих галицийских единомышленников¹². Стремление не доводить дело по полного разрыва было, вероятно, обусловлено со стороны киевлян еще и тем соображением, что они пытались «приглушить» деятельность Драгоманова, поскольку в глазах правительства ассоциировались с ним, — а чем дальше, тем в большей степени их подходы по широкому спектру вопросов расходились: в итоге они оказывались испытывающими последствия как от своих собственных действий, которые не одобряли, а поскольку они не могли выступать от собственного имени, то и ясным образом дистанцироваться до Драгоманова им было затруднительно. Крайняя ограниченность возможностей поднепровских деятелей украинского национального движения в 1880-е годы вела к предсказуемой тройственной позиции:

- во-первых, очень скромной практической программе, «бесполитического культурничества», старательного избегания всего, что в глазах властей может представать как имеющее политические последствия¹³;
- во-вторых, к широким политическим фантазиям, не сдерживаемым «принципом реальности»¹⁴;

12. Письма Драгоманова «Старой Громаде» от 8.II.1886, IV.1886 и от 3–12.II.1887, сохранившиеся в архиве Ив. Франко, были впервые опубликованы им в собрании писем к нему Драгоманова (Драгоманов, 1906: 153–173, 211–220; 1908: 4–79) — и уже затем, с другой копии, сделанной племянницей Драгоманова, Л. П. Косач (в замужестве — Косач-Квитка, псевдоним: Леся Украинка), опубликованы в: Драгоманов, 1938.

13. Оценивая данную позицию, Драгоманов писал лидеру галицийских «народовцев» А. Барвинскому 30.VIII.1888: «Вот киевские украинфилы выдают себя за „бесполитических культурников“. (В России все не по-людски: были бескультурные народники и революционеры, а теперь бесполитичные культурники.)» (Возняк, 1930: 281).

14. Подобная позиция, избавленная от ответственности, отразилась в дневниках А. Ф. Кистяковского, вновь сближающегося с украинофильским киевским кружком и становящегося его деятельным членом по мере того, как тот все более удаляется от Драгоманова. Так, он пишет 22 августа 1880 г.: «Вспомнил о разговоре с [В.] Барвинским (в июле 1880 г. во Львове, на обратном пути в Киев из Карлсбада. — А. Т.) насчет будущей судьбы Малороссии. Я сказал ему: в немецких газетах в числе целей посещения Францем-Иосифом Галиции указывают на то, чтобы льготами, милостынями и вниманием к русским привлечь на свою сторону и малороссов русских. Я сказал, дикая и фантастическая идея. На это Барвинский заметил мне, отчего так? В этой мысли нет ничего странного и несбыточного. Малороссам чрезвычайно важно объединиться в одно целое, соединиться под одну державу. А под чьим владычеством им состоять? Это вопрос, на который следует отвечать: под владычеством той державы, которая расположена дозволить широкое развитие малороссийской народности во всяком отношении. Москва despотическая, завистливая, всепоглощающая и всепожирающая, готова задушить малороссийское племя. Австрия, напротив, и теперь даст возможность развиваться мало-

— в-третьих, к поддержке галицийской «народнической», т. е. национальной партии, как антироссийской и имеющей реальный политический вес, обеспечении условий для ее соглашения с польскими политиками, контролирующими Галицию, — так как украинско-польский конфликт неизбежно отбрасывал слабейшую, украинскую сторону в направлении Москвы.

Для того чтобы противодействовать русификаторским и централизаторским стремлениям в Российской империи, украинские националисты нуждались в соглашении с поляками, не имея ресурсов для борьбы «на два фронта» (что особенно ярко будет продемонстрировано в дальнейшем, в ситуации 1917–1921 гг.), а противостояние с поляками приводило автоматически к необходимости искать поддержки у Москвы (см.: Тесля, 2015). В итоге украинское национальное движение в пределах Российской империи к концу 1880-х, лишенное практически любых возможностей политического действия, оказалось склонно к радикализации националистического дискурса, мышлению в оптике катаклизма — поскольку только принципиальное изменение условий действия, а не какое-либо эволюционное развитие текущего положения, могло дать шанс к реализации поставленных целей.

Драгоманов, с одной стороны, получивший благодаря назначению в Высшую школу в Софии возможность передышки и некоторую обеспеченность, с другой — дистанцированный от текущей политики и в то же время связанный с новыми российскому племени, а в будущем, желая привлечь их споплеменников на свою сторону, готова будет еще более расширить. Вот вам программа для будущего политика.

Тогда я вспомнил, что когда-то, лет 18 тому назад, я слышал подобную мысль вскользь, мимолетом, не в смысле программы действия, а как философское рассуждение, высказанное Костомаровым. И подумал: что если бы услышали эту мысль российские полицействующие ученые, они бы записали меня навеки погибшим, только по одному тому, что я слушал эти мысли. Они бы навек записали меня в число лиц несерьезных» (Кистяковский, 1995: 252). А 2 марта в 1884 г. пишет, противопоставляя свой взгляд, «малую политику» «большой драгомановской» политике: «Нераздельность Малороссии с Великою Россиею должна лечь в основание малороссийской партии. Никакие соблазны извне, никакие притеснения внутри не должны отвращать нас от единства с нашим общим отечеством Россиею. Мы должны разделять общую нашу судьбу в полной надежде, что Россия выйдет рано или поздно на другую дорогу, на дорогу политической свободы и широкого развития» (Там же: 455). Поскольку для деятелей «Старой Громады» открыто более чем ограниченное поле деятельности, сосредоточенное преимущественно в области археологических интересов и украинского театра, то переход от одной крайности до другой в плане политических мечтаний не встречает затруднений — являясь радикальной реакцией на меняющуюся ситуацию. Так, записывая разговор у Лысенко 11 декабря 1883 г., Кистяковский отмечает: «я заметил, что поляки ухаживают теперь за украинцами, желая их задобрить на счет будущего их и нас присоединения к Австро-Венгрии. Мои собеседники, человек семь, выразили мысль, что было бы хорошо, если бы это осуществилось. Россия безнадежна относительно возможности возникновения свободных учреждений; она стонет и будет стонать под игом деспотизма; она по природе страна рабов, которые добровольно подставляют свою шею под ярмо самодержавной власти царя и его опричников. Австро-Венгрия — другое дело: там, несмотря на гнет польского господства, есть возможность развиваться свободе и усовершенствоваться национальности. С этим мнением я не согласился по следующим соображениям: народ русский я не считаю безнадежным в деле развития свободы и преуспевания прогресса; народ русский более демократический, чем польский, где шляхетство и иезуитизм свили такое гнездо, которое ничем не разрушить. Правда, ныне в Австро-Венгрии жить человеку лучше, вольготнее, но рано или позже настанет пора переворота и в России. С поляками жить я не желаю. Если бы в Киеве настало польское господство, я бы ушел в Россию» (Там же: 440–441).

российскими либералами и социалистами¹⁵, с надднепрянскими и галицийскими деятелями из молодого поколения (Б. А. Кистяковский, И. Франко, М. Павлик, О. Терлецкий и др.), рассматривал те же проблемы в иной перспективе. Дilemma «Москва vs. Варшава», в которой оказывалось замкнуто украинское национальное движение, на его взгляд, решалась через выход из этой дилеммы, поскольку в любом случае речь шла о столкновении двух больших интеграционных проектов, не предусматривавших никакого третьего (проблеме «третьего» и посвящено основное содержание «Исторической Польши...»). Альтернатива этим проектам в виде выдвижения еще одного не могла исходить от Украины, не являющейся самостоятельным политическим субъектом, не имеющей в любой обозримой перспективе достаточных ресурсов, чтобы им стать. Из этого вытекала необходимость предложить перспективу, достаточно привлекательную для других политических субъектов и совпадающую с украинскими интересами.

Поясняя свою позицию, Драгоманов писал в ответ «Старой Громаде» (3–12. II.1887):

Я всегда был социалистом (еще с гимназии, где мне дали прочитать Роб. Оуэна и С[ен-]Симона), но никогда не думал переводить на нас просто, стереотипно ни одну из чужих социалистических программ, а всего меньше р[оссийский] соц[иалистический] рев[олюционный] нигилизм, антикультурность которого мне всегда была противна, как и украинофильское гайдаматство, которое, собственно, одного корня с рос[сийским] нигилизмом, только что не имело его искренности, честного запала делать на деле то, что думает человек и говорит язык. (Драгоманов, 1908: 19)

В том же, одном из наиболее важных в политическом отношении из принадлежащих ему текстов Драгоманов настаивал на необходимости для Киевской «Громады» (в связи с ее контактами с галицийскими «народоцами») выработать какую-то единую позицию в отношении великоруссов и по отношению к Российской культуре и государству (Там же: 31). И далее:

Требуется выбрать что-то одно: или политический сепаратизм с культурной войной, по примеру старого польского патриотизма, или без нее; или федерализм: далее нужно выбрать или политический консерватизм, по примеру старых украинофилов до Шевченко, или либерализм и т. д. <...> Если Вы не выберете себе формулы и не перескажете ее Галичанам, да с тем чтобы они держались ее логично, то за Вас выработают ее Галичане, которые, конечно, не зная Ваших обстоятельств и Ваших намерений, выберут формулу неподходящую, Вам же вредную, — и Вы будете в положении наихудшем, пото-

15. В частности, с И. М. Грэвсом, С. И. Щербатским — см.: Драгоманов, 1908: 233, 239. В 1905–1906 гг. редакция «Освобождения» издаст в Париже 2 тома «Политических сочинений» Драгоманова (это издание редактировал Б. А. Кистяковский, к тому времени перешедший от достаточно радикальных социально-демократических взглядов своей молодости к кадетскому социализму). В 1908 г. Кистяковский совместно с Грэвсом уже в России предпринял издание сочинений Драгоманова, остановившееся, правда, на 1-м томе.

му что не получите ни одной выгоды от молчания и все его невыгоды. (Там же: 32–33).

М. Павлику Драгоманов писал (5.VIII.1887) по поводу своего цитированного выше послания к «Старой Громаде»:

...я сильно охладел к судьбе моего письма, которое Вы так хлопочете переплатить на Украину. <...> А принципиальные речи в том письме я писал больше для себя, чтоб став на бумаге, не давили на мозг, чем для приятелей. <...> Если б можно было пустить письмо в широкую публику, то оно бы может и обратило кого до нашей программы. Да пустить его приятели не захотят, даже если бы то можно было. А их самих переубедить не посильно, потому что дело здесь не столько в принципах, сколько в инстинктах: человека перепуганного и бездеятельного как вы переубедите теориями действия? (Драгоманов, 1908: 101)

В последнем отношении Драгоманов заблуждался, не желая видеть обнаружившегося принципиального расхождения: для киевского кружка, как и для галицких «народовцев» на первом плане стояло национальное движение, тогда как Драгоманов мыслил национальное не имеющим самостоятельного значения, формой для иных стремлений. По тому, как он постоянно подчеркивал, «национальное» движение само по себе неопределенно, выступать за «Украину» и «украинское» означает быть униатом, православным или атеистом, какую позицию занимать по народному образованию и т. п. — противопоставление «национального» «социалистическому» трактовалась им как стремление загrimировать конкретные интересы, отождествив их с «национальными», без прояснения соотношения с последними. А. Ф. Кистяковский записывал в дневнике 2.III.1884:

Я настаиваю, чтобы украинофильству дано было направление исключительно практическое, местное, чуждое драгомановских увлечений. Следует все силы направить к тому, чтобы народное самопознание проникло во все слои, во все классы общества. Прозелетизм украинофильства должен сделаться первою и исключительною задачею. Драгоманов мечтал создать социалистическое, радикальное украинофильство. Я же думаю о создании украинофильства как национального сознания. Украинофилом должен быть каждый житель Малороссии. Землевладелец и домовладелец, фабрикант и ремесленник, купец и кабатчик, священник и учёный, педагог и народный учитель, арендатор и поселянин — все и каждый должен быть сознательным украинофилом. Украинофильство должно быть практическим. Каждый, работая в своей сфере, на своем поприще, на котором его поставила судьба, должен быть националистом. Это так называемая малая политика, в отличие от большой драгомановской политики. (Кістяківський, 1995: 455)

О том же, с иных, разумеется, позиций писал Драгоманов в письме к Ив. Франко от 5.V.1884 г.: «У украинофилов формальный национализм (по реакции на гнет

администрации) взял верх над исследованием обстоятельств социальной жизни народа» (Драгоманов, 1906: 51). Тому же корреспонденту 21.X.1887 он писал, характеризуя Антоновича, ключевую на тот момент фигуру «Старой Громады»: «А до наук им (т. е. украинцам. — А. Т.) трудненько приступиться, когда домашнее «самобытничество» опирается на авторитет наиразумнейшего и ученейшего человека, который сам некогда стал из Поляка Украинцем через Руссо и Прудона, а теперь „самобытность“ сеет. Того ради вновь скажу, что если Галичина не вывезет наше движение, то долго сидеть в болоте» (Драгоманов, 1908: 108–109).

Поясняя Ив. Франко свое понимание «народа» и отношения к нему, Драгоманов писал 14.V.1884:

...хорошо было бы, если б Галичане обошлись без того народнического мистицизма и идеализации, в который впали Россияне. Следует помнить, что все изобретения человеческие исходят из потребности приспособиться к условиям существования. Вот «народ», мужики в своих первых потребностях веками приспосабливались, — и, понятно, сделали много разумного, наряду с глупым, без которого нельзя было обойтись там, где простого приспособления было мало. «Интеллигенция» приспособилась во многом другом и собственным опытом, и наукой, — и противопоставлять ее «народу» — глупость. Правда, в России есть одно обстоятельство, которое дает преимущество «народу», т. е. селу перед интеллигенцией, — а именно: так как в России издавна нет политической свободы, то в России собственно нет города, есть полицейская будка, обставленная домами, в которых живут изолированные люди, тогда как село с общинными собраниями или хозяйством все-таки есть *societas*, от чего крестьянин «мужик» в России больше єщоν політікоу, чем горожанин, даже высококультурный. Но эта разница исходит не из самой сути «народа» и интеллигенции, а из несчастной истории Московщины. На плюс народа (то есть трудящихся людей, все равно, крестьян или горожан) следует записать и то, что потребность непрерывной работы поддерживает в них здоровый разум и взгляд на людские взаимоотношения. (Драгоманов, 1906: 52)

Наиболее полно поздние политические взгляды Драгоманова выразились в трех текстах: программе, написанной для журнала «Правда» в 1888 г.; «Мыслях Чудака об украинском национальном деле» («Чудацькі думки по українську національні справі»), 1891 г., и «Письмах на Надднепровскую Украину» («Листи на Наддніпрянську Україну»), 1893 г. Отметим характерное для Драгоманова этого времени сочетание компромиссности, умеренности политической программы и жесткости в ее отстаивании. Умеренность для него заключалась в исходной, достаточно широкой рамке, а не в способности эту рамку ситуативно отбрасывать, закрывать глаза на текущие разногласия. В политическом отношении Драгоманов был вполне «доктринером» — достигнуть с ним «рабочего компромисса» было куда сложнее, чем с людьми иных, куда более радикальных взглядов. При этом он старался проговаривать и прояснять свою позицию по весьма болезненным вопросам, не следя принципу, что иногда бывает лучше промолчать. Так что вполне

предсказуемым образом его идейное влияние на следующее поколение, начавшее входить в политику в 1890-е, оказалось намного сильнее непосредственного политического влияния.

«Чудацькі думки...» и «Листи...» последовательно нарушали сложившиеся, привычные линии политического разграничения — так, например, Драгоманов отстаивал не только невозможность свести «москофильство» к «ренегатству „погодинской колонии“», поскольку к подобной позиции подталкивают объективные обстоятельства¹⁶, но и отмечал, что «уже и теперь некоторые из москофилов начинают понимать важность экономических дел в смысле более или менее радикальном. Есть такие, которые понимают необходимость политических реформ в демократическом направлении, напр. всеобщего избирательного права. На поле культурном некоторые москофилы не совсем отрицают ценность народного языка, по крайней мере в литературе начальной» (Драгоманов, 1894: 138–139). Более того, именно клерикализм «москофилов» в столкновении с «народовцами» ведет к способности воспринять принципы «не только полной терпимости, но и отделения церкви от государства» (Драгоманов, 1894: 139–140).

Наиболее яркой демонстрацией изменения позиции Драгоманова служат его слова о «новом славянофильстве». Как известно, именно полемика со славянофилами (и Катковым) была его «специализацией» в «Санкт-Петербургских Ведомостях» во времена редакторства Е. Ф. Корша (см., напр.: Драгоманов, 1970а: 46–47), полемике со славянофилами, в первую очередь с Аксаковым, отведено изрядно места в «Исторической Польше...» (см., в частности: Драгоманов, 1881: 86–87). Спустя 12 лет он писал:

Несогласие между Украинцами и массою московских славянофилов, вероятно, наступило б, по мере того, как у последних развивались бы национально-государственные централистические мысли, которые сближали их с российскими централистами-бюрократами западнической школы, как Катков. Да все-таки теперь удивительно, коли вспомнишь, что столкновение между двумя славянофильскими школами в России вышло собственно за дело больше теоретическое, чем практическое, и что, после горячей ссоры, в конце и Костомаров и отчасти Кулиш пришли до мыслей в отношении украинской литературы не так далеких от тех, которые в 1862–63 гг. высказывали и Вл. Ламанский и Ив. Аксаков.

Теперь старое московское славянофильство потонуло в волнах бюрократически-реакционного централизма, от которого оно умело отстраниться. В теперешних славяноблаготворительных кругах не видно даже такого

16. «Первая причина — реакция на домашние обстоятельства, которые гнетут австрийских Русинов, а вторая — определенный аристократизм, который отрывает людей от мужества, среди других и с его этнографическими признаками, такими как язык» (Драгоманов, 1894: 135). Стремление части образованных слоев говорить на «общерусском» языке — однородно по типу со стремлением другой переходить на польский как признак и одновременно способ повышения социального статуса, так что в этом отношении выбор более близкого «общерусского» выступает как компромисс: во-первых, сохранить свою принадлежность к «народной общности» и, во-вторых, обозначить свою дистанцированность по отношению к простонародью.

Ореста Миллера, который все-таки благодушно плакал, что «южнорусским братьям» не вольно читать по-своему даже евангелия, и высоко ставил Шевченко. <...> Да все-таки кто знает? Может в России и возродится какое-то славянофильство разумнейшее, чем теперешнее славяноблаготворительство, и опять встанет хоть на точку Вл. Ламанского и Ив. Аксакова 1862 г. в деле украинской литературы. (Драгоманов, 1894: 131–133)

Преобладающий вариант украинского национального движения оценивался Драгомановым весьма критически по целому ряду оснований. Прежде всего он отмечал, что украинский национализм заимствует и воспроизводит устаревшую модель, «плаксивый романтизм» (Драгоманов, 1913: 50). Украинофильство возникло как одно из типичных для своей эпохи (перед 1848 г.) течений, «поддаваясь которому даже социалист Прудон сказал, что „Вольность — вещь кельтская, а деспотизм франкская (*la liberte est gauloise, le despotisme est franc*)“» (Там же: 37).

Но время не стояло [на месте]. После 1848 г. выявилось, что национальная идея сама по себе не является лекарством для всех бед общественных (пример не только Венгрии и Германии, но и самой Италии, где национальная идея тесно связана с общеевропейским либеральным движением), а времена-ми без других культурных идей может служить источником великих ошибок (например, союза славян с реакцией в Австрии); выявилось, что вопросы политические, культурные, социальные, имеют свои задачи, по крайней мере столь же важные, как и национальные и для которых национальности могут быть только почвой и формой вариаций. (Там же: 38)¹⁷

В программе «Правды» Драгоманов писал:

Мы — Русины-Украинцы — поделены между системами Российской и Австро-Венгерской, и считаем по крайней мере на текущий момент, если не на всегда, — совсем непрактичным сопротивляться этому разделению. *Мы признаем его за факт*, из которого мы должны исходить, стремясь улучшить нашу долю.

В этом разделении наибольшая часть (17/20) лежит в России. Здесь, значит, должна быть сделана наиважнейшая часть дела будущего нашего народа, нашей национальности. Только буйная фантазия, не знающая не только исторических и этнографических, но даже географических обстоятельств жизни нашего народа, может придумать такую вещь, как отделение от России всего

17. В письме к М. Павлику от 5.VIII.1887 Драгоманов высказывал аналогичные претензии персонально в адрес В. Б. Антоновича: «...киевская компания и всегда была не очень сильна со стороны теории: про членов ее можно было всегда сказать, что они люди доброго сердца и честные (не ташкентцы, как все обрусители в Киеве). А собственно разумный и сколько-нибудь образованный человек у них был и есть только один, В. Б. А[ntonovich]. Так то человек до болезненности боязливый, по принципу брехливый, а к тому же в последние годы совсем отставший от Европы даже научно (он все стоит на теории „национальных духов“ и „фактов“...)» (Драгоманов, 1908: 101). Ярким подтверждением этому служит вычитанный частным в 1895/96 уч.г. образом курс лекций «Про казацкие времена на Украине» (Антонович, 1991) — тем примечательнее, что вышедшая в новейшее время работа, посвященная взгляду В. Б. Антоновича, непосредственно продолжает данный подход (Білодід, 2011).

пространства нашего народу — до степей задонских и предкавказских. А с другой стороны всякий возможный без мировой катастрофы отрыв какой-то части нашей родины, чтобы присоединить его до какого-либо существующего или будущего государства, совсем не поможет ни нашему народу, ни нашей национальности. Исходя из этого реальная политика украинская в России должна исключать всякую мысль о государственном сепаратизме — и, значит, иметь своей целью только политическую реформу всего государства на основе областной и общинной автономии. (Возняк, 1930: 244).

Поясняя свою позицию в споре с Борисом Гринченко (1863–1910, выступавшим под псевдонимом «Вартовий»), Драгоманов пояснял, что он «собственно и на... сепаратизм никогда не „нападал“ принципиально, потому что не имею против него ничего с принципиальной стороны. В принципе не только всякая нация, или племя, имеет право на отдельное государство, но даже всякое село. <...> Если я выступал против разговоров про украинский сепаратизм, то собственно указывая, что это пустые разговоры, которые не имеют под собой никакого основания» (Драгоманов, 1894: 76).

Драгоманов исходил из ряда последовательных тезисов:

- невозможности образования независимого украинского государства без «мировой катастрофы»;
- в силу этого — возможности достижения украинских национальных целей только в рамках внутренней трансформации Российской империи и Австро-Венгрии;
- поскольку большая часть украинского народа живет и будет продолжать жить в Российской империи, то достижение желаемых условий существования возможно только на основе достижения согласия с великоруссами — т. е. такого переустройства, которое будет выгодно для всех основных сторон.

Привлекательной для всех формой переустройства Российской империи выступала в глазах Драгоманова федеративная программа с принципом территориального, а не национального деления. В этом на Драгоманова существенно повлиял европейский опыт — положительный пример Швейцарской федерации и отрицательный пример Австрии/Австро-Венгрии, с ее многолетними (с 1848 г. до начала XX в.) попытками выстроить федерацию на основе областных привилегий и преобладающих этнических групп. Осознание невозможности и/или нежелательности выстраивания этнически однородного пространства, острое внимание к проблеме меньшинств и связь этнического с сословным¹⁸ приводили Драгоман-

18. Именно украинский материал давал многое для такого рода наблюдений, нашедших краткое выражение в программе «Правды»: «...несчастливые исторические обстоятельства, которые привели к разделу нашего края между разными государствами, а что еще хуже: так поделили классы населения, что эти классы стали особыми национальностями, причем исходная русско-украинская национальность осталась почти только в земледельческом-демосе, наименее просвещенном. Через это разделение население русско-украинское, то есть подавляющее большинство населения нашего края, оказалось лишено своих образованных классов, которые относят себя то к польской, то к московской, то к венгерской, румынской или немецкой национальности и живут собственно интересами этих на-

нова к логике территориального, областного автономизма/федерализма, который противопоставлялся «размену централизмов и национальных гегемоний на мелкую монету, как то видим в разных националистах, а больше всего в австрийских» (Драгоманов, 1913: 133). Здесь видно существенное изменение позиции Драгоманова по сравнению с 1870–1880 годами, когда его усилия были направлены на полемику с «велико-» или «общерусским» движением. Теперь он принципиально разделяет две группы вопросов: роста и укрепления национального сознания и изменения политическо-административной системы.

Что касается первого, то Драгоманов подчеркивает — здесь союзниками украинского движения способны выступить все «негосударственные народы, которые, исключая Поляков, Немцев и Румын, а отчасти Грузин и Армян, суть нации племейские. Реальные условия жизни этих народов таковы, что и им политика сепаратизма так же мало следует, как и нам, и далеко лучше политика федерализма» (Драгоманов, 1913: 130). Иными словами, здесь вновь расходятся задачи украинского и польского национальных движений — польское стремится к образованию (восстановлению) независимого государства, в рамках которого окажется способно проводить собственную национальную политику (и политику полонизации) на государственном уровне, а украинское стремится избавиться от политики германизации/русификации/полонизации. Подобная задача не имеет шансов стать политикой «обще-» или «великоруссов», она является собственно украинским делом, тогда как изменение политico-административной системы — задача, которая может стать общей целью для самых разных групп. Тогда украинское национальное движение получит возможность осуществлять свои задачи, и их реализация будет зависеть от его состоятельности.

Таким образом, поздние политические тексты М. П. Драгоманова демонстрируют последовательность и устойчивость его основных положений, выработанных в 1870-х годах (см., напр.: Тесля, 2014).

Динамика его политических взглядов определяется возрастающим реализмом и умеренностью. Как писал в 1906 г. Ив. Франко, характеризуя настроения конца 1870-х — начала 1880-х, «социалистические идеи распаляли людей до фанатизма, при том же те идеи далеки были от той критичности, которую приобрели позднее. Маркс (и то лишь первый том) был евангелием, а то, чего не было в нем, дополнялось фантазией, чутьем. Великий социальный переворот мерецился всем наяву...» (Франко, 1906: VI). То, что верно для Франко, еще в большей мере верно применительно к Драгоманову, даже в период наибольшего увлечения социалистическими идеями, реализацию которых он мыслил как плод достаточно отдаленного будущего и неизменно придавал автономное значение политическим свободам и борьбе за их достижение.

Расхождение Драгоманова с «народовцами» и другими деятелями украинского национального движения, ставшее очевидным во второй половине 1880-х, было

национальностей, а затем и их земель, и совсем отделяются от интересов населения русско-украинского происхождения и ее края» (Возняк, 1930: 243).

обусловлено принципиальными разногласиями — в первую очередь тем, что «национальное» в системе представлений Драгоманова не выступало высшей ценностью. Так, в заметке для польской газеты «Львовский Курьер», пересланной им через Ив. Франко (1.X.1894), Драгоманов писал: «...должен сказать, что я несколько раз заявлял, что я совсем не украинофил, а лишь украинец, который имеет претензию быть на украинской почве либералом и социалистом, вроде, например, радикалов и социалистов английских. Даже не выходя за [пределы] Галиции можно видеть, что против моих идей, как против «космополитичных», ведут горячую полемику народовцы-украинофилы» (Драгоманов, 1908: 285–286)¹⁹, а в «Письмах...» принимал эту аттестацию для «украинских радикалов», к которым причислял и себя: те, кто зовут себя «Европейцами украинской нации» (Драгоманов, 1894: 197).

Литература

- Азадовский М. К. (2013). История русской фольклористики. В 2-х тт. Т. 2. М.: РГГУ.
- Антонович В. Б. (1991). Про козацькі часи на Україні. Із переднім словом про життя та діяльність В. Антоновича, із портретом автора, образами гетьманів та увагами д-ра Мирона Кордуби. К.: Дніпро.
- Білодід В. Д. (2011). Історіографія української етноментальності: В. Б. Антонович: Історіософські нариси / За ред. Н. П. Поліщук. К.: Вища школа.
- Бутич І., Купчинський О., Сорока Г., Сохань П. (Ред.). (2001). Михайло Драгоманов: документи і матеріали. 1841–1994. Львів: Наукове товариство ім. Шевченка.
- Возняк М. (1930). Драгоманов у відновленій «Правді». З додатком його листів до Ол. Барвінського й Ол. Кониського та й останнього до нього // За сто літ. Кн. VI. С. 229–330.
- Горбач Н. (2008). Справжній Михайло Драгоманов. Львів: Каменяр.
- Драгоманов М. П. (1881). Историческая Польша и великорусская демократия. Женева: Типография «Работника» и «Громады».
- Драгоманов М. П. (1894). Листи на Наддніпрянську Україну. Коломия: Друкарня М. Білоуса.
- Драгоманов М. П. (1906). Листи до Ів. Франка і інших. 1881–1886 / Видав Іван Франко. Львів: Накладом Українсько-Руської видавничої спілки.
- Драгоманов М. П. (1908). Листи до Ів. Франка і інших. 1887–1895 / Видав Іван Франко. Львів: Накладом Українсько-руської видавничої спілки.
- Драгоманов М. П. (1913). Чудацькі думки по українську національну справу. К.: Криниця.

19. Примечательно, что в дальнейшем Ив. Франко эту характеристику косвенным образом распространил на В. Б. Антоновича, характеризуя его в «Очерке украинской литературы» как человека, который «сделал очень много для обоснования того интеллигентного движения, что из украинофильского сделалось на самом деле украинским» (Франко, 1910: 146).

- Драгоманов М. П. (1938). Архив Михайла Драгоманова. Т. 1: Листування Київської Старої Громади з М. Драгомановим (1870–1895 рр.). Варшава: Український науковий інститут.*
- Драгоманов М. П. (1970а). Літературно-публицистичні праці. У 2 тт. Т. 1. К.: Нauкова думка.*
- Драгоманов М. П. (1970б). Літературно-публицистичні праці. У 2 тт. Т. 2. К.: Нauкова думка.*
- Задесненський Р. (1980). Национально-політичні погляди М. Драгоманова, їх вплив та значіння. Торонто: The Basilian Press.*
- Заславский Д. (1924). М. П. Драгоманов. Критико-биографический очерк. Киев: Соработкоп.*
- Заславский Д. (1934). М. П. Драгоманов (К истории украинского национализма). М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев.*
- Іванова Р. П. (1971). Михайло Драгоманов у суспільно-політичному русі Росії та України (II половина XIX ст.). К.: Вид-во Київ. ун-ту.*
- Кістяківський О. Ф. (1995). Щоденник (1874–1885). У 2 тт. Т. 2: 1880–1885 / Упорд. В. С. Шандра, М. И. Бутич, И. И. Глизь, О. О. Франко. К.: Наукова думка.*
- Лозинський М. (1917). Михайло Павлик. Його житте I діяльність. Віден: Накладом Союза Визволення України.*
- Лукеренко В. Л. (1965). Світогляд М. П. Драгоманова. К.: Наукова думка.*
- Тесля А. А. (2014). Народнический национализм Михаила Драгоманова (1860-е — 1-я пол. 1880-х гг.) // Вопросы национализма. № 3 (19). С. 152–164.*
- Тесля А. А. (2015). Соперник «большой русской нации». Украинское национальное движение второй половины XIX — начала XX века // Вопросы национализма. № 1 (21). С. 91–103.*
- Франко І. (1910). Нарис історії українсько-руської літератури. До 1890 р. Львів: Накладом Українсько-руської видавничої спілки.*
- Франко І. (1906). Передне слово // Драгоманов М. П. Шевченко, українофіли й соціалізм. Львів: Накладом Українсько-руської видавничої спілки. С. III–XI.*

The National-Political Views of M. P. Dragomanov in 1888–1895

Andrey Teslya

Associate Professor, School of Social Studies and Humanities, Pacific National University
Address: Tihookeanskaya Str., 136, Khabarovsk, Russian Federation 680035
E-mail: mestr81@gmail.com

Mykhailo Drahomanov's political views are of considerable interest from the standpoint of the historical studies of Ukrainian national movement in the last quarter of the 19th century, relations of national movements with each other and with the imperial center. It may also be relevant for

the theoretical comprehension of «nationalism» with regards to the analysis of current events. Drahomanov was not merely an active politician but also an ideologist who aimed to elaborate the theoretical framework to justify and to describe objectively his own activities and the activity of his allies and antagonists. Being the ideologist of Ukrainian «radicalism» (i.e. socialism) from 1870s, by the fall of 1880s Drahomanov found himself in an ideological confrontation – this time not with the Great Russian/Pan-Russian nationalists, imperialists and Polish nationalists – with the Ukrainian national movement itself. In the end of the 1880s-beginning of the 1890s Drahomanov published a series of works which explained his understanding of the «national» and the prospects of the «Ukrainianism». Through the consideration of the separatist attitudes he insisted that there were no conditions of the emergence of the independent Ukrainian state without «the universal disaster». Hence, the aim of the Ukrainian movement is to change the political and administrative orders of the existing states. To do this they needed to propose attractive solutions for the majority of other participants of the political life. According to Drahomanov, for the Russian Empire it could be a federative reconstruction, which will give the opportunity to fulfill the national purposes on the local level regarding the power and maturity of national and/or local movements. These concerns, as he assumed, might be of interest not only to «plebeian nations», but also to the Great Russian population.

Keywords: Mykhailo Drahomanov; radicalism; nationalism; ukrainophilia; ukrainianism; federalism.

References

- Azadovsky M. (2013) *Istorija russkoj fol'kloristiki. T. 2* [The History of Russian Folkloristics, Volume 2], Moscow: RGGU.
- Antonovych V. (1991) *Pro kozac'ki chasy na Ukrayini* [On the Cossack Times in Ukraine], Kyiv: Dnipro.
- Bilodid V. (2011) *Istoriografija ukraїns'koї etnomenital'nosti: V. B. Antonovych: Istoriosofs'ki narysy* [The Historiography of Ukrainian Ethno-mentality: V. B. Antonovych: The Historiosophical Essays], Kyiv: Vyshha shkola.
- Butych I., Kupchyn'sk O., Soroka G., Sokhan P. (eds.) (2001) *Myhajlo Dragomanov: dokumenty i materialy. 1841–1994* [Mykhailo Dragomanov: Documents and Materials, 1841–1994], Lviv: Naukove tovarystvo im. Shevchenka.
- Dragomanov M. (1938) *Arhyv Myhajla Dragomanova. T. 1: Lystuvannja Kyїvskoi Starої Gromady z M. Dragomanovym (1870–1895 rr.)* [The Archive of Mykhailo Dragomanov, Volume 1: The Correspondence of the Stara Hromada with M. Dragomanov (1870–1895)], Warsaw: Institute of Unkrainian Studies.
- Dragomanov M. (1970) *Lyteraturno-publycystychni praci. T. 1* [The Literary and Publicist Works, Volume 1], Kyiv: Naukova dumka.
- Dragomanov M. (1970) *Lyteraturno-publycystychni praci. T. 2* [The Literary and Publicist Works, Volume 2], Kyiv: Naukova dumka.
- Dragomanov M. (1913) *Chudac'ki dumky po ukraїns'ku nacional'nu sprawu* [The Odd Thoughts on the Ukrainian National Work], Kyiv: Krynycja.
- Dragomanov M. (1908) *Lysty do Iv. Franka i inshyh. 1887–1895* [Letters to I. Franko and Others. 1887–1895], Lviv: Nakladom Ukraїns'ko-rus'koї vydavnychoї spilky.
- Dragomanov M. (1906) *Lysty do Iv. Franka i inshyh. 1881–1886* [Letters to I. Franko and Others. 1881–1886], Lviv: Nakladom Ukraїns'ko-Rus'koї vydavnychoї spilky.
- Dragomanov M. (1894) *Lysty na Naddniprjans'ku Ukraїnu* [Letters to the Middle-Dnieper Ukraine], Kolomyja: Drukarnja M. Bilousa.
- Dragomanov M. (1881) *Istoricheskaja Pol'sha i velikorusskaja demokratija* [The Historical Poland and the Great Russian Democracy], Geneve: Tipografija "Rabotnika" i "Gromady".
- Franko I. (1906) *Perekne slovo* [Preface]. Dragomanov M. P. Shevchenko, ukrai'nofilyj socijalizm [Shevchenko, Ukrainianophiles and Socialism], Lviv: Nakladom Ukraїns'ko-rus'koї vydavnychoї spilky, pp. III–XI.
- Franko I. (1910) *Narys istoriї ukraїns'ko-rus'koї literatury. Do 1890 r.* [The Sketch of the History of Ukrainian-Russian Literature. Up to 1890], Lviv: Nakladom Ukraїns'ko-rus'koї vydavnychoї spilky.

- Gorbach N. (2008) *Spravzhnij Myhajlo Dragomanov* [The Real Mykhailo Dragomanov], Lviv: Kamenjar.
- Ivanova R. (1971) *Myhajlo Dragomanov u suspil'no-politychnomu russi Rosii' ta Ukrayini (II polovyna XIX st.)* [Myhajlo Dragomanov in the Socio-Political Movement in Russia and Ukraine (Second Half of the 19th Century)], Kyiv: Kyiv University Press.
- Kistjakivsk'ky O. (1995) *Shchodennyk (1874–1885). T. 2: 1880–1885* [The Diary (1874–1885), Volume 2: 1880–1885], Kyiv: Naukova dumka.
- Lozyn's'ky M. (1917) *Myhajlo Pavlyk. Jogo zhytte i dijal'nist'* [Mykhailo Pavlyk: His Life and Work], Vienne: Nakladom Sojuza Vyzvolennja Ukraїny.
- Lukerenko V. (1965) *Svitogljad M. P. Dragomanova* [The Worldview of M. P. Dragomanov], Kyiv: Naukova dumka.
- Teslya A. (2014) Narodnicheskij nacionalizm Mihaila Dragomanova (1860-e — 1-ja pol. 1880-h gg.) [The Narodnik Nationalism of Mikhail Dragomanov (the 1860s — First Half of the 1880s)]. *Voprosy natsionalizma*, no 3, pp. 152–164.
- Teslya A. (2015) Sopernik "bol'shoj russkoj naci": ukraïnskoe nacional'noe dvizhenie vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka [The Rival of the "Big Russian Nation": The Ukrainian National Movement in the Second Half of 19th and Beginning of the 20th Centuries]. *Voprosy natsionalizma*, no 1, pp. 91–103.
- Voznjak M. (1930) Dragomanov u vidnovlenij "Pravdi" [Dragomanov in Renewed "Pravda"]. *Za sto lit.*, vol. 4, pp. 229–330.
- Zadesnians'ky R. (1980) *Nacyonal'no-politychni poglady M. Dragomanova, ih vplyv ta znachinnja* [The National-Political Views of M. Dragomanov: Their Influence and Legacy], Toronto: The Basiliian Press.
- Zaslavsky D. (1934) *M. P. Dragomanov (K istorii ukraïnskogo natsionalizma)* [M. P. Dragomanov (Towards the History of Ukrainian Nationalism)], Moscow: Izdatelstvo Vsesojuznogo obshhestva politkatorzhan i ssyl'no-poselecev.
- Zaslavsky D. (1924) *M. P. Dragomanov. Kritiko-biograficheskij ocherk* [M. P. Dragomanov: The Critico-Biographical Sketch], Kiev: Sorabkop.

Дискурс природы в молодых городах

Наталья Веселкова

Кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии
департамента политологии и социологии Уральского федерального университета
Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: vesselkova@yandex.ru

Михаил Вандышев

Кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной социологии
департамента политологии и социологии Уральского федерального университета
Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620002
E-mail: m.n.vandyshev@urfu.ru

Елена Прямикова

Доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической
и прикладной социологии Уральского государственного педагогического университета
Адрес: пр. Космонавтов, д. 26, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620017
E-mail: pryamikova@yandex.ru

В статье рассматриваются «чтение» и производство дискурса природы (в терминах Макнотена и Урри) в молодых индустриальных городах, возникших в нашей стране после 1917 года. Эмпирическое исследование сфокусировано на четырех уральских поселениях: Краснотурьинск, Лесной, Заречный, Качканар. Используются два хронологически различных корпуса источников: относящихся к советскому и постсоветскому времени, аккумулирующих официальный и неофициальный дискурс. Базовым полевым методом является go-along интервью. Для анализа собранных материалов была разработана схема, включающая: а) смыслообразующее утверждение, задающее общий вектор выражений и восприятия природы; б) статус природы в отношениях с человеком; в) предикативные элементы, раскрывающие понимание природы и её связь с не-природой. На основании разработанной схемы выделяются три фазы развития дискурса о природе. На первом этапе смыслообразующим элементом является покорение, которое затем на втором этапе сменяется риторикой партнерства, и наконец, на третьем этапе в нем фиксируется экологическая проблематика. На сегодняшний день дискурс природы в молодых городах отличается двойственностью. С одной стороны, в нём артикулируются экологические риски, восхищение лесами и горами, «естественной» и «облагороженной» средой, ценимой как источник позитивной локальной идентичности и комфорта, возможностей интересного досуга. С другой стороны, актуальный дискурс содержит признание необходимости дальнейшего промышленного использования природы для поддержания жизнеспособности города. Экологическая линия оказывается более слабой, поскольку сохраняется восприятие градообразующего предприятия как основы жизни города.

Ключевые слова: дискурс природы, молодой индустриальный город, градообразующее предприятие, риски, Урал

© Веселкова Н. В., 2016

© Вандышев М. Н., 2016

© Прямикова Е. В., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: [10.17323/1728-192X-2016-1-112-133](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-1-112-133)

Природа играет особую роль в молодых городах¹, выступая наряду с индустриальными элементами едва ли не самым мощным идентификатором. В ходе исследования мест памяти в молодых уральских городах мы нашли тому красноречивые свидетельства — в материалах фотомаппинга, сопровождающих интервью и местные медиа.

Цель исследовательского проекта «Места памяти в молодых уральских городах: особенности построения идентичности» заключалась в определении смысловой «привязки» жителей к пространству собственного города². Своеобразие городов с долгой историей в данном случае заменяется общей риторикой социалистических побед, в том числе над природой, что является некой «опорной» темой ускоренной индустриализации. Тем не менее тема природы в материалах, полученных в ходе исследования, оказалась одной из базовых, обосновывающих не просто «привязку» к месту жительства (здесь тихо, красиво, спокойно и т. д.), но и чувство гордости за свой город.

В статье предпринята попытка анализа «чтения и производства природы» с социологической, социально конструционистской точки зрения, по Ф. Макнотену и Дж. Урри (Макнотен, Урри, 1999: 275; ср.: Macnaghten, Urry, 1998)³ — через контекстуализацию современного восприятия природы в официальном дискурсе молодых городов с раннесоветских времен. Используются два хронологически различных корпуса источников, относящихся к советскому и постсоветскому времени. Основу первого составляют материалы печатных СМИ: центральные («Правда», «Известия», «Смена») и уральские (свердловские областные газеты «Уральский рабочий» и «На смену!», пресса отдельных городов), ряд других изданий. Второй, современный, набор источников наряду с локальными СМИ и другими официальными текстами представлен интервью жителей изучаемых уральских городов. Помимо времени создания, источники различаются по статусу: к официальным

1. Под молодыми городами понимаются поселения городского типа, возникшие в России после 1917 г.

2. Поддержано РГНФ и правительством Свердловской области (№ 13-13-66010, 2013–2014 гг.). Исследование проводилось в четырех «молодых» городах Свердловской области: Качканаре, Краснотурьинске, Лесном и Заречном. Качканар основан в 1957 г., статус города присвоен в 1968 г., численность населения на 2015 г. — 40 036 человек, расстояние до Екатеринбурга — около 260 км; Краснотурьинск основан и получил статус города в 1944 г., численность населения на 2015 г. — 58 581 человек, расстояние до Екатеринбурга — около 400 км; Лесной основан в 1947 г., статус города присвоен в 1954 г., численность населения на 2015 г. — 49 338 человек, расстояние до Екатеринбурга — около 230 км; Заречный основан в 1955 г., статус города присвоен в 1992 г., численность населения на 2015 г. — 27 619 человек, расстояние до Екатеринбурга — около 50 км.

3. Фронт актуальных методологических дискуссий сегодня проходит между конструкционизмом и реализмом и pragmatismом (см., напр.: Pretty, Ball et all, 2007), однако участие в этой полемике выходит за рамки настоящей статьи.

Выборка производилась по полнотекстовым базам газет «Правда», «Известия», «Смена» за весь период издания в советское время по ключевым словам: «новый город», «молодой город», «город юности», а также по названию изучаемых городов. Поиск по областным изданиям и газетам изучаемых городов осуществлялся с помощью каталога статей в Краеведческом отделе Свердловской областной научной библиотеки им. В. Г. Белинского. Кроме того, отдельные подшивки просматривались полностью — прежде всего за первые годы издания, а также юбилейные, значимые годы для каждого города.

мы относим газетные, журнальные и книжные публикации, в том числе в онлайн-формате. К неофициальным — высказывания наших информантов, а также материалы местных форумов, тематических групп в социальных сетях, обсуждение статей в интернет-версиях изучаемых газет⁴. Следует учитывать также различие данных, диктуемое спецификой письменной и устной речи.

Ретроспективная реконструкция дискурса природы в молодых городах осуществлена на основе следующих положений. Во-первых, содержание и структура дискурса релевантны историческим обстоятельствам — как стихийно складывающимся, так и целенаправленно формируемым (например, в виде идеологических матриц, запроса на отрицание прошлого и конструирования будущего с нуля). Дискурсы природы раскрываются через смысловые конструкции официальных текстов и повседневного языка. Во-вторых, в молодом городе в силу сравнительно небольшого исторического багажа, необходимого для самоидентификации, возникающие дискурсы (не только природы, но и, например, индустриальности) предстают в относительно «чистом» виде и этим удобны для исследования. Анклавный характер небольшого индустриального центра⁵ способствует консервации «советского» наследия в качестве единственного собственного достояния молодого города. Несмотря на то, что обитатели изучаемых поселений уже более 20 лет живут в условиях постсоветской реальности, в высказываниях наших информантов просматриваются как следы героического прошлого города, романтика первостроителей, так и более поздние, эстетизирующие и экологизирующие варианты прочтения природы. В-третьих, выстраивая различные типы дискурсов в линейную последовательность, можно видеть, как значение природы менялось от героики покорения к «оправе» для комфортного проживания, от последующего признания важности экологического равновесия к чему-то новому на текущем этапе.

Исторические метафоры конфронтации и мирного сосуществования позволяют зафиксировать ключевые мыслительные модели и основные представления о природе (см., например, Бедекер, 2010). Мы выделяем три фазы развития дискурса о природе в период с 1920-х годов по настоящее время⁶.

Идея предлагаемой периодизации состоит не в том, чтобы обосновать четко выраженные этапы, имеющие начало и конец, а в том, чтобы показать их как характерные драматические пики. Иными словами, речь не о революциях в дискурсе природы, а о том, что образующие его смысловые элементы, порождаемые разными акторами, в какой-то момент начинают продуцировать выражения того

4. Деление на официальные и неофициальные обнаруживает свою условность: газеты, как и форумы и топики социальных сетей, модерируют обсуждения согласно заданным правилам. Участники интервью, безусловно, также сознательно и бессознательно «редактируют» свою речь в соответствии со своими ожиданиями и меняющимися в ходе общения с интервьюером форматом взаимодействия (по степени формальности, доверительности и т. п.).

5. Мы писали об анклавности таких поселений на примере уральского города Асбеста (Веселкова, Пряников, Вандышев, 2011); все четыре города в настоящем исследовании обладают чертами монопоселения, поэтому к ним применимы выводы относительно анклавности.

6. Существуют и другие периодизации дискурса природы. См., например: Болотова, 2014.

или иного рода, образующие своеобразие каждого этапа. Это эффект эмерджентности — по слову, по легкой тональности копится критическая масса изменений, а потом меняются представления на официальном и неофициальном уровнях. Данный процесс растянут во времени и мозаичен: до сих пор есть люди, которые считают, что природу надо покорять, изымать из нее все, что можно, и одновременно бояться, например, как перевала Дятлова под Ивделем. Подобные истории и установки периодически оживают и тиражируются. Таким образом, вытягивание в хронологическую линию существующих сегодня выражений «с разных страниц текста» помогает понять, к каким смысловым матрицам они относятся и какой историко-социальный шлейф за собой несут. С учетом сделанных замечаний представляется продуктивной следующая периодизация:

1920–1950-е годы — радикализация дискурса природы, на фоне индустриализации доминирует идея переделки природы под собственные нужды;

1950–1980-е годы — общая тенденция к содружеству природы и человека с его по-прежнему активной преобразовательной деятельностью, поиск вариантов взаимовыгодного существования на уровне обустройства городского ландшафта, за счет сплетения природы и не-природы;

1980-е годы по настоящее время — экологизация дискурса, выделение рисков-аспектов с последующей дедраматизацией.

В своих рассуждениях о дискурсе природы мы отталкиваемся от взглядов М. Фуко (Фуко, 1996). Развиваемая нами концепция анализа близка идеям Н. Фэркло (Fairclough, 1995) и Р. Водак (Тичер и др., 2009) и содержит в себе три основных составляющих:

- смыслообразующее утверждение, задающее общий вектор выражений и восприятия природы;
- статус природы в отношениях с человеком;
- предикативные элементы, раскрывающие понимание природы и ее связь с не-природой.

Примененные к выделенным периодам, эти элементы дают следующую картину (Табл. 1).

Таблица 1
Схема анализа дискурса природы по трем периодам

Периоды	1920–1950-е годы <i>Заряд индустриальной модернности</i>	1950–1980-е годы <i>Мирное взаимодействие с природой: трансформация оптики</i>	1980-е годы — по настоящее время <i>Экология: конверсия рисков</i>
Составляющие			
Смыслообразующее утверждение	Покорение природы — «от вчерашней дикости к процветанию в будущем»	Преобразование природы как сотрудничество, а не борьба	Катастрофичность, экологические риски
Статус природы	Объект покорения, (иногда) противостоящий человеку субъект	Партнер и источник благоприятных условий проживания людей	Жертва, объект защиты
Предикативные элементы	Природа богата (кладовая, копилка жизненно важных ресурсов) Природа неуступчива, сурова и даже агрессивна	Природа нуждается в бережном освоении Природа красива	Природу нужно вернуть в города

Рассмотрим каждый период подробнее, внимательно присматриваясь к языку фраз, за шаблонностью которых содержится нормализующая и внушающая сила их установок⁷.

Молодые города и природа: заряд индустриальной модерности (1920–1950-е годы)

Молодые города выросли вокруг промышленных предприятий-новостроек, многие из них остались моногородами и поныне сохраняют ядро индустриальной модерности, а тем самым и встроенное в понимание таких обществ (Трубина, 2008: 106) противопоставление общества и природы. Идеи о возможности и необходимости полновластно управлять природными процессами уже в XIX в. будоражили умы и в России, и на Западе (Вайнер, 1991: 20–22; Макнотен, Урри, 1999: 264). Существовало и другое течение, провозглашавшее самоценность природы безотносительно ее полезности для человека, однако в эпоху индустриального роста эта «пасторальная», по Д. Вайнери, модель с ее (нео)романтическими, этико-религиозными обертонами и резким неприятием технократизма была обречена. Еще одна, «экологическая» модель природы (Вайнер, 1991), пережив взлет в 1920-е, была затем оттеснена на обочину. В итоге центральное место в советском официальном дискурсе (который, в свою очередь, существенно менялся) заняла фундаментальная для модерна в целом «прометеевская» установка господства человека над природой.

Смыслообразующим утверждением дискурса на этом этапе является *покорение природы*. Оно становится одним из важнейших элементов раннесоветской героики преобразований наряду с успехами индустриального строительства и воспитания новых людей. Более того, отсылки к природе в историях молодых городов, эффективно отмечающие исходное положение дел, символизируют фактически сакральное начало.

Там, где несколько лет назад на тысячи километров простирались бесплодные степи и глухая тайга, каменистые горы и бездлюдная тундра, где плотность населения измерялась единицами, — там теперь кипит стройка⁸.

«Выше темпы строительства социалистических городов» («Правда», 1932)

Подобные эпитеты следуют из понимания природы как отделенной и противоположной человеку сущности. Как показал в своем классическом эссе Раймонд Уильямс (Williams, 2005: 76–78), природой в этой логике стало считаться то, что не затронуто человеком — уединенные места, дикая местность. Природа предстает

7. Мы считаем принципиально важным использование словаря источников не только в виде примеров, но и в качестве элементов аналитики — в таких случаях повторяющиеся за рамками цитат слова, как правило, выделены курсивом или заключены в кавычки.

8. Подчеркивания здесь и далее — наши: одинарное подчеркивание акцентирует один тип выражений, двойное — противоположный ему.

глухой и бесплодной именно потому, внушиает нам текст, что она безлюдна. Неосвоенная человеком природа символизирует дикость и косность всего, что противостоит новому миру. В этой перспективе закономерно сливаются дремучие леса и такой же уклад жизни, оказываясь в негативной части «манихейского словаря» (Вахтин, 2011). Пространственные и временные характеристики такого (квази) природного состояния сказочно-утопические — без конкретных координат, а где-то далеко и испокон веков (варианты: *на тысячи километров и тысячелетиями* и т. п.); они присутствуют не только в раннесоветских формулировках, но и в более поздних описаниях.

«Ивдель долго был медвежьим углом, затерянным в дебрях Уральского Севера» селом.

Н. Чазов. «Поправка к мечте» («Северная звезда», 1941)

Лес, до этого молчаливый тысячелетиями, огласился штурмом труда.

В. Щелконогов, бригадир плотников участка № 1. «Начало штурма»
(*На стройке Качканара*, 1959)

В противоположность пейоративным, в терминах Вахтина, номинациям природы действия (советского) человека приобретают гонорифический, прославляющий статус. Из приведенных фраз каждому должно стать понятно, что *бесплодное, глухое, каменистое, затерянное в дебрях* — это плохо, и каждый должен возрадоваться *кипению стройки и штурму труда*.

Результаты преобразующей деятельности еще более впечатляющи, если поселение возникает в совершенно «необжитом месте», в «дикой глухомани» (Сальник, 1999: 37). На Урале такие места отличались особой *дремучестью, топью, морозами* и гнусом:

Здесь дремучий лес, топь, голое снежное поле. Первые строители расположились лагерем в палатках и, непривычные к трескучим уральским морозам, метелицам...

Мих. Полисюк. «Будущее северного города (о Краснотурьинске)»
(*Уральский рабочий*, 1946)

Дикое, глухое, древнее свидетельствовало о принадлежности к старому миру, который не сдавал своих позиций без борьбы. Пафос спасительности преобразования был в высшей степени характерен для риторики первых советских десятилетий:

Мы видим, что нет больше Урала — диких сосен. Нет глухого Урала, обреченного капитализмом на вечный застой. Могучая сила большевиков превратила этот край в сгусток социалистической индустрии. Мы видим, как бесследно гибнет то, что называлось глухой провинцией, вырастают новые социалистические культурные центры.

Н. Харитонов. «Учиться, бороться, расти. Выступление на 12-й уральской областной конференции [ВКП(б)]» (*Штурм*, 1934)

Важный элемент этой формулы — всеохватность изменений. Мир нуждался и подвергался *переделке*:

Мы построим канал и переделаем Уральский Север.

А. Маленький. «Дорога к океану. Переделка Севера» (Маленький, 1933)

История еще не знала такого гигантского размаха, таких поистине большевистских темпов переделки экономики, культуры необъятной страны, переделки природы и человека.

«Двадцать лет советской власти» («Социалистический город», 1937а)

Дикая природа в анализируемых текстах нередко выступает самостоятельным субъектом, причем до сих пор безраздельно господствовавшим. К человеку сей субъект расположен довольно неприветливо, чтобы не сказать враждебно.

А вокруг поселка стояла тайга — неприступная, молчаливая, словно охраняя от человека богатства, спрятанные природой в глубоких недрах.

Ю. Хазанович. «Город в тайге (о Краснотурьинске)» («Заря Урала», 1946)

Тайга встречала неприветливо.

В. Панкратов. «Молодые покорители тайги» («На смену!», 1967)

В отношениях бескомпромиссной борьбы мощь и неприступность природы делают ее достойным противником, сражаться с которым весьма почетно. С начала 30-х годов милитаристский окрас упоминаний природы в текстах о новых городах становится программным во многом благодаря призыву Горького «объявим природе бой!», обращенному к рабочим Магнитостроя, Уралмашинстроя и др. со страниц «Правды» и «Известий» в 1931–1932 гг. (Горький, 1931; см. также: Ушакин, 2005: 275–282; Добренко, 2007). У уральского писателя-фронтовика Ю.Я. Хазановича военные метафоры получаются особенно насыщенными:

Однажды утром они [первые строители] вышли в наступление на тайгу. Валились под топорами столетние сосны и ели. Дерево за деревом, ломая ветки, оглашая тайгу тяжелым тревожным стоном, падало на землю.

Потом вдруг раздались взрывы. Будто перекликаясь с далекими полями сражений загремели взрывы в тайге и высоко к небу поднялись черные густые клубы дыма. Но это были взрывы созидания.

Взлетали и падали вывороченные пни, сплошным черным дождем осыпалась земля, и тогда на голой поляне чудесно возникали столбики с дощечками, на которых были написаны названия цехов.

Ю. Хазанович. «Город в тайге (о Краснотурьинске)» («Заря Урала», 1946)

Военная лексика (*наступление, сражения, взрывы*) сопровождается картинами разрушения (*валились, ломая, падало, взлетали и падали, осыпалась*), здесь много страшного: «тяжелым тревожным стоном», «черные густые клубы дыма», «сплошным черным дождем». Позитивный импульс, по крайней мере, для сегодняшне-

го восприятия, менее убедителен — это данное через разделительный союз «но» утверждение, что взрывы созидаельны, после них чудесно возникают указатели будущих цехов.

В логике того же дискурса природу нужно активно (и беспощадно) преобразовывать именно потому, что она — суть проявление «вековой косности», против которой и был направлен раннесоветский и — шире — прогрессистский проект.

Венчает борьбу закономерная победа советских людей. Природа, будь то тайга или степь, в этой схватке неизбежно *покоряется и отступает*.

Обильные своими водами стремительные реки покоряются человеческому труду, они покорно меняют свои русла и соединяются каналами. Недоступные прежде районы ледяной Арктики и Заполярья ныне завоеваны большевиками.

«Двадцать лет советской власти» («Социалистический город», 1937б)

Все дальше и дальше под сильными ударами молодых патриотов, пришедших на строительство самого молодого уральского города, отступает вековая тайга, уступая место жилым и производственным объектам, растущим ввысь с каждым днем.

Я. Терешко. «В передовой бригаде» («На стройке Качканара», 1959)

Тексты строятся так, чтобы подчеркнуть: речь идет о скачке из одного качества в принципиально иное. В дальнейшем такой подход найдет воплощение в «великом плане преобразования природы» (согласно постановлению Совмина и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г., план был рассчитан на 1949–1965 гг.). В собранных вместе номинациях отношения к природе: покорение, переделка, преобразование и т. п. легко читается и другое означаемое — человек. Воспринимался человек как часть природы или нет, но на него, как известно, всерьез распространялось то же гиперактивистское стремление к перековке, но это уже выходит за пределы нашей темы.

В целом дискурсивный ход: *от вчераиней дикости к процветанию в будущем* — демонстрирует завидную живучесть, идет ли речь о первых социалистических городах или стройках 1950–1960-х, текстах того времени или созданных десятилетия спустя. Так, начатое в 1957 году строительство г. Качканара стабильно снабжается риторикой глухой *необжитый край vs красавец комбинат/город* (Анимица, 1975; Медведев, 1999: 3). Апелляции к развертыванию строительства *с нуля — на пустом, голом месте* присутствуют и в современных описаниях истории многих молодых городов, будь то интернет-сайт поселения или текст к какой-либо юбилейной дате. Этот «нулевой цикл» оказывается исключительно важным, вокруг него выстраиваются мифы о первостроителях, которые удивительно похожи в разных городах⁹.

9. Возможно, в сюжетах о начале строительства на «пустом месте» заключены библейские обертона («земля же была безвидна и пуста...»). (Благодарим за эту идею проф. Елену Трубину.)

Перейдем ко второму условно выделенному типу дискурсивного производства и чтения природы.

Мирное взаимодействие с природой: трансформация оптики (1950–1980-е)

Во второй половине XX в. сложившийся дискурс покорения постепенно наполняется риторикой сотрудничества и поиска компромисса — мы не просто покоряем природу, мы превращаем ее в партнера, способного помогать завоевывать новые вершины. Кроме того, важным маркером переходного состояния дискурса становится тенденция эстетизации природы и увязывание ее с вечной красотой.

В 1960-е, эпоху обновления, речь о жизни и смерти уже не шла, поэтому «бой с суровой природой» представлялся скорее «джентльменским поединком: на одной стороне могучая непокоренная стихия, на другой — молодость, задор, идеалы» (Вайль, Генис, 2013: 102). С новой силой звучит тема романтики, мобилизующей молодежь на свершения. Используемые приемы милитаристского дискурса: метафора строителей как армии бойцов, одушевление отступающей природы по-прежнему популярны, однако тексты этого периода уже не рисуют батальных сцен. Поскольку новый мир в целом уже победил, прежние установки в отношении природы исчерпали себя. Энергетика преобразования вместо суровой борьбы теперь (снова) требует лиризма, и описание природы блестяще выполняет эту задачу:

Шумят под ветром ветви белоствольные березы, одевшись в первые зеленые листья. Под напором дружной армии молодых бойцов отступает тайга, а на месте ее вырастают новые дома.

Н. Ямин. «Бригадой руководит Альбина Фролина» («На стройке Качканара», 1959)

В этом фрагменте идея победной борьбы (*напор — армии — бойцов → отступает*), пожалуй, сама уступает в выразительности приходящей ей на смену идее дружной молодости, романтики первенства, которая оформится в культурной памяти в виде гlorификации первостроителей («Слава первостроителям!» (Рис. 1). Природа уже не выступает враждебной силой, противостоящей человеку. В белом и зеленом, она скорее на стороне дружных молодых.

*Рис. 1. «Слава первостроителям Качканара!»
2013 г. — год 50-летия Качканарского комбината (фото авторов)*

Преобразование природы, однако, предстает не менее радикальным, чем в годы первых пятилеток, когда в Нижнем Тагиле «была гора Высокая, стала яма глубокая». В 1960-е такая же судьба предрекалась горе Качканар:

Почетно считаться вершиной. Но скоро горе Качканар придется расстаться с этим титулом. Гору сровняют с землей.

В. Сметанин. «Высота Качканара» («Смена», 1962)¹⁰

В итоге почет достается не горе, а ее покорителям: горы Качканар нет ни на одном из восьми снимков, сопровождающих данный фотоочерк в центральном иллюстрированном журнале.

Сегодня гора Качканар выступает главной достопримечательностью и в официальном дискурсе, и в предпочтениях информантов, которые признают ее любимым местом в городе (КЖ60), ценят за то, что «это одна из самых высоких гор на Среднем Урале» (КЖ28), и за то, что «там очень красивая природа, там есть такие

¹⁰. В начале 2016 г. нереализованная ранее идея разработки собственно Качканарского месторождения вновь перешла в активную фазу.

цветы, которые нигде в городе не увидишь» (КЖ29)¹¹. За счет горы и сам город приобретает особое качество: «*С некоторых улиц просто классный вид опять же на пруд, опять же на гору. Если ты был в Качканаре и не побывал на горе Качканар, то ты не был в Качканаре*» (КМ17). В фотоподборке, представленной информантом по нашей просьбе, одна из пяти фотографий — вид с горы Качканар (Рис. 2).

Рис. 2. На горе Качканар
(фото предоставлено информантом,
публикуется с его разрешения)

Индустриальная политика природы (Macnaghten, Urry, 1998) жестко отделяет нежеланную природу — пустыри, болота и сорные травы от желанной — садов, скверов, газонов и цветников. Негативно определяемая природа конструируется через автоматическое восприятие ее как проблемы, требующей разрешения (Thorsheim, 2006: 194). Достойной города может быть только та природа, которая прошла культивацию, — так, недавно ставший городом Дегтярск «показывал» не просто деревья и цветы, но организованные скверы¹² и цветники:

Где еще совсем недавно были пустыри, теперь выросли широкие улицы с красивыми многоэтажными домами, окруженными садами и скверами. <...> На месте недавнего болота поднялся Дворец культуры с газонами и цветниками. Нет теперь пустыря: там, где кустились сорные травы, выстроен большой корпус механического цеха и четырехэтажное здание рудоуправления. Недалеко от него раскинулся сад горняков с летним театром.

И. Захаров, председатель исполнкома Дегтярского городского Совета депутатов трудящихся. «Самый юный» («Уральский рабочий», 1955)

11. Цитаты из интервью снабжены шифром, в котором первая буква означает город (К — Качканар, Кр — Краснотурьинск, Л — Лесной, З — Заречный), вторая буква — пол информанта, цифры — возраст.

12. Обзор литературы о функциях и культурной семиотике парков и недавнее исследование см. Кухер, 2012; Самутина, Степанов, 2014.

Красота и цветение, как правило, служат парафразом процветания, как в статье к 10-летию Краснотурьинска:

Они [трудящиеся нашей страны] хотят украсить землю чудесными сооружениями и цветущими садами, и они делают ее такой.

Я. Волгин. «Новые горизонты» («Заря Урала», 1954)

Сегодня в Краснотурьинске знаковым местом выступает Водная станция на набережной. Ее вспоминают люди и старшего возраста, и совсем молодые: «У нас очень красивая набережная. У нас хороший городской пруд. Раньше, конечно, она была поинтереснее, но вот нынче уже тоже стали за ней ухаживать. <...> Сосны стоят, там такие скамеечки. Ну хорошее место, красивое» (КрЖ67). «Раньше были, получается, здесь фонтанчики, ограждения, кафешка была — мм!» — причмокивает молодой человек, тут же сокрушаясь по поводу нынешнего плачевного состояния Водной. Это место у него сопряжено и с личными воспоминаниями: «Вот здесь были самые... мои любимые качельки», и с семейными, из рассказов мамы: «Лет по 25, гуляли постоянно, собирались, постоянно приедут, там музыку кто-нибудь привезет. Ну красиво потому что» (КрМ20).

К 1960-м намерения беречь природу входят в систему. Специалисты констатируют неутешительный факт, что «при строительстве городов в лесных массивах в большинстве случаев лес или вырубается полностью, или сохраняется в количествах, не превышающих 10–12% от первоначального», и тот вскоре гибнет (Мирзоев, 1963: 74). Заречный — яркий пример нового подхода к строительству города в условиях отсутствия полномасштабной вырубки. Сегодня наши информанты с энтузиазмом рассказывают, что у приезжих складывается «ощущение, что мы действительно какие-то дикие лесные люди... впечатление того, что мы живем в лесу» (ЗЖ21), «дикость» здесь приобретает позитивный оттенок. Эта же информантка искренне восхищается деятельностью жильцов, создавших около своего дома экспозицию, которая подчеркивает лесной характер ландшафта города (Рис. 3).

Рис. 3. «Облагороженная» природа в городе
(фото сделано во время интервью ЗЖ21)

В 1970-е благодаря содружеству с природой облик города, красота ландшафта признаются актуальными ценностями. Архитекторы разрабатывают методы вписывания «новых промышленно-жилых районов в красивый, по разнообразию сложный ландшафт Северного Урала, Зауралья и Среднего Приобья» (Шауфлер, 1975: 50). Теперь важно, чтобы архитектурно-планировочная структура жилых районов следовала особенностям естественного уральского ландшафта: «Этим сохраниются более ценные лесные массивы, исключаются из жилой застройки заболоченно-заторфованные участки, городские центры раскрываются в сторону красивых видов ландшафтов и в конечном итоге создаются наиболее благоприятные, комфортные условия для проживания трудящихся» (Шауфлер, 1975: 50). Ландшафтное фокусирование, по мысли архитектора, предполагает размещение видовой площадки и ресторана на Лысой горе, вблизи карьера Качканарского ГОКа. Такая площадка до недавнего времени действительно существовала, открывая значимый для качканарцев вид: «Там все наши месторождения железной руды, там все наши карьеры. <...> Вид, конечно, захватывающий, смотришь на эти карьеры, там есть смотровая площадка» (КЖ28). Информанты из этого города весьма сожалеют о том, что компания-владелец ГОКа закрыла смотровую

площадку. Показательно, что для обзора предоставлялось, по умолчанию, самое замечательное — карьер как реально остающийся в городе результат деятельности комбината. Вполне закономерно также, что этот вид присвоен предприятием, которое и распоряжается им по своему усмотрению.

Жители гордятся обилием зелени, видя в этом позитивное отличие от более крупных городов: «У нас город очень зеленый, летом очень красиво, воздух чистейший, ну по сравнению с... Екатеринбургом чувствуется, особенно с Тагилом большая разница» (КЖ28). При этом важно, чтобы территория была «облагорожена». Центральная и, как шутят, единственная в Качканаре, улица обязана своей красотой статусу променада не меньше, чем зелени обрамляющих ее тополей: «Проехать по Свердлова вечером, у нас красиво так. <...> Когда наступает весна, можно здесь ездить и на девушек смотреть. Все они красивые такие выходят сюда на променад и туда-сюда ходят. <...> Здесь летом очень красиво. Зеленое все по бокам» (КЖ29).

Итак, актуальный на первом этапе акцент покорения сменился сотрудничеством и эстетизацией; в наступившей далее фазе на первый план выходит тематика катастрофичности и экологических рисков.

Экология: конверсия рисков (1980-е по настоящее время)

Столкновение с последствиями уже проведенных преобразований, появившееся в мире и Советском Союзе природоохранное законодательство сделали популярной тему вреда, наносимого природе человеком. В 1970-е стало возможным вслух говорить о катастрофе целины (что не мешало вынашивать планы поворота сибирских рек). Впереди — чернобыльская катастрофа, открытое обсуждение последствий аварии на челябинском «Маяке». Если в годы первых пятилеток воздействие на природу прославлялось как созидательное, то теперь артикулируется его разрушительность. Встает вопрос о том, как «привлечь в города изгнанную природу» Проханов А. Колыбель («Смена», 1973: 15¹³), и это еще одно принципиальное изменение «чтения и производства» природы. А именно теперь «дикая» природа выступает в качестве желанного элемента города, в отличие прежнего восприятия как чего-то внешнего — окружающей среды, нуждающейся в покорении и преобразовании.

В науке исследования катастроф помещаются в более широкий контекст — анализ и прогноз спектра последствий принимаемых решений (в узком, управляемом ракурсе) и любой деятельности (в широком ракурсе). Катастрофы становятся одним из вариантов развития событий. Таким образом, катастрофичность каталогизируется и превращается в радикальное негативное следствие взаимодействия природы и общества, но, что самое важное, это всего лишь одно из следствий. Спектр возможных отношений между природой и обществом становится

13. Весь ноябрьский выпуск «Смены» 1973 г. посвящен «проблеме века: гармонии цивилизации и природы».

предметом исследований экологии. В этом научнообразном виде они становятся доступными для тиражирования с помощью средств массовой информации. В результате катастрофичность как бы подменяется более респектабельными и предсказуемыми экологическими рисками.

В начале 2000-х годов в дискурсе природы появляется новый акцент. Бравурный оптимизм «неограниченных возможностей неисчислимых природных богатств» (Отчет о работе Уральского областного комитета ВКП(б). Доклад секретаря Уралобкома ВКП(б) тов. И. Д. Кабакова [«Уральский рабочий», 1929: 1]) оборачивается риторикой истощения:

Конечно, богатства природы и недр за 250 лет освоения его окрестностей затемно поубавились. На вырубленных в 1930–1960 годы огромных пространствах полноценный лес еще не вырос, но небольшие деревообрабатывающие производства в Волчанске еще существуют. Иссякли и месторождения россыпного золота.

Ю. Гунгер. «Новый маршрут Волчанска» (Гунгер, 2008: 212–213)

Смыслообразующим утверждением этого периода является обвинение индустриального производства, не контролирующего последствия своей деятельности. Природа рассматривается в качестве жертвы, которая может отомстить за причиненный ей ущерб. Официальный дискурс первого советского периода напрямую не проблематизировал вредное воздействие производства. Эта тема выходила на поверхность, во-первых, при обсуждении выбора места для строительства. Грамотный учет господствующих ветров, призванный обезопасить поселение от вредных выбросов, проходит красной нитью и в дискурсе экологической ситуации Качканара уже в позднесоветское время и сохраняется вплоть до сегодняшнего дня. Во-вторых, в 1930-е годы в узкоспециализированных статьях о выборе подходящих газо- и дымоустойчивых сортов деревьев в условиях, когда «ядовитые вещества в воздухе вредно влияют на зеленые насаждения» (см., напр.: Красинский, 1935, 1936; Каппер, 1936).

В наших качканарских интервью практически отсутствуют упоминания шламохранилища. Когда в ходе go-along интервью оно оказывалось вблизи или даже попадало в зону видимости, информанты не обращали на него никакого внимания. Одна из участниц исследования некоторое время спустя призналась, что только после наших вопросов обнаружила, что шламохранилище за последнее время сильно выросло.

Можно предположить зависимость такой невнимательности от относительно стабильной работы градообразующего производства. В монопоселениях, каковыми являются все четыре изучаемых молодых города, для жителей прежде всего важно именно экономическое положение завода. Остальные аспекты его деятельности уходят на второй план, поэтому предприятию нет нужды напрямую «оправдываться» по вопросам экологии. В то же время Белоярская атомная электростанция (БАЭС, г. Заречный) систематически производит нормализую-

щий информационный фон, регулярно сообщая о (низком) уровне радиации, обеспечивая таким образом эффект полного управления рисками. Когда в Заречном и Лесном с их объектами концерна «Росатом» нам указывали на грязный пруд, где плохо пахнет от водорослей и запрещено купаться, то говорили об этом без малейшего трагизма. Мусор возле «ключа» — сооружения на въезде в Качканар, вырубка зеленых зон под строительство и другие непроизводственные угрозы природе оказываются намного более востребованными темами в текущей повестке дня, нежели последствия деятельности предприятий. В Лесном некоторые информанты упоминали о радиации и, возможно, более высоком распространении онкологии, но говорили об этом между делом и как о чем-то вполне привычном. Жители Заречного буквально глумятся¹⁴ над страхами иногородних — нет у них никакой радиации. «Почему-то все иногородние про это спрашивают [смех]: „А вы случайно в ночи не светитесь?“» (ЗЖ36).

Исследователи тоже оказались в числе носителей неоправданных, по мнению жителей г. Заречного, страхов, что хорошо иллюстрирует интервью, где девушка рассказывает о БАЭС и как она ездит туда летом на велосипеде: «Там все купаются летом, там очень теплая всегда вода, но мне страшно. / Интервьюер: Думаете, облучать будет? / Нет, не облучать, а просто там коряги всякие, за коряги зацепиться боюсь. И там поток сильный» (ЗЖ18).

Иная ситуация в Краснотурьинске — на протяжении ряда лет хиреющий завод и, соответственно, «умирающий почти город» (КрМ45). Здесь участники исследования отмечали и ядовитое шламохранилище, и другие негативные последствия деятельности предприятия. «То, что у нас завод дымит, это, говорит, это однозначно в минус. Только заехали в город, он говорит, мы просто офигели, в че мы заехали? Там просто купол стоит этот, дыма — это все, полнейшее гз. Вода тоже такая же», — передает информант (КрМ20) впечатления своего знакомого. О реке этот молодой человек отзыается не менее сурово: «Один раз в детстве искупался, весь прыщами покрылся, я больше не буду никогда купаться». Другой краснотуринец также говорит о загрязнении реки, демонстрируя свой способ минимизации риска: «Турья река, она течет очень далеко с гор уральских, и несколько водохранилищ даже имеется на ней. А отправляет... ну там в какой-то мере завод, конечно, отправлял. А мы рыбачим все, то есть выше по течению рыбачим» (КрМ70).

Тот факт, что завод травит горожан, но не totally, приводит к определенной дедраматизации проблемы: «Потом завод, конечно, он больше нас травил фтором [посмеивается]. Электролизное производство, там обязательно фтор употребляется, а фтор — это очень ядовитое существо. В общем-то, у нас есть жители, которые по 100 лет прожили. То есть как-то тут не поймешь» (КрМ70).

В этом же интервью обнаружился дискурсивный ход, который мы назвали феноменом конверсии экологического риска: поскольку природа «портится» от деятельности завода, в его остановке есть хоть небольшой плюс: «Сейчас... электро-

¹⁴. Формулировка принадлежит Н. В. Ершовой.

лизное производство практически остановлено, завод очень мало дает выбросов. <...> Были выбросы такие, что вот белое, плохо видно и дышать нечем. А как люди там работали» (КрМ70).

Экологические элементы дискурса природы обладают известной долей противоречивости. С одной стороны, они указывают на необходимость снижения отходов производства, и даже самого производства, а с другой — предполагают разрастание природы. Содержание дискурса меняется. Параллельно с индустриальным ростом, а в Заречном на момент исследования вводился в строй новый энергоблок атомной электростанции, природа как бы восстанавливает равновесие: «*Грибы, ягоды, живность всякая разбегалась вон. Косули попадаться начали, тетерева появились, потихоньку развелись*» (ЗМ48). В то же время «наступление» природы в современном дискурсе может трактоваться как проявление заброшенности или неухоженности города — но опять-таки в модернистской рамке «город–природа»: «*Травы очень много. Вот сейчас она только поперла, а потом она такой будет сухостой стоять неубранный*» (ЛЖ27).

Заключение

В Краснотурьинске — пруд и набережная, в Качканаре — гора и пруд, в Заречном — зеленые «острова» по всему городу, в Лесном — пруд и окрестности: проведенное исследование показывает, что природа занимает существенное место в дискурсе молодых городов. Она является едва ли не самым мощным идентификатором, обеспечивающим стабильность и непрерывное существование города.

Дискурсивные конструкции весьма разнообразны. В раннесоветском дискурсе «дикость» противопоставляется прогрессу, культуре и цивилизации. Отношения с природой выступают прежде всего в модусе активного на нее воздействия, замены рукотворным ландшафтом. Враждебная природа вовлекается во взаимодействие под знаком общей установки на тотальное преобразование всего мира. Воинственная лексика выразительно структурирует советский дискурс, затухая лишь в последние десятилетия, по мере того как выдохлась мобилизационная модель в целом. Проблески бережного отношения в 1930-е годы выглядят исключением, только много позднее они станут появляться чаще, пока не закрепятся в повестке дня в 1970–1980-е. Таким образом, наибольшая трансформация изучаемого дискурса произошла по оси мирного взаимодействия с природой.

Апелляция к созданию предприятия и города с нуля в современных коммеморациях закрепляет статус прогрессистского противоборства с его индустриальной обреченностью. Рецидивы модернистского покорения природы совершенно закономерны для индустриального моногорода. В Качканаре перспектива когда-то радостно ожидаемого второго ГОКа сегодня сопровождается паникой, что «*сроют гору*» (КМ16). Такое будущее означает конец и промышленного развития, и природных достопримечательностей. В Краснотурьинске привычная эксплуатация природных ресурсов завела в тупик, «внезапно» оказавшись нерентабельной. Официально заявленные надежды таких моногородов, как Краснотурьинск и Ас-

бест, связаны с переработкой отходов прежнего основного производства, т. е. по-прежнему замкнуты на природные ресурсы.

Поскольку природа считается горожанами частью жизненной среды, постольку идентификация с городом неизбежно включает в себя природу. Колониальная позиция (осваивать, использовать на пользу дела) сегодня сочетается с постколониальным или неоромантическим любованием природой. Для жителей молодого — при этом, как правило, индустриального и монопрофильного — поселения здесь возникает серьезная проблема, порождающая двойственность дискурса. С одной стороны, артикуляция экологических рисков, восхищение лесами и горами, «естественной» и «благороденной» средой, ценимой как источник позитивной локальной идентичности и комфорта, возможностей интересного досуга (лыжные трассы, походы на гору, буддистский монастырь на горе Качканар, близкий выход в настоящий лес, туристические маршруты в Лесном и т. п.). С другой — признание необходимости дальнейшего промышленного использования природы для поддержания жизнеспособности города. Экологическая линия оказывается более слабой, поскольку людям трудно себе представить жизнь города без ведущего предприятия.

Ключевым парадоксом дискурса природы в молодых городах является то, что ни одна из его составляющих не исчезает, не вытесняется полностью, меняется лишь расстановка акцентов. Не является ли восхищение карьерами или плотиной приглаженным парафразом дискурса покорения? Когда мы дружим с природой, это больше напоминает «дружбу» дрессировщика с тигром, мы до сих пор втайне восхищаемся своими победами над ней, точнее, признаем свое априорное пре-восходство и право дрессировать и использовать.

Список сокращений

- БАЭС — Белоярская атомная электростанция, градообразующее предприятие г. Заречного
ГОК — Горно-обогатительный комбинат, градообразующее предприятие г. Качканара

Источники

- Анимица Е. Г. (1975). Качканар // Анимица Е. Г. Города среднего Урала. Свердловск: Средне-уральское книжное издательство. Режим доступа: http://urbibl.ru/Knigi/animica/goroda_sred_urala_22.htm (дата доступа: 24 января 2016 г.).
- Горький М. (1931). Рабочим Магнитостроя и другим // Правда, Известия. 23.08. № 232.
- Гунгер Ю. (2008). Новый маршрут Волчанска // Земля городов: культурно-исторические очерки / Под ред. В. Нестерова. Екатеринбург: Сократ. С. 212–213.
- Заря Урала (1954). 28.11. № 142. С. 3.

- Заря Урала. (1946). 24.08. № 74. С. 2.
- Красинский Н.* (1935). Озеленение промышленных площадок // Социалистический город. № 3. С. 12–18.
- Красинский Н.* (1936). Как и чем озеленять промплощадки // Социалистический город. № 9. С. 25–29.
- Каппер О. Г.* (1936). О выборе древесных пород для озеленения города // Социалистический город. № 9. С. 29–31.
- Медведев Ю.* (1999). Будь вечно юным, Качканар! // Качканар. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 3.
- Мирзоев Р. А.* (1963). Озеленение Ангарска. Опыт сохранения леса среди городской застройки // Проблемы советского градостроительства. № 14. С. 74–80.
- Маленький А.* (1933). Новый материк. Свердловск–Москва.
- На смену! (1967). 27.05. № 102. С. 1.
- На стройке Качканара (1959). 28.05. № 4. С. 1.
- На стройке Качканара. (1959). 21.05. № 3. С. 1.
- На стройке Качканара. (1959). 05.05. № 1. С. 2.
- Правда (1932). 11.06. № 160. С. 1.
- Сальник В.* (1999). Начало // Качканар / Под ред. В. С. Беляева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 37.
- Северная звезда (гор. Ивдель) (1941). 01.01. № 1. С. 2.
- Смена (1973). № 1116. С. 15.
- Смена. (1962). № 846. С. 10.
- Социалистический город (1937а). № 9–10. С. 5.
- Социалистический город. (1937б). № 9–10. С. 5–8.
- Уральский рабочий (1929). 12.04. № 84. С. 1.
- Уральский рабочий (1946). 31.03. № 77. С. 3.
- Уральский рабочий (1955). 27.02. № 49.
- Шауфлер Г.* (1975). Сохранение ландшафта в жилых районах нового промышленного освоения Урала и Зауралья // Архитектура СССР. № 9. С. 50–53.
- Штурм (1934). № 2. С. 117–120.

Литература

- Бёдекер Х. Э. (2010). Отражение исторической семантики в исторической культурологии / Пер. с нем. В. Дубиной // История понятий, история дискурса, история менталитета. М.: Новое литературное обозрение. С. 5–17.
- Болотова Ю. К. (2014). «Если ты полюбишь Север, не разлюбишь никогда»: взаимодействие с природой в северных промышленных городах // Неприкосновенный запас. № 5(97). С. 170–188.
- Вайль П., Генис А. (2013). 60-е. Мир советского человека. М.: АСТ, Corpus.

- Вайнер Д. (1991). Экология в Советской России: Архипелаг Свободы: заповедники и охрана природы / Пер. с англ. Д. Вайнера; послесл. и ред. Ф. Р. Штильмарка. М.: Прогресс.
- Вахтин Н. Б. (2011). Языковое манипулирование и воздействие на сознание на примере языка советской эпохи // Элитариум 2.0. Librarium. Режим доступа: http://www.elitarium.ru/jazykovoe_manipulirovanie_sovetskoye_jepokhi/ (дата доступа 24 января 2016 г.).
- Веселкова Н., Прямикова Е., Вандышев М. (2011). Моногород: дилеммы конструирования пространства // Топос. № 1. С. 208–224.
- Добренко Е. (2007). Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение.
- Кухер К. (2012). Парк Горького: культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941 / Пер. с нем. А. И. Симонова. М.: РОССПЭН.
- Макнотен Ф., Урри Дж. (1999). Социология природы / Пер. с англ. А. Д. Ковалева // Теория общества / Под ред. А. Ф. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. С. 261–291.
- Самутина Н. В., Степанов Б. Е. (Ред.). (2014). Царицыно: аттракцион с историей. М.: Новое литературное обозрение.
- Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. (2009). Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. и науч. ред. А. А. Киселевой. Харьков: Гуманитарный центр.
- Трубина Е. (2008). Урбанистическая теория. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.
- Ушакин С. (2005). Поле боя на лоне природы: от какого наследства мы отказались // Новое литературное обозрение. № 1 (71). С. 263–300.
- Фуко М. (1996). Археология знания / Пер. с франц. С. Митина и Д. Стасова. Киев: Ника-центр.
- Fairclough N. (1995). Critical Discourse Analysis. London: Longman.
- Macnaghten Ph., Urry J. (1998). Contested Natures. London: SAGE.
- Pretty J., Ball A.S., Benton T., Guivant J., Lee D. R., Orr D., Pfeffer M. J., Ward H. (2007). Introduction to Environment and Society // The SAGE Handbook of Environment and Society / Ed. by J. Pretty, A. S. Ball, T. Benton, J. Guivant, D. R. Lee, D. Orr, M. J. Pfeffer, H. Ward. London: SAGE. P. 1–32.
- Thorsheim P. (2006). Inventing Pollution: Coal, Smoke, and Culture in Britain Since 1800. Athens: Ohio University Press.
- Williams R. (2005). Ideas of Nature // Williams R. Culture and materialism: Selected Essays. London: Verso. P. 67–85.

The Discourse of Nature in Young Towns

Natalya Veselkova

Associate Professor, Department of Applied Social Studies, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University (Russia)
 Address: 19 Mira str., Ekaterinburg, Russian Federation 620002
 E-mail: vesselkova@yandex.ru

Mikhail Vandyshев

Associate Professor, Department of Theory and History of Social Studies, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University (Russia)
 Address: 19 Mira str., Ekaterinburg, Russian Federation 620002
 E-mail: m.n.vandyshев@urfu.ru

Elena Pryamikova

Associate Professor, Head of the Department of Social and Political Studies, Ural State Pedagogical University
 Address: 26 Kosmonavtov av., Ekaterinburg, Russian Federation 620017
 E-mail: pryamikova@yandex.ru

The article is devoted to the "reading" and production of nature (in the terms of Macnaghten and Urry) in the discourse of young industrial towns arising in Russia after 1917. The empirical research is focused on four Ural settlements of Krasnoturyinsk, Lesnoy, Zarechny, and Kachkanar. Two chronologically different types of sources are used, those related to the Soviet and post-Soviet periods, which accumulated official and unofficial discourses. The main field method is the go-along interview. The analytical scheme elaborated to deal with the collected materials includes: a) semantic statements specifying the general vector of expression and perception of nature; b) the status of nature in a relationship with man, and; c) the predicative elements which reveal the understanding of nature and its relationship with non-nature. Three phases of the discourse of nature are highlighted on the basis of the analytical scheme. 'Conquest' is a semantic statement at the first stage. In the second stage, it is changed by the rhetoric of partnership, while the third stage emphasizes environmental issues. The article concludes that a fundamental duality is characteristic for the discourse of nature in young towns. On the one hand, it articulates environmental risks, and an admiration of forests and mountains since "natural" and "refined" environment are valued as a source of positive local identity, comfort, and interesting leisure opportunities. On the other hand, there is a recognition of the need for the further industrial use of nature to maintain the vitality of the town. The ecological line (argument?) is weaker because the perception of enterprise as a backbone of the basis of life persists.

Keywords: discourse, nature, new industrial town, backbone enterprises, risks, go-along interview, Ural

References

- Boedeker H. E. (2010) Otrazhenie istoricheskoy semantiki v istoricheskoy kulturologii [Reflection of Historical Semantics in the Historical Cultural Studies]. *Istoriya ponjatiy, istorija diskursa, istorija metafor* [History of Concepts, History of Discourse, History of Metaphors], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 5–17.
- Bolotova J. (2014) "Esli ty poljubish Sever, ne razljubish nikogda": vzaimodejstvie s prirodoj v severnyh promyschlennyh gorodah ["If you love the North, do not stop love it ever": Interaction with Nature in the Northern Industrial Cities]. *Neprikosnovennyj zapas*, no 5, pp. 170–188.
- Dobrenko E. (2007) *Politjekonomija soorealizma* [Political Economy of Socialist Realism], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

- Fairclough N. (1995) *Critical Discourse Analysis*, London: Longman.
- Foucault M. (1969) *L'archéologie du savoir*, Paris: Gallimard.
- Kucher K. (2012) *Park Gorkogo: kultura dosuga v stalinskiju epohu. 1928–1941* [Gorky Park: Leisure Culture in the Stalin Era, 1928–1941], Moscow: ROSSPEN.
- MacNaughten Ph. M., Urry J. (1998) *Contested Natures*, London: SAGE.
- MacNaughten Ph. M., Urry J. (1999) Sociologija prirody [Sociology of Nature]. *Teorija obshhestva* [Theory of Society] (ed. A. F. Filippov), Moscow: KANON-Press-C, Kuchkovo pole, pp. 261–291.
- Pretty J., Ball A. S., Benton T., Guivant J., Lee D. R., Orr D., Pfeffer M. J., Ward H. (2007) Introduction to Environment and Society. *The SAGE Handbook of Environment and Society* (eds. J. Pretty, A. Ball, T. Benton, J. Guivant, D. R. Lee, D. Orr, M. J. Pfeffer, H. Ward), London: SAGE, pp. 1–32.
- Samutina N., Stepanov B. (eds.) (2014) *Tsaritsyno: attrakcion s istoriej* [Tsaritsyno: An Attraction with History], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Thorsheim P. (2006) *Inventing Pollution: Coal, Smoke, and Culture in Britain Since 1800*, Athens: Ohio University Press.
- Titscher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E. (2009) *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of Text and Discourse Analysis], Kharkov: Humanities Center.
- Trubina E. (2008) *Urbanisticheskaja teoriya* [Urban Theory]. Ekaterinburg: Ural University Press.
- Ushakin S. (2005) Pole boja na lone prirody: ot kakogo nasledstva my otkazalis [The Battlefield in the Midst of Nature: The Heritage We Refused]. Novoe literaturnoe obozrenie, no 1, pp. 263–300.
- Vail P., Genis A. (2013) *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [1960s: The World of Soviet People], Moscow: AST, Corpus.
- Vainer D. (1991) *Jekologija v Sovetskoy Rossii: Arhipelag Svobody: zapovedniki i ohrana prirody* [Ecology in Soviet Russia: Freedom Archipelago: Nature Reserves and Nature Protection], Moscow: Progress.
- Vakhtin N. (2011) Yazykovoe manipulirovaniie i vozdeistviie na soznanie na primere yazyka sovetskoy epokhi [Language Manipulation and Impact on the Consciousness: An Example of the Soviet-Era Language]. *Elitarium 2.0. Librarium*. Available at: http://www.elitarium.ru/jazykovoe_manipulirovanie_sovetskoy_jepokhi/ (accessed 24 January 2016).
- Veselkova N., Pryamikova E., Vandyshov M. (2011) Monogorod: dilemmy konstruirovaniya prostranstva [Monotown: Dilemmas of Space Construction]. *Topos*, no 1, pp. 208–224.
- Williams R. (2005) Ideas of Nature. *Culture and Materialism: Selected Essays*, London, New York: Verso, pp. 67–85.

Векторы социологии религии в Европейской социологической ассоциации

Ксения Медведева

Аспирант департамента социологии Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: ksenia-medvedeva@yandex.ru

Обзор посвящен международной конференции Европейской социологической ассоциации (ЕСА), прошедшей в августе 2015 года в Праге (Чехия). Акцентируется внимание на ключевых темах в современной европейской социологии религии, которые были представлены в ходе 15 секций, организованных исследовательской сетью социологов религии ЕСА. Выделены дискуссии по таким векторам, как конфликт, идентичность, религия и государство. Особое внимание уделено проблематике гендера, женского священства и нетрадиционной сексуальной ориентации. Представлено многообразие типов социального неравенства в контексте разных религий и регионов мира, в частности, в Европе и на Ближнем Востоке. Отмечены выступления российских социологов религии. Рассматриваются доклады, затрагивающие актуальную тему монашества как ролевой модели для религиозных акторов в буддизме и христианстве. Показано, что институциональные изменения монашества могут свидетельствовать об изменениях места и роли религии в обществе. Приведены исследования монашества как традиционного института в христианстве на примере Католической церкви в Швейцарии и как инновационного института в буддизме на примере буддийской общины в Испании. Проанализированы исследовательская сеть социологов религии ЕСА, ее история, состав и география участников, современное положение и планы на академическое будущее. Отмечены междисциплинарный потенциал социологии религии и тематические направления исследования религии, в частности, в сферах изучения культуры, гендера и миграции.

Ключевые слова: социальное неравенство, социология религии, монашество, гендерные исследования, религиозная идентичность, Католическая церковь, Европейская социологическая ассоциация

В августе 2015 года в Праге прошла XII конференция Европейской социологической ассоциации (ЕСА). Конференция собрала около трех тысяч участников. Прошлая встреча в 2013 году в Турине (Италия) была посвящена теме кризиса (подробнее см.: Кравченко, 2014). Темой этого года стали социологическое воображение, различия и неравенства во всех проявлениях: гендерные, возрастные, эт-

нические и т. д. О них говорили в своих пленарных выступлениях Арли Хохшильд и Зигмунд Бауман¹.

Автор концепции эмоционального труда и книги «Управляемое сердце: коммерциализация человеческих чувств» (Hochschild, 1983) Хохшильд рассказала об исследовании, которое она проводит среди участников политического «Движения чаепития» (Tea party movement). Она мысленно перенесла аудиторию в штат Луизиана — один из самых загрязненных регионов США, где расположены химические заводы. Вопрос, который поставила исследователь, состоит в том, чтобы понять, как эмоции связаны с политическими убеждениями. Впрочем, «убеждение» — это не единственно возможный вариант перевода слова «belief», которое употребила автор. Хохшильд в своем выступлении нередко прибегала к религиозным аллюзиям. Она сравнила с паломничеством свой метод «feel-as-if», метод «глубокой истории» в жизнь информанта. «Сейчас мы с вами возьмем интервью у одной женщины. Назовем ее Мэри Бет», — начала свое повествование Хохшильд. Мэри, «белая и христианка», не может поздравить своих соседей с Рождеством традиционным приветствием «Merry Christmas!», поскольку новая нарождающаяся культура позволяет ей сказать лишь «Счастливых праздников» или просто «С праздниками!». На этом примере Хохшильд показала, как чувствует себя человек, эмоционально колонизированный изменяющейся культурой. Подробнее с концепцией эмоционального труда можно познакомиться в работах О. А. Симоновой (Симонова, 2012, 2013а, 2013б) и М. Деевой (Деева, 2010).

Развивая тему различий и неравенства, необходимо отметить, что большую роль в современном обществе играют религиозные различия. На конференции им было посвящено 15 сессий, организованных исследовательской сетью социологов религии ЕСА. На примерах деятельности христианских, буддистских и мусульманских общин рассматривалась тема благотворительности. Злободневный вопрос религиозных конфликтов анализировался в докладах, посвященных дискурсии о религии в Нигерии, ситуации в ИГИЛе (Исламском государстве Ирак и Левант), Гватемале и Швеции. Взаимовлияние религии, государства и политики было представлено кейсами России, Грузии и Турции. На сессии о религии и идентичности обсуждалось положение мусульман в Германии, сирийцев в Иордании и христиан-бисексуалов в Польше. Также был затронут вопрос религиозной идентичности в виртуальном пространстве. Религия может в равной степени выступать источником инклюзии и эксклюзии, особенно если учесть гендерный фактор. На встречах, посвященных этим темам, были представлены доклады о мусульманах и мусульманках в странах, где вопросы гендера и религии особенно важны: США, Турции, Иране, Франции. В рамках этих сессий прошли презентации докладов о католиках в Хорватии, Словакии и Польше и о женщинах-священниках Римско-католической церкви. Кроме того, исследовательской сетью социологов религии ЕСА были организованы постерная сессия,

1. Видеозаписи доступны по адресу: <https://slideslive.com/esa/esa-2015-prague>

сессия для аспирантов и совместная сессия с исследователями гендера. Сессии социологов религии были немногочисленны: в среднем их посетили 15–25 человек.

Исследовательская сеть социологов религии RN34 — молодое объединение. Оно образовалось в 2011 году на конференции ECA в Женеве. Вероятно, этим отчасти объясняется то, что группа невелика: в официальных списках числится около 50 участников. Для сравнения: группа социологов религии Британской социологической ассоциации является одной из самых многочисленных, наряду с объединением социологов медицины (Медведева, 2015). Тем не менее группа социологов религии ECA набирает популярность. В ее рядах представлены Германия, Польша, Италия и Швейцария, из неевропейских стран — участники из США, Канады, Японии, Китая, Ирана и Пакистана. В 2015 году в рамках RN34 более 60 докладов прочли исследователи из 30 стран. Наибольшее количество участников было из Турции, Бельгии, Чехии, США, Швейцарии, а также Италии, Ирана и Польши.

На секции социологов религии от России было два участника. Доцент НИУ ВШЭ Лили ди Пуппо рассказала о понятии «традиционный ислам» в российском контексте. Выступление автора настоящего обзора было посвящено социальному образу православных монастырей в России. Монашество — это центральный феномен двух из трех мировых религий, буддизма и христианства. Трансформации, происходящие с этим институтом, могут свидетельствовать об изменениях места религии в обществе. О значимости данной темы и роли монастырей социологи начали говорить давно (Séguy, 1971), но она по-прежнему не теряет актуальности. Так, в 2014 году в издательстве «Brill» в рамках серии книг «Ежегодное обозрение по социологии религии» вышел сборник, посвященный социологии и монашеству (Jonveaux, Palmisano, Pace, 2014). В связи с этим из множества интересных докладов хотелось бы подробнее остановиться на выступлениях, которые так или иначе пересекаются с темой монашества.

Кристоф Моно (Monnot) из Университета Фрибура представил свое исследование, проведенное по просьбе Римско-католической церкви. Проблема была сформулирована заказчиком нетривиально: «В городе проводится слишком много месс». Разобраться в ситуации социологи решили с помощью анкетирования прихожан. Для небольшого городка, четверть которого составляют студенты, выборка впечатляет: опрошено 3400 человек. Результаты исследования показали готовность Католической церкви удовлетворить разнообразные религиозные вкусы касательно богослужения и продемонстрировали «конкурентные преимущества» католической мессы. Любимыми мессами прихожане называли мессы с хором, органом и на латинском языке. Этим объясняется популярность традиционных монастырских служб, которые в некотором роде составляют конкуренцию для приходских богослужений. Среди наиболее любимых были также названы молодежные мессы, например с гитарной музыкой. Напротив, мессы без священника и праздничные мессы оказались менее любимыми. Исследование уже опубликовано в журнале «Lumen Vitae» (Amherdt, Monnot, 2015).

Еще один интересный доклад был представлен на сессии о культуре Джоном Мором (Mohr) из Университета Калифорнии (США). Мор и его коллега проводили исследование в буддистском монастыре в Барселоне. Как привлекать людей к буддизму в католической стране? Для решения этого вопроса монастырь старается быть максимально открытым и организовывать различные мероприятия. В частности, община пригласила далай-ламу, чей приезд привлек к монастырю большое внимание. В зале для медитации установлена видеокамера: как оказалось, монастырь ведет трансляции через интернет-сайт YouTube по всему миру.

Безусловно, интерес к исследованию религии выходит далеко за рамки социологии религии. Во время конференции обсуждалась связь религии с культурой, церковными и государственными праздниками, миграцией и наукой. Прозвучали доклады о новых видах расизма и исламофобии, сессия об идеологии и медиа обсудила темы об исламских телесериалах и исламизации Европы в СМИ. На заседании, посвященном проблеме политического экстремизма, рассматривался вопрос пропаганды ИГИЛа среди европейской молодежи. Роль женских общественных движений была проанализирована через различные типы мусульманского феминизма. В рамках направления «Социология морали» на секции о взаимопомощи Полина Врублевская (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва) рассказала о благотворительности в приходах Русской православной церкви.

За время конференции были решены организационные вопросы исследовательской группы социологов религии. Новым председателем стала Глэдис Гэниэл (Университет Квинс, Белфаст), а ее заместителем — Роберта Рикуччи (Туринский университет). Г. Гэниэл является автором нескольких книг о религии в Северной Ирландии (Ganiel, 2008; Ganiel, Mitchell, 2011) и об эмергентной церкви (*emergent church*) как движении, которое стремится преодолеть институциональные границы в христианстве (Ganiel, Marti, 2014). Она ведет собственный сайт, открыто позиционирует свою религиозную принадлежность и рефлексирует над этим в своих научных работах (Ganiel, 2006). Конфликт профессиональной и религиозной идентичности на примере Гэниэл нашел отражение в диссертации А. Филькиной об этнографическом методе в исследованиях новых религиозных движений (Филькина, 2009: 16).

Следующая конференция ECA состоится в конце августа 2017 года в Афинах. Но социологи религии встречаются раньше, на промежуточной конференции RN34 в г. Задар (Хорватия). Она пройдет в апреле 2016 года совместно с Ассоциацией международных исследований религии в Восточной и Центральной Европе (ISORECEA) и Хорватской социологической ассоциацией.

Литература

- Деева М. (2010). От индивидуального к разделяемому аффекту: постдюкгеймианская традиция в социологии эмоций // Социологическое обозрение. Т. 9. № 2. С. 134–154.
- Кравченко С. А. (2014). Кризис: пересмотр инструментария для определения вектора изменения (к итогам 11-й конференции социологов Европы) // Социологические исследования. № 4(360). С. 148–151.
- Медведева К. С. (2015). О социологии религии в Великобритании // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. №5 (129). С. 178–183.
- Симонова О. А. (2012). Концепция эмоционального труда Арли Р. Хохшильд // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант. С. 75–96.
- Симонова О. А. (2013а). Хохшильд А. Р. Эмоциональная жизнь на рыночном рубеже // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. № 1. С. 100–109.
- Симонова О. А. (2013б). Эмоциональный труд в современном обществе: научные дискуссии и дальнейшая концептуализация идей А. Р. Хохшильд // Журнал исследований социальной политики. Т. 11. № 3. С. 339–354.
- Филькина А. В. (2009). Этнографический метод в исследованиях новых религиозных движений: проблема формирования исследовательской позиции. Автoref. дисс. к.соц.н. М.: ИС РАН.
- Amherdt F.-X., Monnot C. (2015). Horaires de messes et promesses pastorales. Une enquête sociologique sur la pratiquereligieuse dans le décanat de Fribourg (Suisse) // Lumen Vitae. Vol. 70. № 4. P. 445–466.
- Ganiel G. (2008). Evangelicalism and Conflict in Northern Ireland. London: Palgrave Macmillan.
- Ganiel G., Marti G. (2014). The Deconstructed Church: Understanding Emerging Christianity. New York: Oxford University Press.
- Ganiel G., Mitchell C. (2006). Turning the Categories Inside-Out: Complex Identifications and Multiple Interactions in Religious Ethnography // Sociology of Religion. Vol. 67. № 1. P. 3–21.
- Ganiel G., Mitchell C. (2011). Evangelical Journeys: Choice and Change in a Northern Ireland Religious Subculture. Dublin: University College Dublin Press.
- Hochschild A. (1983). The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley: University of California Press.
- Jonveaux I., Palmisano S., Pace E. (Eds.). (2014). Annual Review of the Sociology of Religion, Volume 5: Sociology and Monasticism, Between Innovation and Tradition. Leiden: Brill.
- Séguy J. (1971). Une sociologie des sociétés imaginées: monachisme et utopie // Annales. P. 328–354.

Vectors of the Sociology of Religion in the European Sociological Association

Ksenia Medvedeva

PhD Candidate, Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics

Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: ksenia-medvedeva@yandex.ru

This review examines the key issues of the international conference of the European Sociological Association (ESA) held in August 2015 in Prague (Czech Republic). It gives an outline of the plenary speech by A. Hochschild at the opening of the conference dedicated to the connection between emotions and political beliefs. The review focuses on the key debates in contemporary European sociology of religion that were held during the 15 sessions held by the research network of sociologists of religion of ESA. Such vectors as conflict, identity, religion and state are highlighted. Special attention is paid to gender issue, women priests and bisexual Christians. The diversity of types of social inequality in the context of various religions and regions of the world is discussed, in particular, in Europe and Near East. Reports by Russian sociologists of religion are indicated. Particular attention is given to the papers on monasticism as a role model for religious actors in Buddhism and Christianity. It is shown that institutional changes in monasticism may cause signal the changes in the role religion in society. The review examines a research on monasticism as a traditional institution in Christianity using the example of the Roman Catholic church in Switzerland and as an innovative institution in Buddhism using the case of a Buddhist community in Spain. The structure, history, current status and future academic plans of the ESA research network of the sociologists of religion are analyzed. The interdisciplinary potential of the sociology of religion and thematic areas connected with the study of religion by other research networks and are covered, including culture, migration and gender studies.

Keywords: social inequality, sociology of religion, monasticism, gender studies, religious identity, the Catholic Church, the European Sociological Association

References

- Amherdt F.-X., Monnot C. (2015) Horaires de messes et promesses pastorales. Une enquête sociologique sur la pratique religieuse dans le décanat de Fribourg (Suisse). *Lumen Vitae*, vol. 70, no 4, pp. 445–466.
- Deeva M. (2010) Ot individual'nogo k razdeljaemomu affektu: postdjurkgejmianskaja tradicija v sociologiji jemocij [From Individual to Shared Affect: Post-Durkheimian Tradition in the Sociology of Emotions]. *Russian Sociological Review*, vol. 9, no 2, pp. 134–154.
- Filkina A. (2009) Jetnograficheskij metod v issledovanijah novyh religioznyh dvizhenij: problema formirovaniya issledovatel'skoj pozicii [Ethnographic Method in the Study of New Religious Movements: A Problem of Formation of a Research Position]. Doctoral dissertation, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.
- Ganiel G. (2008) *Evangelicalism and Conflict in Northern Ireland*, London: Palgrave Macmillan.
- Ganiel G., Marti G. (2014) *The Deconstructed Church: Understanding Emerging Christianity*, New York: Oxford University Press.
- Ganiel G., Mitchell C. (2006) Turning the Categories Inside-Out: Complex Identifications and Multiple Interactions in Religious Ethnography. *Sociology of Religion*, vol. 67, no 1, pp. 3–21.
- Ganiel G., Mitchell C. (2011) *Evangelical Journeys: Choice and Change in a Northern Ireland Religious Subculture*, Dublin: University College Dublin Press.
- Hochschild A. (1983) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*, Berkeley: University of California Press.
- Jonveaux I., Palmisano S., Pace E. (eds.) (2014) *Annual Review of the Sociology of Religion*, Vol. 5: Sociology and Monasticism, Between Innovation and Tradition. Leiden: Brill.

- Kravchenko S. (2014) Krizis: peresmotr instrumentarija dlja opredelenija vektora izmenenija (k itogam 11-j konferencii sociologov Evropy) [Crisis: Revision of Tools for Determining the Vector of Changes (On the Results of the 11th Conference of European Sociologists)]. *Sociological Studies*, no 4, pp. 148–151.
- Medvedeva K. (2015) O sociologii religii v Velikobritanii [On Sociology of Religion in Great Britain: Conference Notes]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no 5, pp. 178–183.
- Séguy J. (1971) Une sociologie des sociétés imaginées: monachisme et utopie. *Annales*, pp. 328–354.
- Simonova O. (2012) Konceptcija jemocional'nogo truda Arli R. Hohshil'd [The Concept of Emotional Labor by Arlie Hochschild]. *Antropologija professij: granicy zanjatosti v jepohu nestabil'nosti* [Anthropology of Professions: The Limits of Employment in the Age of Unrest] (eds. P. Romanov, E. Yarskaya-Smirnova), Moscow: Variant, pp. 75–96.
- Simonova O. (2013) Hohshil'd A. R. Jemocional'naja zhizn' na rynochnom rubezhe [A. R. Hochschild. Emotional Life on the Market Frontier]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 11: Sociologija. Referativnyj zhurnal*, no 1, pp. 100–109.
- Simonova O. (2013) Jemocional'nyj trud v sovremenном obshhestve: nauchnye diskussii i dal'nejshaja konceptualizacija idej A. R. Hohshil'd [Emotional Labor in Modern Society: Rethinking and Conceptualizing Ideas of A. R. Hochschild]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 11, no 3, pp. 339–354.

«Целый край с людьми, природой и всеми богатствами...»

DUKES P. (2015). A HISTORY OF THE URALS: RUSSIA'S CRUCIBLE FROM EARLY EMPIRE TO THE POST-SOVIET ERA. LONDON: BLOOMSBURY. XIV, 229 P. ISBN 978-1-472-57378-0

Наталья Веселкова

Кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет

Адрес: ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Российская Федерация 620002

E-mail: vesselkova@yandex.ru

«История Урала» британского историка Пола Дюкса — первая книга, знакомящая англоязычного читателя с жизнью Урала за продолжительный период со времен Ивана Грозного до наших дней, так что героями повествования оказываются не только Ермак и Татищев, но и Троцкий, Ельцин и Ройзман. Известный своими трудами по истории екатерининской России, о сверхдержавах США и СССР и др., Дюкс заинтересовался Уралом благодаря общению с уральскими историками, обращение к публикациям которых позволяет оценить и произведенную в 1990–2000-е гг. работу по (пере)осмыслению истории края. Дюкс пытается разрушить привычный стереотип восприятия Урала в качестве всего лишь границы Европы и Азии, показывая как национальное, так и мировое значение края. Кроме того, вертикальная ось «север—юг» сегодня оказывается намного актуальнее горизонтали «Европа—Азия». Аналитическая история Урала раскрывается через три волны российских модернизаций, каждая из которых характеризуется через систему государственного контроля, использования ресурсов и развития культуры. Любопытна игра масштабов, прежде всего регионального и национального, к которым иногда добавляются сравнительные наблюдения о Российской и Британской империях, советской и американской индустриализации. Книга визуализирует Урал с помощью блестяще подобранных и выстроенных изобразительного материала — от Золотой бабы на древних картах до Хозяйки Медной горы, запечатленной Дюкxом во время экскурсии на границу Европы—Азии.

Ключевые слова: Пол Дюкс, история Урала, российские модернизации, масштаб региональный, масштаб национальный, Российская империя

Я подарил им целый край...

Д. Н. Мамин-Сибиряк

Летом 2015 года почетный профессор Абердинского университета Пол Дюкс представлял участникам конференции в Екатеринбурге¹ две свои последние работы. Это уже переведенная на русский книга «Минуты до полуночи» (Дюкс, 2015а

© Веселкова Н. В., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-1-141-155

1. Всероссийская научная конференция с международным участием «Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв.» 24–25 июня 2015 г., организованная Институтом истории и археологии УрО РАН.

[2011]), где ставший повсеместным антропоцен² предлагался российским коллегам в качестве, ни много ни мало, объединяющей платформы, которая способна, по мнению автора, занять когда-то принадлежавшее марксистской методологии место, и «История Урала: плавильный тигль России с истоков империи до постсоветской эры». Здесь ученый рисует свою роль гораздо скромнее, если скромным можно считать сравнение с Екатериной Великой. Профессор солидаризируется с ее выражением — как ворона в басне, ряжусь в павлиньи перья (р. xi). Так императрица писала Фридриху II о своем «Наказе Уложенной комиссии», имея в виду заимствования из Монтескье и других источников: «в этом сочинении мне принадлежит лишь расположение материала, да кое-где одна строчка, одно слово»³. Эта отсылка у британского историка имеет несколько смыслов. Эпоха Екатерины когда-то вдохновила Дюкса на диссертацию о российском дворянстве по материалам Уложенной комиссии 1767 года (Dukes, 1967), с которой начинается ряд его работ о России, включая двухтомник о правлении Екатерины Великой (Dukes, 1977–1978), книгу о российском абсолютизме (Dukes, 1982) и др.

От екатерининского «Наказа» отправлялись и рассуждения Дюкса в его первый приезд в Екатеринбург (Дюкс, 2007). Вообще, написанию «Истории Урала» предшествовали три визита британского ученого на конференции Института истории и археологии Уральского отделения РАН в 2007–2013 гг.⁴ Своими впечатлениями от этих поездок профессор делится в предисловии и послесловии «Истории Урала», обрамляя, таким образом, основной текст, жанр которого определяется как преимущественно аналитический нарратив (р. 4).

Обнаружив отсутствие современной истории Урала на английском, Дюкс решил создать такую книгу, первоначально — для студентов Абердинского университета (Уральский центр, 2007). Конечно, в распоряжении англоязычного читателя есть некоторые издания об Урале. «Гора Магнитная» Стивена Коткина (Kotkin, 1995) давно стала интеллектуальным бестселлером, вдохновляющим исследования советской субъективности. На волне российской «архивной революции» появились также публикация другого американского историка Дж. Харриса о Большом Урале (Harris, 1999) и недавнее исследование профессора Стокгольмского университета Л. Самуэльсона о танкограде Челябинске (Samuelson, 2011; Самуэльсон, 2010)⁵. Они охватывают, однако, более узкие, чем у Дюкса, период и тематику, при-

2. См., напр.: Moore, 2015. П. Дюкс (2015б: 171) поясняет, что термин «антропоцен», предложенный в 2000 году, означает определяющую роль человека в изменении окружающей среды.

3. Дюкс цитирует начало фразы, ее окончание дается здесь по: Ключевский, 1990: 70.

4. «Судьба России: вектор перемен» (Екатеринбург, 8–10 июня 2007 г.), организованная Уральским государственным университетом им. А. М. Горького, Уральским центром Б. Н. Ельцина (Екатеринбург) и Академией политической науки (Москва); Всероссийская научная конференция «Диффузия европейских инноваций в Российской империи» (10–11 ноября 2009 г.), Институт истории и археологии УрО РАН; Всероссийская научно-практическая конференция «Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв.» (5–16 мая 2013 г.).

5. Изданная в 1950 году на французском книга Роже Портала об Урале (Portal, 1950, рус. 2004) на английский не переводилась и посвящена только XVIII в., Дюкс ссылается на нее в 1-й и 2-й гл. На французское издание Портала мне указала Е. В. Алексеева; благодарю также за консультации и об-

мерно соответствующие пятой главе «Истории Урала», где автор на них и ссылается, рекомендуя в списке для дальнейшего изучения, особенно тем, кто, «к сожалению, не читает по-русски» (р. 221).

Сам Дюкс большей частью апеллирует к изданиям на русском; в том, что касается непосредственно Урала, — к трудам уральских историков. Среди них такие замечательные работы, как «Жизнь в катастрофе» И. Нарского (2001) и издания челябинского Центра культурно-исторических исследований (Слухи в России, 2011). Шесть книг выделены в отдельный пул (р. 221) (тщательно задокументированные, заимствования из них являются еще одной коннотацией фразы про ворону из басни).

Колоссальный труд автора по обобщению нового для него материала⁶ дает возможность оценить и грандиозную работу уральских ученых по (пере)осмыслинию истории края, произведенную в 1990–2000-е гг. Например, «Урал: век двадцатый» (Кириллов, Попов, 2000) аккумулировал достижения современной отечественной историографии, представляя как новые данные, так и глубокий критический анализ, развенчивающий мифологемы советского периода. Эта книга адресовалась широкому читателю и, видимо, поэтому была «облегчена» за счет удаления всех примечаний, что соответствует заявленному жанру «очерков истории», но выглядит по меньшей мере странно для научного издания, на статус которого тоже претендует. Вскоре на основе этой и других работ вышел замечательный школьный учебник по истории Урала (Огоновская, Попов, 2004), в котором и не должно быть указаний на архивные фонды. Именно эти две книги наиболее интенсивно использует Дюкс. Проходя по его ссылкам на данные издания, признаюсь, с досадой упиралась в невозможность добраться до первоисточников. Не будучи историком, но питая приязнь к архивам, я была удивлена отсутствием ссылок на архивные источники и у Дюкса. У него есть, правда, одна или две интересные выдержки из опубликованных документов — про усиление идеологического контроля над послевоенными ростками свободомыслия среди молодежи (р. 146–147), когда члены литературного студенческого общества «Снежное вино» в Челябинске получили от 3 до 10 лет лагерей (Лашин, Песляк, 2006 [1946]). С другой стороны, ожидание от работы историка непременных ссылок на архивы, может быть, столь же невинно, как и стереотипы не-социологов о том, что социология — это обязательно проценты опросов (а то и статистика вроде того, сколько людей живет за чертой бедности, и т. п.).

Так или иначе, имея под рукой используемые автором тексты, любопытно прослеживать, что ученый из них берет, как по-своему выстраивает и нюансирует материал. И бог, и дьявол кроются в деталях, что, как мне кажется, хорошо

мен мнениями по разным вопросам В. И. Байдина, С. И. Быкову, М. В. Ромашову, В. Сирутавичуса, Г. А. Янковскую.

6. «Металлургия Урала» (2008) — увесистый том в 886 с., «Уральская историческая энциклопедия» (Алексеев, 2000б) насчитывает 640 с., «Урал в панораме XX в.» (Алексеев, 2000а) — 495 с., столько же в учебнике «История Урала с древнейших времен до наших дней Урала» (Огоновская, Попов, 2004).

показывают следующие два примера применения кавычек в книге Пола Дюкса. В исходном фрагменте о специальном решении политбюро ЦК ВКП(б) и НКВД о массовых арестах, расстрелах и выселении в новые лагеря кавычки весьма многоизначительны: «На Урале чекистам „разрешалось“ расстрелять 7,7 тыс. человек, 15,5 тыс. — отправить в лагеря и тюрьмы» (Кириллов, Попов, 2000: 112; Огоновская, Попов, 2004: 355). У Дюкса кавычки с «разрешения» пропадают: «С августа 1937 по февраль 1938 проходили массовые аресты; Уральскому НКВД было дано разрешение расстрелять 7700 человек и отправить в лагеря и тюрьмы 15 500 человек» (р. 126). И, напротив, кавычки появляются в рассказе о боевом пути сформированной на Урале 22-й армии, которая во время Великой Отечественной, в частности, освобождала Латвию (Кириллов, Попов, 2000: 143–144; Огоновская, Попов, 2004: 387–388). У Дюкса говорится об «освобождении» в кавычках, и не конкретно Латвии, а Балтийских государств (р. 135–136), что подчеркивает суверенный статус этих территорий. Литовский историк, которого я недавно расспрашивала о такой трактовке, сказал, что сегодня у них для тех событий «освобождение», скорее всего, даже в кавычках невозможно. Избегая каких-либо оценок в этом конкретном эпизоде и будучи сдержаным в своем повествовании в целом, Дюкс тем не менее держится вполне в русле западного нарратива и, более того, подчас оказывается на той небезопасной линии, где историография смыкается со злободневной политической повесткой.

Такой выход на «линию фронта», стремление увязать тянувшиеся из древности нити с новейшими событиями соответствуют стилю Дюкса с ранних его работ и до сего дня. Впервые изданная в 1974 г. «История России» в 90-е была дополнена двумя новыми главами — о брежневской эпохе и событиях после 1985 г. и вплоть до 1996 г. (Dukes, 1998). Написанная в 1969 г. книга о появлении сверхдержав в сравнительной перспективе истории США и СССР заканчивала рассказ 1969 г. (Dukes, 1970). Снова обращаясь к этой теме в начале нулевых (Dukes, 2001), автор уже оставляет открытой границу периода, начатого 1991 г.; подобным образом заканчивается и периодизация в «Путях к новой Европе» (Dukes, 2004). На этом фоне становится более понятным — хотя от этого не менее поразительным, — что изданная в 2015 г. книга по истории (!) Урала доводит повествование до 2012 г.

Хронологическое деление на периоды и в рецензируемой работе представляет собой своеобразную инновацию. Границы периодов небанальны и не повторяют периодизацию в предыдущих работах Дюкса о России. Так, первая глава приглашает нас в 1552–1725 гг., под общим заглавием «Создание Российской империи» рассказывая о колонизации Урала; отсчет ведется с взятия Казани Иваном Грозным в 1552 г. Вторая глава «Царская модернизация, 1725–1825» связывает модернизацию, как следует уже из дат, не с петровским, а с послепетровским периодом. Ни начало Первой мировой войны, ни 1917 год не стали границами периода, эти даты вписаны в главу четвертую «От царской России к советской, 1894–1921». Подобным образом и 1939, и 1941 годы рассматриваются внутри главы пятой «Советская модернизация и Великая Отечественная война, 1921–1945».

Если периодизация может интриговать, то тональность заглавий вполне спокойная, что особенно чувствуется в сравнении с изданиями, состоящими с «Историей Урала» в отношениях тесной интертекстуальности. Так, название седьмой главы «Застой и коллапс, 1964–1991» выдержано хотя и в мрачных, но вполне устоявшихся, стандартных терминах, в отличие от исполненного драматизма «Угасающего величия», как именуются годы застоя в книге «Урал в панораме XX века» (Алексеев, 2000а: гл. 8)⁷.

Теоретико-методологической основой избрана эволюционная концепция модернизации⁸, которая включает в себя три пересекающихся процесса: государственный контроль, использование природных и человеческих ресурсов, развитие культуры (р. 3). Собственно, по этим трем аспектам — сильно напоминающим политическую, экономическую и культурную сферы из отечественных учебников — и организован материал каждой главы. Сегодня Россия переживает третий виток модернизации, после того как до 1991 г. осуществлялась советская, а до нее — царская, говорится во Введении.

Стадиальность российских модернизаций придают повествованию интригу и динамизм: если «царская и советская модернизация не удалось, какая судьба ждет следующую попытку, уже новой России?» (р. 181). В целом такой подход неплохо работает, обеспечивая трехчастную схему для сжатого изложения (200 страниц на восемь глав плюс еще три десятка страниц справочно-биографического аппарата) сфокусированной на Урале российской истории с 1552 по 2012 год. От критического разбора теории модернизации Пол Дюкс воздерживается, между тем эта оптика насколько распространена, настолько же и уязвима. Одно из главных сомнений в адекватности модернизационного подхода для анализа российских процессов обычно связывают с хронической склонностью гражданской сферы. Фиксируя в цифрах и фактах нехватку жилья, продуктов питания и предметов первой необходимости, про дефицит гражданских институтов напрямую Дюкс не пишет. Вместо этого он проводит мысль о традициях абсолютизма в политической сфере, противоречиях и попытках протеста, завершая пожеланием успеха в модернизации и развитии гражданского общества (р. 204).

Игра масштабов и перспектив

В книге об Урале автор выводит на первый план именно уральские реалии, показывая их в то же время как проявление общенациональных процессов. Сравни-

7. Затем это название будет воспроизведено как «СССР: хроника „угасающего величия“ (1970–1985)» в другой книге о новейшей истории Урала (Кириллов, 2008). Там же сложет с Уральской республикой не менее драматично озаглавлен «1991 год: „Время упущеных возможностей“» (ср. с названием гл. 12 в работе «Дни поражений и побед» Е. Гайдара [1996]); Дюкс использует другую монографию Гайдара — «Гибель империи» [Гайдар, 2006]).

8. Модернизационный подход в качестве методологии представлен в обстоятельном труде (Алексеев, Гаврилов, 2008), который входит в пул шести наиболее интенсивно используемых текстов и на который Дюкс ссылается начиная с первой главы своей книги (см., напр., ссылку 25 [р. 51]).

тельная перспектива в масштабах страны реализуется через диалектику общего и особенного: в чем уральцы были первыми, что здесь происходило быстрее, выражалось сильнее или слабее. «Корниловский мятеж и последующие события в Петрограде привели к дальнейшей политической поляризации повсюду. На Урале процесс радикализации шел быстрее, чем в других частях империи: в августе в Екатеринбурге местный съезд советов рабочих и солдатских депутатов первым в России принял большевистские решения» (р. 92, автор здесь вполне следует сравнительной логике исходных текстов: Кириллов, Попов, 2000: 41; Огоновская, Попов, 2004: 294).

Ловушкой такого подхода может стать блуждание фокуса между текстом и контекстом, рамой и предметом, когда не ясно, раскрывается ли национальная история через региональную или все-таки уральская — через общероссийскую. Закономерность подобного соскальзываия, а равно и достижения Дюкса в его преодолении помогает понять сопоставление с упоминавшейся работой Л. Самуэльсона о Челябинске. Потому ли, что книга Дюкса написана все же позднее, когда потрясение от вала новых сведений о советской истории углеглось и самые бурные дискуссии, во всяком случае на начальном витке, миновали, или потому, что горизонт британского историка шире — от начала империи и до наших дней, ему намного последовательнее удается держать фокус именно на Урале. Причем даже в тех случаях, когда речь идет о фигурах первого плана — от Ермака до Ельцина.

Так, Урал эпохи Ивана Грозного показан через Строгановых и поход Ермака, эпохи Петра I — через деятельность Демидовых, В. Н. Татищева и В. де Генина (гл. 1). Их усилиями тогда был заложен вектор индустриального развития региона, обусловившего определяющую роль Урала в судьбах отечества. Эта роль является краеугольной и для принципиального различия в моделях роста Российской и Британской империй. И та и другая переживали период роста, однако, в отличие от морской экспансии Британской короны, Россия расширялась и крепла континентально, в немалой степени за счет уральских недр и заводов (р. 27, 199). Татищев с его «Произвольным и согласным рассуждением и мнением собравшегося шляхетства русского о правлении государственном» фигурирует и в следующей главе, помогая Дюксу донести важную для него мысль о предпосылках абсолютизма в российской государственности (р. 29, см. также: Dukes, 1982). В рассказе о становлении советской власти персоной национального масштаба на Урале выступает Троцкий; Ленин, хотя и не бывал на Урале, неоднократно подчеркивал его экономическое и стратегическое значение (гл. 4, р. 97)⁹.

Подводя итоги периоду с 1945 по 1964 год, автор впервые вводит фигуру Б. Н. Ельцина. Происходя из семьи раскулаченных, будущий первый президент пережил много трудностей и лишений, прежде чем поступил в Уральский политех. Дюкс считает Ельцина прекрасным примером «послевоенного советского человека — высокомотивированного, напористого и амбициозного, безусловно

9. В подтверждение последнего утверждения автор отсылает читателя к 12 (!) высказываниям Ленина в 39 и 40 тт. ПСС.

лояльного» (гл. 6, п. 159). Карьера Ельцина иллюстрирует многие проблемы и достижения Уральского региона. Живость изложению придают замечания, подобные тому, что у Ельцина в его бытность первым секретарем Свердловского обкома были хорошие отношения с местными военными и КГБ. Утечка спор сибирской язвы с секретного производства и пожар на Белоярской атомной электростанции в конце 1978 г. при температуре -57°C ¹⁰ могли бы доставить много больше проблем, когда бы не эти связи (п. 171).

Послеельцинские времена сложнее поддаются региональной фокусировке. Дюкс подробно останавливается на президентском послании Д. А. Медведева Федеральному собранию 12 ноября 2009 года, подчеркивая его слова о модернизации, технологической и социальной. Уральская карта разыграна через инцидент с екатеринбургским студентом, обвиненным в организации несанкционированного протеста. Этот эпизод подается в контексте заявлений президента: на встрече с уральскими журналистами 28 ноября 2011 года Медведев напомнил, что в такой стране, как Россия, не может быть слабой государственной власти, в то же время в заключительном послании 22 декабря 2011 года отметил необходимость предоставить активным гражданам законную возможность участия в политической жизни (п. 193).

Итоги выборов в Государственную думу вызвали тогда много скепсиса и выражений протesta. Участником одного из митингов и стал юноша, «арестованный» и вскоре «освобожденный», объясняет Дюкс, при участии правозащитника В. Башкова и оппозиционного политика Е. Ройзмана, руководителя влиятельного Фонда «Город без наркотиков». Профессор цитирует статью Тома Балмфорта, где данный инцидент расценивается как свидетельство участия молодых образованных выходцев из среднего класса в растущем протестном движении по всей стране (Balmforth, 2012). Наверное, здорово, что этот забытый сегодня случай вошел в английскую книжку, стоит только быть внимательнее к нюансам. Изложение Дюкса создает впечатление, будто именно 20-летние студенты проснулись от политической апатии и при посредстве социальных медиа образовали ядро протестных движений (п. 194). Против такого смещения акцентов работает уже следующий абзац текста Балмфорта, где журналист приводит слова «независимого политолога» (доктора политических наук, добавим) К. Киселева о том, что социальной базой протesta стали представители молодого поколения 25–30–35, но также и более взрослые люди.

Ройzman еще раз упоминается на следующей странице в связи с его избранием на пост мэра Екатеринбурга, что противопоставляется назначению И. Холманских, выходца из «важного центра военной промышленности» Нижнего Тагила, «правителем Уральского региона» (п. 195) — требующее уточнений определение статуса полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе.

10. Так в тексте. Обычно пишут о $-47\text{--}50^{\circ}\text{C}$.

В целом же значимость Урала в начале третьего президентского срока В. В. Путина демонстрируют приоритеты государственной политики, воплощенные в трех городах региона. Растущие Ханты-Мансийск и Салехард (Обдорск) символизируют нацеленность на эксплуатацию природных ресурсов, а закрытый Ямантай/Межгорье (Белорецк 15 и 16) знаменует приоритет обороны (р. 195–196). В любом случае сегодня актуальна вертикальная ось — отношения между богатым нефтью и газом российским вообще и уральским в частности севером и югом, а не горизонтальная, между Европой и Азией, geopolитически заключает Дюкс.

Визуальный подарок и другие щедроты

Чтобы «подарить» Урал не знакомому с ним читателю, нужно сделать этот край представимым, в том числе и буквально зrimым и читаемым. Решению этой задачи способствует визуальное насыщение издания, благодаря которому Урал в прямом и переносном смысле наносится на карту. Сразу после короткого предисловия размещены три схематических изображения: царского, советского и постсоветского Урала, с указанием доступа в сети Интернет. (Стоит отметить, что карты сопровождают почти все книги П. Дюкса.) Примерно в середине тома еще 13 страниц отведены иллюстрациям (р. 102–114). Открывает эту подборку карта Московии XVI в. из «Записок» Сигизмунда фон Герберштейна, приведенная по лондонскому изданию 1851–1852 гг. из собрания библиотеки Абердинского университета¹¹: в ее описании профессор обращает внимание на «пояс земли», обозначающий уральские горы, и «Злату бабу» на берегу Оби (fig. 1, р. 102). Фигура Герберштейна символизирует открытие внутренней России иностранному взору, цитата из его произведения как бы благословляет читателя проследить, каким путем Урал осваивался самой Россией (р. 7). Прямая отсылка к иллюстрации в этом месте помогла бы соотнести отстоящие друг от друга на сотню страниц текст и картинку, но Дюкс избегает таких жестких связок.

Из «Исторического очерка британской торговли вокруг Каспийского моря» Джонаса Хенвея использована «Карта Оренбургской экспедиции» 1747 г. вместе с пояснением английского путешественника о том, что карты российских доминионов вручил ему генерал Татищев (р. 107). На следующей странице — карта Европейской и Азиатской территории России конца XVII в. из «Северной и Восточной Тартарии» Николааса Витсена (всего из этой книги взято четыре иллюстрации: р. 103–104). Семь изображений даются по книге «Металлургия Урала» (Алексеев, Гаврилов, 2008): благородные лики основателей Екатеринбурга В. Татищева и В. де Генина, рисунки металлургического производства из «Описания уральских и сибирских заводов» 1735 г. последнего (к сожалению, в подписях потерялось указание на то, что эта книга де Генина — рукописная) и т. д.

11. В первом русском издании Суворина 1908 г. эта же карта дана по базельскому изданию «Записок» 1556 г.

Визуальный ряд обладает глубоко продуманной стройной композицией, придающей ему не только целостность, но и относительную самостоятельность. Начатый при участии Золотой бабы образца XVI в., он завершается ее последней версией, каковой Дюкс считает радушную хозяйку медной горы в большом кокошнике, запечатленную им лично во время экскурсии на границу Европы–Азии в 2007 г. (Fig. 19, p. 114). Ученый упоминает этот эпизод во Введении (р. 1), разъясняя базовый посыл своей книги. Его не устраивает, что Урал привычно позиционируется и воспринимается всего лишь как внутриконтинентальная граница: «Конечно, Урал стал известен как пункт маршрута из Москвы в Сибирь. Вместе с тем распространение металлургической промышленности, происходящее с XVIII в. и до наших дней, придало региону своеобразие, его особую идентичность, обусловленную прежде всего мнением центрального правительства о значимости Урала для обороноспособности и мощи государства» (р. 3). Настала, однако, пора осмыслить этот край как «значимую часть всей планеты», ведь «на самом деле история Урала — это микрокосм современной мировой истории, движущейся от охоты, сельскохозяйственного и коммерческого этапов посредством индустриального» (р. 4).

На протяжении всей книги историк тщательно фиксирует меняющиеся административные контуры региона, пытаясь осмыслить закономерность этих трансформаций. Урал — в большей степени историческое, чем официальное образование, полагает ученый (р. 4). В то же время конфигурация фактически сложившегося на сегодняшний день Уральского экономического региона радикально отличается от установленных границ Уральского федерального округа¹², что побуждает автора задать риторический вопрос: не является ли сложившееся положение элементом политики «разделяй и властвуй» центральных властей (р. 190–191)?

К числу достоинств «Истории Урала» Дюкса следует отнести насыщенность живыми деталями и разнообразной статистикой, неотрывными от аналитических суждений. В шестой главе «Послевоенное восстановление и холодная война, 1945–1964» история атомных закрытых поселений на Урале выделена в отдельный, довольно объемный подраздел — «Сталин и Хрущев: закрытые города, 1945–1964» (р. 150–159). Автор подчеркивает, что в закрытых городах стала особенно сильной идея осажденной крепости, знакомая на Урале в XVII–XVIII вв. (р. 153). Богатая статистика в этой части книги перемежается с уникальными данными социологических исследований из публикации уральского историка Н.В. Мельниковой (2006), которую британский ученый очень высоко оценивает. К сожалению, в ссылках на ее работу профессор не уточняет, идет ли речь о данных из проведенного Мельниковой ретроспективного опроса жителей г. Лесного или же, например, об использованных ею цифрах из исследования 1968 г., сохранившихся в

12. ХМАО, ЯНАО и Тюменская область относятся к Уралу политически, тогда как экономически — к Западной Сибири; Оренбург, Пермь, Башкирия и Удмуртия экономически тяготеют к Уралу, однако входят в Волжский федеральный округ, — удивляется П. Дюкс (р. 190).

текущем архиве группы социологических исследований комбината «Электрохимприбор» этого города¹³.

Увлекательность и динамичный ритм изложению придают новые сюжеты, введенные в заключение каждой главы. В предисловии автор намекает на такое композиционное решение, но оно все равно оказывается неожиданным. Так, в конце последней главы, которая и сама по себе выполняет функцию заключения, Дюкс возвращается к истории царской семьи, точнее, ее убийства в Екатеринбурге в 1918 году и последующей меморизации — возведению Храма-на-Крови на месте Ипатьевского дома и монастыря с деревянными часовнями на месте захоронения останков. Этот сюжет не должен отвлечь внимание от важного заявления: «Как любая страна, Россия является продуктом своей истории. В отличие от многих других стран, однако, в России история стала предметом активного политического использования» (р. 196). К примеру, Джорджа Вашингтона как отца-основателя обсуждают много меньше, нежели Петра Великого в качестве фундаментального реформатора. Развивая тезис о всеохватной природе русского патриотизма, Дюкс утверждает преемственность триады «православие — самодержавие — народность», которая в советское время превратилась в «марксизм-ленинизм — компартия — Советский Союз», а сегодня выглядит как «православие — президентство — народность» (р. 196)¹⁴. И далее, через посмертную судьбу семьи Николая II, Дюкс переходит к рассуждениям о русском/российском национализме и, по Ключевскому, самоколонизации, более чем характерной для Урала. (Ссылка на внутреннюю колонизацию Эткинда будет парой страниц позднее.) Именно в ее продолжение мы наблюдаем сегодня подъем Северного Урала и упадок Среднего, считает Дюкс.

«Упадок», или «постиндустриальная деградация», не вызывает у автора сомнения. Магнитогорск, как и его американский прообраз Гэри, в свое время были не только впечатляющими стройками, но создали — солидаризируется Дюкс с Коткиным — новый прогрессивный тип цивилизации. Сегодня же оба индустриальных центра являются собой типичные образцы деградации: Гэри страдает от растущей безработицы, Магнитогорск — одно из самых загрязненных мест в мире; о прогрессе давно никто не вспоминает (р. 200). В терминах другого британского историка, Филиппа Лонгвортса (Longworth, 2006), который выделяет четыре российские империи (киевскую, московскую, романовскую и советскую, а Дюкс добавляет пятую — «новую российскую империю»), можно сказать, что в киевский и московский период Урал не играл заметной роли. Накануне XVIII в. его начинают связывать с границей между Европой и Азией, при Петре I регион ассоциируется с metallurgiей, приобретая жизненно важное значение в эпоху Романовых, пока

13. Справедливости ради следует отметить, что и в указанной книге Мельниковой (2006) далеко не всегда понятно, о каких данных идет речь в тех или иных случаях, опущены и процедурные характеристики социологических исследований.

14. Триады и дореволюционного, и современного периодов включают одно и то же слово «nationality» (переведено, соответственно, в обоих случаях как «народность»), что представляется не вполне корректным либо требующим пояснений.

не придет в упадок в XIX в. Пройдя фазы леса и угля, сегодня уральская экономика развернулась к нефти и газу (р. 197–198).

Автор не прибегает к аналитическим ресурсам таких востребованных сегодня направлений, как гуманитарная, культурная или психогеография, что, впрочем, не мешает читателю поразмышлять в подобных направлениях, вольно или невольно подсказанных книгой. Бажовские образы в романе «2017» Ольги Славниковой или множественные аспекты колонизации — только малая часть возможных дверей, ведущих в Нарнию таких размышлений, каким бы обычным на первый взгляд ни казался тот платяной шкаф.

Фраза Д. Н. Мамина-Сибиряка, вынесенная в заглавие и эпиграф, где писатель говорит про место Урала в своем творчестве, в его письме 1889 г. заканчивается безрадостно: «...а они даже не смотрят на мой подарок». Действительно, Урал — дар не самый простой для восприятия и осмыслиения и больше века спустя, как показывает и новейшая «История Урала» Пола Дюкса. Тексты — своенравные создания и, как известно, живут своей жизнью. Все вышесказанное, однако, позволяет обоснованно полагать, что творение Дюкса сулит публике впечатляющее и побуждающее к размышлениям знакомство с подарком, книге — долгую жизнь и заслуженное место в списках цитирования, а Уралу — более яркие краски в ментальных картах читателей.

Литература

- Алексеев В. В. (Ред.). (2000а). Урал в панораме XX века. Екатеринбург: СВ-96.
- Алексеев В. В. (Ред.). (2000б). Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: Академкнига.
- Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. (2008). Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука.
- Гайдар Е. Т. (1996). Дни поражений и побед. М.: Вагриус.
- Гайдар Е. Т. (2006). Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН.
- Дюкс П. (2007). Россия, Америка и Европа сегодня: некоторые взгляды восемнадцатого века на конституцию, свободный рынок и гражданское общество // Судьба России: вектор перемен: Материалы Международной научной конференции. Т. 1. Москва: Академический проект. С. 444–455.
- Дюкс П. (2015а). Минуты до полуночи: историческая наука и эра антропоцен с 1763 года / Пер. с англ. А. А. Алексеевой под ред. Е. В. Алексеева. Екатеринбург: УМЦ УПИ.
- Дюкс П. (2015б). Модернизация и антропоцен: ключевые даты // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. / Отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: УрО РАН. С. 170–175.
- Ключевский В. О. (1990). Курс русской истории. Часть V. Лекция LXVII // Ключевский В. О. Сочинения. В 9-ти т. Т. 5. М.: Мысль.

- Кириллов А. Д. (Сост.). (2008). Политическая история Урала и Уральского федерального округа, 1985–2007 гг. Екатеринбург: Уральский рабочий.
- Кириллов А. Д., Попов Н. Н. (Ред.). (2000). Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь: очерки истории. Екатеринбург: Уральский рабочий.
- Лашин А. Г., Песляк М. (2006). Из докладной записки заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации челябинского обкома ВКП(б) А. Г. Лашина, заведующего отделом студенческой молодежи ЦК ВЛКСМ Песляка о крупных недостатках в политико-воспитательной работе среди молодежи учебных заведений Челябинской области. 29 сентября 1946 г. // Общество и власть: российская провинция, 1917–1985. Т. 2: 1946–1985: Челябинская область: документы и материалы. Челябинск: Книга, С. 35–41.
- Мельникова Н. В. (2006). Феномен закрытого атомного города. Екатеринбург: Банк культурной информации.
- Нарский И. В. (2001). Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН.
- Нарский И. В. (Ред.). (2011). Слухи в России XIX–XX веков: неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск: Каменный пояс.
- Огоновская И. С., Попов Н. Н. (Ред.). (2004). История Урала с древнейших времен до наших дней: учебник для 10–11-х классов общеобразовательных учреждений. Екатеринбург: Сократ.
- Уральский центр первого президента России Б. Н. Ельцина. (2007). Отчет о работе 1-й международной конференции «Судьба России: вектор перемен» 8–10 июня 2007 г. Режим доступа: <http://ural-yeltsin.ru/events/konferencii/document174/> (дата доступа: 15.12.2015).
- Balmforth T. (2012). Fury and Activism in the Urals: Yekaterinburg's Protest Spirit // Radio Free Europe / Radio Liberty March 02, 2012. Available at: http://www.rferl.org/content/ekaterinburg_urals_activism_fury_election_protest_spirit/24502845.html (accessed 15.12.2015).
- Dukes P. (1967). Catherine the Great and the Russian Nobility: A Study Based on the Materials of the Legislative Commission of 1767. New York: Cambridge University Press.
- Dukes P. (1970). The Emergence of the Superpowers: A Short Comparative History of the USA and the USSR. London: Macmillan, Harper & Row.
- Dukes P. (Ed.). (1977–1978). Russia under Catherine the Great. Newtonville: Oriental Research Partners.
- Dukes P. (1982). The Making of Russian Absolutism, 1613–1801. London: Longman.
- Dukes P. (1998). A History of Russia: Medieval, Modern, Contemporary, c. 882–1996. Durham: Duke University Press.
- Dukes P. (2001). The Superpowers: A Short History. London: Routledge.
- Dukes P. (2004). Paths to a New Europe: From Pre-Modern to Post-Modern Times. Basingstoke: Palgrave.

- Harris J. R. (1999). The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System.* Ithaca: Cornell University Press.
- Kotkin S. (1995). Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization.* Berkeley: University of California Press.
- Longworth Ph. (2006). Russia: The Once and Future Empire from Pre-History to Putin.* London: John Murray.
- Moore A. (2015). The Anthropocene: A Critical Exploration // Environment and Society: Advances in Research. Vol. 6. № 1. P. 1–3.*
- Portal R. (1950). L'oural au XVIIIe siècle: étude d'histoire économique et sociale.* Paris: Institut d'Études slaves. (Рус. пер.: *Порталь Р.* [2004]. Урал в XVIII веке: очерки социально-экономической истории / Пер. с франц. и нем. Л. Ф. Сахибзареевой, С. А. Калугина, Н. Н. Ревцкой. Уфа: Гилем.)
- Samuelson L. (2011). Tankograd: The Formation of a Soviet Company Town: Cheliabinsk 1900–1950s.* Basingstoke: Palgrave Macmillan. (Рус. пер.: *Самуэльсон Л.* [2010]. Танкоград: секреты русского тыла, 1917–1953 / Пер. с швед. Н. В. Долговой. Москва: РОССПЭН.)

"The whole region with people, nature and all the riches..."
 (Review: Paul Dukes, *A History of the Urals: Russia's Crucible from Early Empire to the Post-Soviet Era* [London: Bloomsbury, 2015])

Natalya Veselkova

Associate Professor, Department of Applied Social Studies, Institute of Social and Political Sciences, Ural Federal University (Russia)
 Address: 19 Mira str., Ekaterinburg, Russian Federation 620002
 E-mail: vesselkova@yandex.ru

A History of the Urals by British historian Paul Dukes is the first book to introduce the English-speaking reader to the life of the Urals from Ivan the Terrible to the present day, the characters of the narrative thus being not only Yermak and Tatishchev, but also Trotsky, Yeltsin, and Roizman. Known from his publications of Catherine's Russia and of the USA and the USSR superpowers, among others, Dukes became interested in the Urals through communications with Ural historians. Duke's addressing of their works allows the reader to evaluate the advances in (re)understanding the 1990s—2000s history of the region. Dukes is trying to attack the stereotypical perception of the Urals as just the boundary between Europe and Asia in featuring both the national and global significance of the region. In addition, today, the vertical axis of the "north—south" is much more relevant than the "Europe—Asia" horizontal. Analytically, the history of the Urals is revealed through three waves of Russian modernization, and considering data on governmental control, the exploitation of resources, and the cultural adjustment for each period. There is a noteworthy interplay of regional and national scales in *A History of the Urals*, to which the comparative observations of the Russian and British empires, and the Soviet and American industrializations are sometimes added. The book envisages the Urals via a set of aligned and brilliantly matched images, from the "Slata baba" (Golden Woman) of ancient maps, to the Mistress of the Copper

Mountain, captured by Paul Dukes himself during his recent excursion to the Europe-Asia boundary.

Keywords: Paul Dukes, history of the Urals, Russian modernizations, national scale, local scale, Russian empire

References

- Alekseev V. et al. (eds.) (2000) *Ural v panorame XX veka* [Urals in the Panorama of the 20th Century], Ekaterinburg: SV-96.
- Alekseev V. et al. (eds.) (2000) *Ural'skaiia istoricheskaiia entsiklopedia* [Ural Historical Encyclopedia], Ekaterinburg: Akademkniga.
- Alekseev V., Gavrilov D. (2008) *Metallurgiia Urala s drevneishikh vremen do nashikh dney* [Urals Metallurgy from Ancient Times to the Present Day], Moscow: Nauka.
- Balmforth T. (2012) Fury and Activism in the Urals: Yekaterinburg's Protest Spirit. Radio Free Europe / Radio Liberty, March 2, 2012. Available at: http://www.rferl.org/content/ekaterinburg_urals_activism_fury_election_protest_spirit/24502845.html (accessed 15 December 2015).
- Boris Yeltsin Ural Presidential Center (2007) *Otchet o rabote 1-i mezhdunarodnoi konferentsii "Sud'ba Rossii: vector peremen"* (8–9 iiunya 2007 g.) [Report on the 1st International Conference "The Destiny of Russia: Vector of Changes"] (June 8–10, 2007). Available at: <http://ural-yeltsin.ru/events/konferencii/document174/> (accessed 15 December 2015).
- Gaidar E. (1996) *Dni porazhenii i pobed* [Days of Defeat and Victory], Moscow: Vagrius.
- Gaidar E. (1996) *Gibel' imperii: uroki dlja sovremennoi Rossii* [Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia], Moscow: ROSSPEN.
- Dukes P. (1967) *Catherine the Great and the Russian Nobility: A Study Based on the Materials of the Legislative Commission of 1767*, New York: Cambridge University Press.
- Dukes P. (1970) *The Emergence of the Superpowers: A Short Comparative History of the USA and the USSR*, London: Macmillan, Harper & Row.
- Dukes P. (ed.) (1977–1978) *Russia under Catherine the Great*, Newtonville: Oriental Research Partners.
- Dukes P. (1982) *The Making of Russian Absolutism, 1613–1801*, London: Longman.
- Dukes P. (1998) *A History of Russia: Medieval, Modern, Contemporary, c. 882–1996*, Durham: Duke University Press.
- Dukes P. (2001) *The Superpowers: A Short History*, London: Routledge.
- Dukes P. (2004) *Paths to a New Europe: From Pre-Modern to Post-Modern Times*, Basingstoke: Palgrave.
- Dukes P. (2007) *Rossiia, America i Evropa segodnia: nekotoriie vzgliadi vosemnadtsatogo veka na konstitutsiiu, svobodnii rynok i grazhdanskoie obshchestvo* [Russia, America and Europe Today: Some Views of the Eighteenth Century on the Constitution, Free Market, and Civil Society]. *Sud'ba Rossii: vector peremen: Materiali mezhdunarodnoi konferencii* [The Destiny of Russia: Vector of Changes: Proceedings of the International Scientific Conference], vol. 1, Moscow: Academicheskii project, pp. 444–455.
- Dukes P. (2015) *Minuti do polunochi: istoricheskaiia nauka i era antropocena c 1763 goda* [Minutes to Midnight: History and the Anthropocene Era from 1763], Ekaterinburg: UMC UP.
- Dukes P. (2015) *Modernizatsiia i antropocen: kliucheviie daty* [Modernization and the Anthropocene: Some Key Dates]. *Chelovek v usloviach modernizacii XVIII–XX vv.* [Man in the Conditions of Modernization of 18–19th Centuries], Ekaterinburg : UrO RAN, pp. 170–175.
- Harris J. R. (1999) *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*, Ithaca: Cornell University Press.
- Kirillov A. et al. (eds.) (2008) *Politicheskaiia istoria Urala i Ural'skogo federal'nogo okruga, 1985–2007 gg.* [Political History of the Urals and the Ural Federal District, 1985–2007], Ekaterinburg : Ural'skii rabochii.
- Kirillov A., Popov N. (eds.) (2000) *Ural: Vek dvadsaty. Liudi. Sobitiia. Zhizn: Ocherki istorii* [The Urals: 20th Century. People. Events. Life: Essays on the History], Ekaterinburg: Ural'skii rabochii.

- Klyuchevsky V. (1990) *Kurs resskoi istorii. Chast'V. Lekciia LXVII* [The Course of the Russian History, Part V, Lecture LXVII]. *Sochineniia. T. 5* [Works, Vol. 5], Moscow: Mysl.
- Kotkin S. (1995) *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*, Berkeley: University of California Press.
- Lachin A., Peslyak M. (2006) *Is dokladnoi zapiski zamestitelia zaveduiushchego otdelom propagandi i agitatsii cheliabinskogo obkoma VKP(b) A. G. Lashina, zaveduiushchego otdelom studencheskoi molodezhi CK VLKSM Pesliaka o krupnikh nedostatkakh v politiko-vospitatel'noi rabote sredi molodezhi uchebnikh zavedenii Cheliabinskoi oblasti. 29 sentiabria 1946 g.* [[From the Memorandum of A. G. Lashin, a Deputy Head of the Propaganda Department of the Chelyabinsk Regional Committee of the CPSU(b), and Peslyak, a Head of the Students Department of the Central Committee of Komsomol, about Major Shortcomings in the Political Education of Youth in the Educational Institutions of Chelyabinsk Region. September 29, 1946]. *Obshchestvo i vlast': rossiiskaia provintsia, 1917–1985. T. 2: 1946–1985: Cheliabinskaia oblast': dokumenti i materiali* [Society and Power: Russian Province, 1917–1985, Vol. 2: 1946–1985: Chelyabinsk Region: Documents and Materials], Chelyabinsk: Kniga, pp. 35–41.
- Longworth Ph. (2006) *Russia: The Once and Future Empire from Pre-History to Putin*, London: John Murray.
- Melnikova N. (2006) *Fenomen zakrytogo atomnogo goroda* [A Closed Nuclear City Phenomenon], Ekateriburg: Bank kulturnoi informatsii.
- Moore A. (2015) The Anthropocene: A Critical Exploration. *Environment and Society: Advances in Research*, vol. 6, no 1, pp. 1–3.
- Narsky I. (2001) *Zhizn' v katastrofe: budni naseleniia Urala v 1917–1922 gg.* [Living in a Crash: Weekdays of the Ural Population, 1917–1922], Moscow: ROSSPEN.
- Narsky I. et al. (eds.) (2011) *Slukhi v Rossii XIX–XX vekov: neofitsial'naia kommunikatsia i 'krytie povoroty' rossiiskoi istorii* [Rumors in Russia in 19-20th Centuries: Informal Communication and "Sharp Turns" of the Russian History], Cheliabinsk: Kamennyi poias.
- Ogonovskaya I., Popov N. (eds.) (2004) *Istoria Urala s drevneishikh vremen do nashikh dnei: Uchebnik dlja 10–11-h klassov obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij* [History of the Urals from Ancient Times to the Present Day: A Textbook for 10–11 Classes of Secondary Schools], Ekaterinburg: Socrat.
- Portal R. (1950) *L'oural au XVIIIe siècle: étude d'histoire économique et sociale*, Paris: Institut d'Études slaves.
- Samuelson L. (2011) *Tankograd: The Formation of a Soviet Company Town: Cheliabinsk 1900–1950s*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Исчезающее тело короля: происхождение тюрьмы, уголовного права и государства

FOUCAULT M. (2015). THÉORIES ET INSTITUTIONS PÉNALES: COURS AU COLLÈGE DE FRANCE, 1971–1972 / SOUS LA RED. B. E. HARCOURT. PARIS: EHESS, GALLIMARD, SEUIL. 340 P. ISBN 978-2-02-098569-7

Евгений Блинов

Ассоциированный сотрудник ERRAPHIS, Университет Тулузы 2
Адрес: Pavillon de la Recherche, Bureau RE 205, 5,
allées Antonio Machado F-31058, Toulouse cedex 9, France
E-mail: moderator1979@hotmail.com

Выход в 2015 году последнего, тринадцатого тома курсов лекций, прочитанных в Коллеж де Франс (далее — Курс) Мишеля Фуко, озаглавленного «Теории и институты уголовного права» (*Théories et institutions pénales: cours au Collège de France, 1971–1972*; далее — ТИР), завершает цикл публикаций, начатый в 1997 году, когда по инициативе и под редакцией Франсуа Эвальда и Алессандро Фонтаны была выпущена первая книга «Необходимо защищать общество» (*Il faut défendre la société*). Фуко занимал кафедру, получившую название «История систем мысли», с 1970 года вплоть до своей смерти в июне 1984 и читал свой курс каждый год, за исключением 1977, когда ему был предоставлен творческий отпуск. ТИР, прочитанный Фуко между 24 ноября 1971 года и 8 марта 1972, стал его вторым курсом в Коллеже после дебютного «Уроки о воли к власти» (*Leçons sur la volonté de savoir*), относящегося к 1970/71 учебному году.

Как отмечают издатели, Фуко всегда проводил свой Курс лекций в первую очередь как исследователь, поэтому, несмотря на их тематическую близость с опубликованными книгами, они не дублируют работы соответствующего периода (р. IX), т. е. «Надзирать и наказывать» (1975; далее — НН) и три тома «Истории сексуальности» (1976–1984; далее — ИС). Хотя публикация тринадцати томов Курса открыла принципиально новую перспективу в фуковедении и именно его исследованию сегодня посвящена основная масса публикаций, сама ее идея изначально выглядела спорной. Лекторы публикуют краткое содержание своих лекций в «Ежегоднике Коллеж де Франс» (перепечатаны в соответствующих томах *«Dits et écrits»*), а также по традиции — вступительную речь. В случае Фуко это «Порядок дискурса» (*L'ordre de discours*), прочитанный 2 декабря 1970 года и вышедший в 1971-м отдельной книгой. Публикации основного корпуса Курса долгое время

препятствовала юридическая проблема: незадолго до болезни известный своим перфекционизмом Фуко высказался против «посмертных публикаций»¹ и его наследники изначально рассматривали лекции в Коллеж де Франс именно в этом качестве. При этом, по свидетельству Поля Нора, сам Фуко колебался в отношении Курса, заметив, что «хотя в нем много мусора, но также много того, над чем можно поработать, и находок, которые могли бы пригодится молодежи»². Длительные переговоры издателей и исследователей творчества Фуко во главе с упоминавшимся Александро Фонтаной с наследниками в конце концов заставили их изменить свою позицию.

Публикация TIP может возобновить, казалось бы, давно угасшую полемику о целесообразности публикации Курса в настоящем виде, хотя вряд ли можно ставить под сомнение издательский успех проекта в целом. Редактором тома выступил американский исследователь Бернард Харкорт, также работавший над «Каратательным обществом» (*«Société Punitive»*; далее — SP), опубликованным в 2013 году³. Однако на этот раз редакторам не удалось обнаружить стенограммы TIP, поэтому публикация представляет собой сборник подробных конспектов, составленных Фуко к каждой лекции. Стоит отметить, что благодаря качественной редакторской работе логическая структура TIP от этого не страдает: короткие вводные фразы в сочетании с прозрачно сформулированными тезисами позволяют составить представление о ходе мысли Фуко. Более того, по иронии судьбы текст TIP в своей лаконичной выразительности в чем-то напоминает афористический стиль Ницше, влияние которого на Фуко, как принято считать, достигло максимума именно в «генеалогический» период 1970-х годов, когда главным объектом его исследований стало соотношение знания и власти. Именно в кратком изложении TIP он формулирует тезис, который можно было бы вынести в качестве эпиграфа ко всему Курсу: «...не существует общества, с одной стороны, и знания — с другой, или науки и Государства, а только базовые формы „власти-знания“ (*savoir-pouvoir*)» (р. 231).

Издатели TIP подготовили подробнейший критический аппарат и дополнили его тематическими статьями, посвященными различным аспектам затронутых в нем проблем (примечания составляют в общей сложности около трети объема текста). Завершающее каждый том «Положение Курса» (*«Situation du cours»*) в TIP, как и в SP, написано Харкортом и занимает 40 страниц. Кроме того, к изданию прилагается письмо Этьена Балибара, комментирующее отношение Фуко к развивающейся Альтюссером и его учениками теории государства, а также статья Клода-Оливье Дорона, проясняющая обстоятельства одной знаменитой в 1960-е

1. См.: *Eribon D. (1989). Michel Foucault. 1926–1984. Paris, Flammarion. P. 346.* Причем к последним он относил и четвертый том ИС — «Признания плоти» (*«Confessions de la chair»*), работу над редакцией которого он планировал завершить незадолго до смерти.

2. *Ibid. P. 347.*

3. *Foucault M. (2013). La société punitive: cours au Collège de France 1972–1973. Paris: EHESS, Gallimard, Seuil.* Он же выступил в качестве редактора курса, прочитанного в Университете Лувен-ля-Нёв и тематически перекликающегося с TIP и SP: *Foucault M. (1981). Mal faire, dire vrai: fonction de l'aveu en justice: cours de Louvain, 1981. Louvain-la-Neuve: Presses Universitaires de Louvain.*

годы исторической полемики о народных восстаниях во Франции XVII века. Последняя представляет особый интерес для отечественного читателя, так как позволяет говорить о внезапно обнаружившемся в творчестве Фуко «русском следе». Речь идет о нашумевшем споре советского историка Бориса Поршнева с одним из главных французских авторитетов в области изучения Старого режима Роланом Мунье и его учениками. Поршнев доказывал, что налоговые бунты, как, например, «восстание Босоногих» 1639 года, были важным эпизодом классовой борьбы, началом движения к Фронде, и далее — к Великой французской революции, тогда как Мунье отрицал глобальное значение народных восстаний, обвиняя Поршнева в марксистском догматизме и вдобавок упрекая в вольном обращении с источниками (частично находившемся в Ленинграде архивом канцлера Сегье, над которым оба работали)⁴.

Как свидетельствуют его конспекты, Фуко тщательно изучил ход полемики и пользовался как книгой Поршнева, опубликованной во французском переводе в 1964 году, так и работами Мунье и его учеников. Восемь из тринадцати занятий ТИР посвящены анализу «восстания Босоногих» и, самое главное, *репрессиям*, которые обрушились на его участников и предполагаемых симпатизантов. Он принимает всерьез тезис Поршнева об исключительной важности «восстания Босоногих» 1639 года, связанной с его попыткой сформировать «альтернативную форму власти» со своими ритуалами, предписаниями и формами мобилизации. Но Фуко вписывает ее в принципиально иной контекст, чем это предполагала марксистская телеология истории в изложении Поршнева: для Фуко значение «восстания Босоногих» состоит не в пробуждении «классового сознания» и не в появлении экономической основы для союза «народных масс» и буржуазии против Старого режима. С его точки зрения, смысл «великих репрессий семнадцатого века» заключался в том, что «государство впервые наложило руку на правосудие» (р. 7). «Уголовный ритуал», впервые осуществленный Сегье в ходе подавления восстания 1639 года, одновременно служил «политическому распределению репрессий» и «театральной презентации власти», которая становится независимой от личности короля (или, вспомним важную ссылку к Канторовичу, от «бессмертного тела короля»⁵). На протяжении нескольких лекций Фуко анализирует отличие принципов функционирования средневековых правовых институтов, а также форм их презентации от «вооруженного правосудия» (*justice armée*) нового типа. Это правосудие поначалу предстает не в качестве «института», а в виде «серии операций», которые в дальнейшем будут ритуализованы и составят суть «репрессивного аппарата государства». Оно применяется к восставшим не «обычай правосудия», а «обычай войны», а также ставит короля «выше законов королевства», отменяя

4. См. статью Клода-Оlivье Дорона, а также комментарии Балибара о поддержке, хотя и не вполне единодушной, Поршнева со стороны и французских марксистов, и Альтюссера, который ознакомился с его работой в немецком переводе еще в 1950-е годы. Р. 291–307; cf. 287–288.

5. Аллюзия на Канторовича присутствует в ТИР, но концепция общества «суверенитета» еще не сформулирована. Р. 26, 36, п. 27; 71, 80, п. 12.

традиционные ритуалы правосудия (наличие различных судей, письменный приговор, предоставление слова обвиняемому) и лишая полномочий агентов, традиционно рассматриваемых в качестве «противовесов» (*freins*) королевской власти: церковь, региональные парламенты и «полицию», состоящую из местной знати. Что особенно важно для Фуко, оператором этих изменений является не король, а канцлер Сегье, и именно в этот момент «вместо отсутствующего короля появляется видимое тело Государства» (р. 73).

В лекции 19 января 1972 года Фуко подводит итог этих изменений: правосудие нового типа требует создания «централизованной полиции» и «заключения» (*enfermement*) в качестве ее основного инструмента⁶. Помимо этого, будущее «рождение тюрьмы», до сих пор находившейся «на задворках правосудия», тесно связано с развитием новых «техник», которые теперь функционируют принципиально иным образом: если в Средние века оно понималось как процесс «обмена» (выкупов, компенсаций), то теперь в первую очередь направлено на «исключение» (*exclusion*), и, соответственно, преступление понимается уже не как «ущерб» (*dommage*), а как «правонарушение» (*infraction*). Оставшиеся пять лекций Фуко посвящает процессу перехода Франции от Германского к Римскому праву, которые он отождествляет с усилением королевской власти, а также с установлением четкой границы между уголовным и гражданским кодексом, которое завершает институциональные изменения.

Таким образом, именно в ТИР Фуко впервые формулирует «репрессивную гипотезу», хотя необходимый для создания концепции дисциплинарного общества анализ «тюрьмы», «экзамена» и «техник тела» будет проделан только в следующих частях Курса, главным образом в прочитанном в 1972–1973 гг. «Каратальном обществе». Как отмечает в своем комментарии Балибар, именно в этом заключается его принципиальное разногласие с Альтюссером и марксистской историографией в целом: тогда как последний считал, что «репрессивный аппарат» представляет собой хорошо изученный феномен и предлагал сосредоточиться на исследовании «идеологических аппаратов государства», Фуко призывал к изучению стратегий и «техник» власти (р. 287). Окончательный разрыв с марксизмом произойдет позднее, когда в НН, а затем — в предисловии к первому тому ИС Фуко откажется от «репрессивной гипотезы» и заявит о «продуктивном» характере власти⁷. Но этот вопрос заслуживает того, чтобы стать предметом отдельного исследования, и не входит в задачу настоящей рецензии.

6. Причем тюремное заключение является частью более общего механизма «исключения» (*élimination*), беднейшего и потенциально криминогенных групп населения, также включавшего в себя «призыв» (*enrôlement*) и привлечение к «великим стройкам» (*grands travaux*) (р. 93).

7. Foucault M. (1976). *Histoire de la sexualité*, Vol.1: *Volonté de savoir*. Paris: Gallimard. P. 18.

King's Vanishing Body: The Origins of Prison, Criminal Law and State (Review: Michel Foucault, *Théories et institutions pénales: cours au Collège de France, 1971–1972* [Paris: EHESS, Gallimard, Seuil, 2015])

Evgeny Blinov

Associated Member, ERRAPHIS, Université de Toulouse 2
Adress: 5 allées Antonio Machado, F-31058 Toulouse cedex 9, France
E-mail: moderator1979@hotmail.com

Демократия как ландшафтный дизайн: нефутурологическая книга о будущем

ХЁФФЕ О. (2015). ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ДЕМОКРАТИИ? О СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ / ПЕР. С НЕМ. ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. С. МАЛАХОВА. М.: ДЕЛО. 328 С. ISBN 978-5-7749-1080-9

Артур Вафин

Кандидат политических наук, доцент факультета политологии
Государственного академического университета гуманитарных наук
Адрес: Мароновский пер., д. 26, г. Москва, Российская Федерация 119049
E-mail: arthur.vafin@mail.ru

«Есть ли будущее у демократии? О современной политике» — не первая книга Отфрида Хёффе, изданная на русском языке¹. Российскому читателю Хёффе известен как теоретик, размышляющий о политике, праве, этике, справедливости и морали. В новой книге (в Германии издана в 2009 г.) немецкий философ обращается к проблеме демократии и ее будущего.

«Есть ли будущее у демократии?» — политico-философская книга. Если политическая теория позитивистской политологии элиминирует ценности, то политическая философия, наоборот, вбирает в себя вопрос о ценностях, занимается философским нормотворчеством. На обложке книги приводится цитата Вольфганга Керстинга, в которой сообщается: «В основе этого исследования лежит феноменологическое понимание демократии: демократия есть то, что мы видим вокруг себя в сегодняшних западных странах». Автор признается, что феноменологическое понимание крайне субъективно. «Настоящий опыт — это не эссе в классическом смысле, то есть не сочинение, в котором скрупулезно обсуждается некий предмет. Цель его — исследование, не стремящееся к полноте изложения, а стало быть, не чурающееся фрагментарности» (с. 12). Хёффе подчеркивает, что «морализм и жалобы на плохие времена в репертуар философии не входят». Действительно, жалобы заменены скепсисом автора по отношению к демократии, который органично сочетается с ее позитивным принятием. И здесь имплицитно присутствует морализм, от которого Хёффе пытается отреститься. Исходный пункт его рассуждений заключается в том, что демократия — это достижение и благо современных западных обществ. Благо со всеми его изъянами, которые Хёффе пытается показать. В этом плане он стоит в одном ряду с британским со-

© Вафин А. М., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-1-161-163

1. Хёффе О. (1994). Политика, право, справедливость: основоположения критической философии права и государства / Пер. с нем. В. С. Малахова и Е. В. Малаховой. М.: Гнозис; Хёффе О. (2007). Справедливость: философское введение / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова под ред. Т. А. Дмитриева. М.: Практис.

циологом Колином Краучем², автором книги «Постдемократия», симпатизантом социал-демократического порядка, и Иваном Бло³ (Бло, 2015), сторонником репрезентативной демократии.

Ключевая категория книги — «будущее». Правда, из-за упомянутой фрагментарности «будущее» в ходе изложения периодически пропадает. Другая немаловажная категория, соответственно, «демократия». Стоит подчеркнуть, что в книге границы между понятиями «демократия» и «политика» настолько тонки, что если бы она называлась «Есть ли будущее у политики? О современной демократии», в сущности, ничего бы не изменилось.

Политика, согласно Хёффе, это то, что «вовремя приступает к осуществлению назревших реформ»; ее задача «состоит в том, чтобы не только отсрочивать угасание сил и следующее за этим умирание общества, но и избегать их» (с. 13–14). Характерно, что глава о современной демократии начинается с классического разделения «тела политики» на polity, policy, politics (с. 72–73). Автор предлагает обогатить категориальный ряд феноменами личности, действия, сотрудничества и конфликта, что в принципе и так уже сокрыто в упомянутой троице. Так или иначе, Хёффе постулирует различные формы политики, при этом сам интерпретирует политику как policy, воплощенную в демократической polity. О такой интерпретации говорит симптоматика самой «конфликтной» главы о конфликте, в которой конфликта как такового нет (с. 212–229). Политический конфликт, вернее, конфликт, исходящий из политического, заменяется исключительно конфликтом экономическим. При этом для себя вопрос об экономизации политики Хёффе оставляет открытым (с. 86–94).

Что касается будущего демократии, то автор, исходя из актуального настоящего, интерпретирует демократию неожиданно: «Демократия в силу своих предпочтений здесь, в настоящем — в строительстве зданий, градостроительстве, ландшафтном дизайне — кажется ограниченной. Ведь и вправду, многим демократическим сооружениям — футбольным аренам и спортивным стадионам, например, не хватает архитектурного изящества». И далее: «Однако в недемократиях дело обстоит едва ли лучше» (с. 308). Бюрократическое понимание демократии как policy очевидно: демократия и политика — это строительство домов, пусть и неказистых. Строительство домов не отвергает социальное противоречие. Однако противоречие должно слаживаться через процедуру обсуждения, СМИ и компетентных экспертов, которые работают не на себя, а на благо каждой личности, проживающей в либерально-демократическом полисе. Ко всему перечисленному добавляются блага европейских демократий: «приличный финансовый доход (1); многообразные образовательные возможности (2); надежная материальная

2. Несмотря на то, что «Постдемократия» Крауча — политико-социологическая работа, элемент нормативности в ней существуетен. Например, см. его рассуждение об идеальном типе демократии: Krauch K. (2010). Постдемократия / Пер. с англ. Н. В. Эдельмана. М.: Высшая школа экономики.

3. Бло И. (2015). Прямая демократия: единственный шанс для человечества / Пер. с франц. Н. А. Ивановой. М.: Книжный мир.

инфраструктура... (3); и сравнительно эффективная система здравоохранения» (с. 309–310).

Каково же будущее демократии, или — шире — либерально-демократического управления? Будущее, по Хёффе, можно предвидеть, предсказывать и прогнозировать, но самое главное — осознать, как демократия способна решать насущные проблемы, учитывая, что «политика никогда не будет контролировать будущее» (с. 11). На вопросы, поставленные в начале исследования (с. 13), Хёффе отвечает «осторожным позитивным итогом». Так, он утверждает: «Демократия как таковая не несет в себе какой-то особой перспективности» (с. 311). Тем не менее у демократии есть ресурсы, которых нет у недемократии. Поэтому интересы власти совпадают с интересами народа, из-за чего оба макросубъекта политики становятся взаимоответственными. Ресурсность заключается не только в перечисленных благах и монументах ландшафтного дизайна демократии, но и в обюдной ответственности государства перед народом (и личностью).

Было бы крайне несправедливо записывать Хёффе в либеральные философы. Если ранее упомянутые Крауч и Бло находятся на шкале «политическая философия: предмет размышлений — демократия» слева (Крауч) и справа (Бло), то Хёффе должен находиться по центру с легким смещением влево. Такой вывод можно сделать исходя из допущения о необходимости социального государства. В остальном — скептический взгляд немецкого философа исходит из центра. Возможно, по этой причине книга о будущем получилась нефутурологичная: автор чрезмерно озабочен описанием прошлого и настоящего; контуры будущего демократии неясны.

Democracy as Landscape Design: Non-Futurologic Book about Future

Artur Vafin

Associate Professor, Faculty of Political Sciences, State Academic University for the Humanities

Address: 26 Maronovskiy pereulok, Moscow, Russian Federation 119049

E-mail: arthur.vafin@mail.ru

Review: Otfried Höffe, *Est' li budushhee u demokratii? O sovremennoj politike* [Is There a Future for Democracy? On Contemporary Politics] (Moscow: Delo, 2015).

Классика социальной теории спорта по-русски

ГУТТМАН А. (2016). ОТ РИТУАЛА К РЕКОРДУ: ПРИРОДА СОВРЕМЕННОГО СПОРТА / ПЕР. С АНГЛ. ПОД РЕД. В. НИШУКОВА. М.: ИЗД-ВО ИН-ТА ГАЙДАРА. 304 С. ISBN 978-5-9325-5434-0

Олег Кильдюшов

Научный сотрудник Центра фундаментальной социологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

Выход на русском языке книги Аллена Гуттмана «От ритуала к рекорду», давно ставшей классической для социальной теории спорта, видимо, должен вызывать смешанные чувства у заинтересованного отечественного читателя. После первого спонтанного чувства радости от обретения русским культурным пространством полного доступа к одному из важнейших текстов западной теоретической спортологии, вызвавшему в свое время серьезную дискуссию по ключевым проблемам онтологии спорта, следующей в палитре эмоций наверняка будет досада — из-за того что этого пришлось так долго ждать. Ведь в оригинале книга впервые вышла почти 40 лет назад, аж в 1978 году¹. Стоит ли говорить, что это по определению делает ее сегодня скорее памятником спортивно-теоретической мысли, нежели актуальным исследованием природы спорта на современном уровне изученности проблемы. С этим же связана еще одна реакция, которая почти неизбежно может возникнуть у читателя при ознакомлении с рецензируемым здесь сочинением — ложное чувство собственной продвинутости. Кстати, его регулярно можно наблюдать у части русских интеллектуалов из-за нашего темпорального запаздывания с освоением многих «новых» классиков XX века. Именно к ним в социальной теории спорта без сомнения относится бывший профессор американистики Амхерстского колледжа А. Гуттман².

© Кильдюшов О. В., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-1-164-170

1. Guttmann A. (1978). *From Ritual to Record: The Nature of Modern Sports*. New York: Columbia University Press. Отдельные главы книги публиковались в тематических номерах журнала «Логос»: Гуттман А. (2009). От ритуала к рекорду / Пер. с англ. А. Маркова // Логос. № 6 (73). С. 147–187; Он же. (2013). Капитализм, протестантизм и современный спорт / Пер. с англ. В. Нишукова // Логос. № 5 (95). С. 1–42; Он же. (2014). Игра, забавы, состязания, спорт / Пер. с англ. В. Нишукова // Логос. № 3 (99). С. 191–208.

2. Его перу принадлежит целый ряд работ по исторической и теоретической социологии спорта: *The Games Must Go On: Avery Brundage and the Olympic Movement* (New York: Columbia University Press, 1984), *Sports Spectators* (New York: Columbia University Press, 1986), *Whole New Ball Game: An Interpretation of American Sports* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1988), *Women's Sports: A History* (New York: Columbia University Press, 1991), *Games and Empires: Modern Sports and Cultural*

Некоторые отклики на публикацию его эпохального труда лишь подтверждают парадокс, характерный для постсоветской культурной ситуации в целом: в российском интеллектуальном сообществе гораздо лучше известны и освоены теоретические продукты и артефакты вторичного или даже третичного уровня, возникшие в качестве интеллектуальной реакции и/или критики «очень известных», но так и не прочитанных теоретиков типа Гуттмана³.

Следствием подобной «перевернутой» рецепции западной истории идей является процесс псевдоархаизации подлинно оригинальных концепций, заложивших понятийный фундамент позднейших дискуссий. Иными словами, тот же Аллен Гуттман как бы «устарел» уже потому, что мы гораздо лучше знакомы с новейшей критикой, «преодолением» или «снятием» его мысли, чем с самими его трудами. Ситуация усложняется еще и тем, что многие «классики» сами постоянно пересматривали, развивали и уточняли свои теории, и наш герой здесь не исключение. Печальным следствием подобной искаженной рецепции оказывается утрата теоретической связности в «исследованиях», основанных на «новейшей», но не обязательно «важнейшей» западной литературе...

Несмотря на ёвроц некоторых позднейших критиков, для международного сообщества спортивных теоретиков именно эта работа носила рубежный характер, поскольку позволила по-новому взглянуть на фундаментальную проблему структурных отличий современного спорта от телесных практик предыдущих эпох. Ведь без рамочной парадигмы анализа этого уникального социокультурного феномена невозможно объяснить ту роль, которую спорт играет в обществах позднего Модерна. В последовавших за выходом книги дебатах активно обсуждались, критиковались и уточнялись основные положения Гуттмана, причем особо ему досталось за ориентацию на модернизационные теории в духе великих социальных теоретиков М. Вебера, Т. Парсонса и Н. Элиаса, хотя само понятие «модернизация» в книге вообще не встречается. Наиболее жесткой была критика со стороны марксистски и феминистски ориентированных авторов, а также так называемых постмодернистов, вдохновленных прорывными работами М. Фуко о дисциплинарных институтах современности.

Структурно книга состоит из двух равных по объему частей: в первой (главы 1–3) предлагается систематическая интерпретация общих аспектов современного спорта, в фокусе внимания второй (главы 4–6) находится американский спорт, в частности, ставится вопрос, почему в США столь популярны бейсбол и американ-

Imperialism (New York: Columbia University Press, 1994), Japanese Sports: A History (Honolulu: University of Hawaii Press, 2001), Sports: The First Five Millennia (University of Massachusetts Press, 2004).

3. Так, один из «продвинутых» критиков называет Гуттмана «кустаревшим до абсурда», другая рецензентка ничтоже сумняшеся пишет о его труде следующее: «Как это часто случается с нержавеющей классикой, по факту за прошедшие тридцать с лишним лет она изрядно заржавела: левацкий пафос автора выглядит сегодня забавным анахронизмом (уж не говоря о его преклонении перед спортом в странах «соцлагеря»), а многие вещи, пробуждающие в нем нешуточный полемический задор, давно уже не способны вызвать ничего, кроме вежливой зевоты» (<https://meduza.io/feature/2015/12/04/est-veschi-povazhnee-futbola>).

ский футбол. По сути, это два содержательно и методологически разных исследования, объединенные в рамках одной книги генеалогией познавательного интереса автора. Как объясняет сам исследователь, первоначальным эвристическим импетусом для него стало удивление при посещении футбольного матча на берлинском Olympiastadion: под впечатлением от увиденного там он задался наивным вопросом, почему европейцы обожают игру, которая тогда была почти неизвестна в Америке, т. е. исходной для него была мысль о корреляции спортивных предпочтений с определенными антропологическими типами («национальным характером»). Однако знакомство с европейской традицией изучения спорта⁴ привело его к убеждению, что «историческое различие между традиционным и современным спортом гораздо важнее, чем современное различие между американским и европейским спортом. Иными словами, разница между *сейчас* и *тогда* гораздо важнее, чем разница между *здесь* и *там*» (с. 281).

Тем не менее в работе подробно обсуждается разница между индивидуальными и командными видами спорта (глава 6), причем автор исходит из ошибочности представления о том, что американцы более склонны к индивидуализму, чем европейцы. Сравнивая спортивные предпочтения тех и других, он надеется выявить принципиальные различия в занятиях спортом в Европе и Америке. Более того, он пытается анализировать современные и досовременные черты «национальных» для США видов спорта — бейсбола и американского футбола — как симптомы американской культуры как таковой⁵.

С точки зрения социальной теории наиболее релевантны именно первые три главы, которые, собственно, и являются предметом данных размышлений⁶. Особенно ценна в этом отношении первая глава (с. 11–33), в которой тематизируются отношения между такими близкими, но отнюдь не тождественными феноменами, как игры, состязания и собственно спорт в узком смысле слова. Прояснение семантики и прагматики понятий, обозначающих эти формы культурно-телесных практик, позволяет приступить к решению основной теоретической задачи исследования — проведению структурного различия между современным спортом и его историческими «предшественниками» в виде первобытных, античных и средневековых игр и состязаний.

4. Аллен Гуттман специально изучал французские и немецкие источники и исследования по истории и социологии спорта во время пребывания в Германии в рамках программы Фулбрайта в 1973–1974 годах.

5. Ср. более позднее признание Гуттмана, пришедшего к выводу, что «десятилетия этих попыток закончились провалом» (с. 282).

6. Ср.: «К счастью для меня, о книге «От ритуала к рекорду» судили в основном по трем первым, а не трем последним главам» (с. 283). Это и другие примечательные высказывания приводятся в авторском послесловии (с. 280–297), представляющем отдельную ценность и носящем говорящий подзаголовок «Ретроспективная критика». Оно впервые было опубликовано в 2001 году вместе с рядом критических отзывов на книгу «От ритуала к рекорду». В нем Гуттман не только отвечает на — часто просто несправедливую — критику, но и рассказывает о генезисе собственной концепции и истории ее рецепции. Здесь можно видеть не только содержательную и методологическую эволюцию, но и определенную стабильность взглядов автора.

Этому посвящена вторая глава (с. 34–103), в которой Гуттман сформулировал свои знаменитые семь критериев, выделяющих модерные формы состязательности от традиционных игр и забав: секулярность, равенство, специализация, рационализация, бюрократизация, квантификация и, наконец, рекордизм как характерные черты спорта эпохи Современности. По мнению автора, именно эти ключевые признаки спорта, структурно соответствующие социальной специфике Модерна, сделали возможным его повсеместное распространение в современном мире. В этой связи автор анализирует мифические и религиозные элементы спорта, демонстрируя на примере футбола и других сегодняшних видов механизмы достижения катарсиса в рамках провозглашенной бароном де Кубертеном *religio athletae*.

Аналитический подход в систематике в книге методологически сочетается с импрессионистскими по характеру интерпретациями отдельных кейсов, а анализ эмпирических данных — с субъективными впечатлениями и обращением к литературным текстам. Забавно, что когда-то этот плюрализм в методологии вызвал обвинения в отсутствии научной строгости, в частности, из-за привлечения в качестве иллюстративного материала «фiktивных литературных персонажей». Стоит ли говорить, что после «лингвистического поворота» в социальной теории спорта нынешнее поколение исследователей уже не удивишь обращением к подобным «ненаучным» жанрам⁷.

Между тем, приступая к анализу природы современного спорта, которая и тогда, и сейчас остается предметом споров спортивных теоретиков, Гуттман действует строго научно: вначале исследует основные понятия игры (*play*), игр (*games*)⁸, состязаний (*contests*) и спорта (*sports*), отграничивая их от близкой с точки зрения неутилитарности сферы искусства. При проведении различий он обращается к европейской традиции рефлексии феномена *homo ludens* — от Фридриха Шиллера до Йохана Хейзинги. Более того, помимо философской традиции понимания человека как существа играющего, он указывает на попытки разработать теологию игры, в рамках которой бог предстает Первым игроком (*Deus Ludens*)⁹. Среди теоретиков, к наследию которых он обращается, встречаются имена очень разных мыслителей: Карла Дима, Роже Кайуа, Зигмунда Фрейда, Ролана Барта и др. Результатом прояснения используемых понятий становится схематичная модель, в которой спорт понимается как «игровое физическое состязание». Несмотря на

7. Некоторое время назад один из номеров ведущего американского журнала по социологии спорта был посвящен именно автобиографии и художественной литературе: *Sociology of Sport Journal*. Vol. 17. № 1.

8. Русские переводчики для передачи разницы между понятиями *play* и *games* перевели второе как «забавы», что вряд ли можно считать удачным решением и по семантическим, и по стилистическим соображениям. В результате им пришлось каждый раз приводить английский оригинал, а в ряде случаев и вовсе отказаться от перевода *game* как «забавы».

9. Гуттман ссылается на работы: *Fink E. (1957). Oase des Glücks. München: Karl Alber; Idem. (1966). Spiel als Weltsymbol. Stuttgart: Kohlhammer; Miller D. L. (1969). Gods and Games. New York: World Publishing*.

высокий уровень абстрактности и даже внеисторичности, данный эвристический инструмент позволяет Гуттману дифференцировать характеристики современного спорта и объяснить их отсутствие в предшествующие эпохи¹⁰.

При анализе культурных и социальных предпосылок возникновения спорта современного типа особое внимание уделяется марксистской критике спорта, столь популярной в 1960–1970-е годы. Так, в третьей главе (с. 104–159) автор привлекает марксистские, неомарксистские и иные теоретические подходы, от которых он впоследствии дистанцируется в режиме «критики критики». На его взгляд, радикальное отрицание спорта в духе Т. Адорно и его последователей, разоблачающих спорт как отчужденную и даже репрессивную форму, используемую правящими классами в собственных политических целях, иногда приводит к парадоксальным выводам: если спорт — это всего лишь механизм отчуждения, это означает, что буржуазия, представители которой занимаются им гораздо интенсивнее, чем трудящиеся, подвергает себя отчуждению в гораздо большей степени, чем эксплуатируемые ею рабочие. Более того, «предпочтение игры [спорту] — часть романтического отказа от основ современного общества. В такой перспективе неомарксистская позиция намного ближе консерватизму «Homo Ludens», чем к радикализму «Капитала» (с. 144).

Отвергая марксистски ориентированные версии генезиса спортивных практик как вульгарно материалистические, Гуттман обозначает свою собственную версию как «идеалистическую». При этом он прямо называет Макса Вебера в качестве маркера собственного теоретического подхода¹¹. На его взгляд, именно веберианская интерпретация позволяет «увидеть в микрокосме современного спорта характеристики современного общества: секулярность, равенство, специализацию, рационализм, бюрократическую организацию, квантификацию. Шесть этих характеристик плюс погоня за рекордами... независимо и систематически связывают элементы идеального типа современного общества» (с. 145).

Критики отметили сознательное стремление Аллена Гуттмана уйти от привычного выделения «основных факторов»,нского не только марксизму с его экономическим детерминизмом. Так, крупнейший немецкий философ спорта Х. Ленк писал, что это единственная возможность выстроить теоретическую модель, адекватную комплексности самого феномена спорта. А также о том, что это принципиально невозможно в рамках попыток выделения одного-единственного существенного признака: лишь дифференцированный аналитический подход позволяет критически соотнести с различными элементами собственной концептуальной схемы, учесть многообразие исследуемого феномена и получить к нему доступ посредством междисциплинарного анализа. Ленк отметил усилия автора

10. Ср.: «Есть только один способ понять какое-либо явление — увидеть его на фоне того, что не имеет к нему никакого отношения» (с. 34).

11. Я с удивлением обнаружил в рецензируемой книге такой забавный ляп: Макс Вебер цитируется по русскому изданию фундаментального труда «Хозяйство и общество», причем в качестве года издания указан 2010 год, хотя на русском он до сих пор не вышел (с. 284).

выстроить терминологически однозначный теоретический конструкт на основании предварительно проясненных понятий, и лишь затем приступить к поискам социально-институциональных источников современного спорта¹².

На основании исторических, антропологических, социологических и литературных источников Гуттман сформулировал теоретически амбициозную концепцию современного спорта как универсального феномена Модерна (в его капиталистической и социалистической версиях). Привлечение марксистских и модернизационных теорий позволило ему продемонстрировать структурную взаимосвязь между спортом и характерными моментами общественного развития современных обществ. С момента выхода книги предпринимались многочисленные попытки опровергнуть предложенную им концепцию — как в целом, так и ее отдельные элементы. Прежде всего посредством поиска в телесных практиках древних и традиционных обществ черт, напоминающих современный спорт, например — квантификацию результатов состязаний (особенно в стрельбе из лука). Или, напротив, посредством выявления элементов ритуала в спорте дня сегодняшнего.

Несмотря на эти и иные попытки критики, опровержения и даже «снятия», сочинение Аллена Гуттмана сохраняет свой классический статус именно в силу эвристических достоинств — оно по-прежнему является важной частью спортивно-теоретического канона, задавая целое поле возможностей для дальнейшей концептуализации феномена спорта эпохи позднего Модерна. При этом классик указывал на скромные возможности научного анализа этого феномена, в котором в равной степени интенсивно присутствуют и телесное, и психологическое измерения. Так, в предисловии к своей последней книге он иронично признал: «No one knows enough to write such a book»¹³.

В заключение хочется выразить надежду, что вслед за выходом труда «От ритуала к рекорду» издатели порадуют сообщество отечественных исследователей спорта публикациями других классических для данной субдисциплины социального знания работ, что, в свою очередь, позволит постепенно нормализовать все еще критическую ситуацию с литературой по теоретической спортологии в российском культурном пространстве.

Classics of Social Theory of Sport in Russian

Oleg Kildyushov

Researcher, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: kildyushov@mail.ru

Review: Alen Guttmann, *Ot rituala k rekordu: priroda sovremennoogo sporta* [From Ritual to Record: The Nature of Modern Sports] (Moscow: Gaidar Institute Press, 2016).

12. Lenk H. (1982). Auf der Suche nach dem Wesen des Sports: Ueberlegungen im Anschluss an A. Gutmann, Vom Ritual zum Rekord // Sportwissenschaft. Bd. 12. № 2. S. 202–213.

13. Речь идет о книге «Sports: The First Five Millennia».

Бенедикт Андерсон. Национальное, слишком национальное...

В декабре прошлого, 2015 года ушел из жизни Бенедикт Андерсон, известный большинству читателей и социальных ученых как автор «Воображаемых сообществ». Андерсона сложно охарактеризовать принадлежностью к какой-то одной дисциплине — антрополог, историк, политолог, социолог... — с его уходом обеднело движение социальных наук в целом. Название его знаменитой книги (которое, наверное, более узнаваемо и понятно для социологов, в научном узусе которых есть и «*imagininations of imaginations*» Ч. Кули, и «Социологическое воображение» Ч. Р. Миллса) у всех на слуху — тридцать лет, прошедшие после ее первой публикации, кажется, только прибавили ей популярности и веса в научном мире¹.

В начале восьмидесятых, когда эта книга была впервые опубликована, многим социальным ученым казалось, что национализм изживает себя как политическая идеология и культурный проект для современных, глобализирующихся обществ, что все «национальное» очень скоро превратится в «транснациональное», конструктивистское просвещение одержит окончательную победу над националистической ограниченностью. Эта работа стала своего рода предостережением относительно неоправданного космополитического оптимизма и универсалистского энтузиазма. Она была написана в «нужное» время и «нужным» человеком.

Поначалу может показаться удивительным, что автор, ранее писавший преимущественно о политических проблемах и специфических реалиях Индонезии, вдруг, углубившись в проблематику этносоциологии и теории национализма, публикует книгу, которая не только оказалась в числе «обязательного чтения» для специалистов-исследователей национализма, но вызвала бурные обсуждения в кругу теоретиков. Вопреки утверждавшемуся в кругу теоретиков нарративу о европейском происхождении этого умонастроения, Андерсон прослеживает истоки национализма вплоть до латиноамериканской истории XVII века («креольские пионеры»). Такие понятия, как «печатный капитализм» и «официальный государственный национализм», введенные Андерсоном в научный оборот, теперь широко используются разными исследователями. Хотя в творческой эволюции самого Андерсона обращение к теории национализма выглядит, скорее, как необходимость проанализировать и обобщить результаты своей работы, посколь-

© Баньковская С. П., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-1-171-177

1. В 2001 году вышел в свет и русский перевод: Андерсон Б. (2001). Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

ку через некоторое время он опять возвращается к политической проблематике Юго-Восточной Азии². Обобщение и анализ накопленного к 1980-м годам опыта национализма оказались более чем своевременными накануне новых политических потрясений и приключений националистических идеологий. Андерсон считал своей заслугой то, что в наш глобальный век с его «транснационализмом» (не путать с интернационализмом) и «флюидной идентичностью» «восславил он» национализм: увидел в нем не только жизнеспособную программу мобилизации для современного государства, но и моральную силу сплочения, цемент общества.

«В эпоху, когда прогрессивные интеллектуалы-космополиты (не в Европе ли особенно?) привыкли настаивать, что национализм — чуть ли не патология, что он коренится в страхе перед Другим и в ненависти к нему, что он сродни расизму, полезно напомнить себе о том, что нации внушают любовь... — пишет Андерсон в «Воображаемых сообществах». — Культурные продукты национализма — поэзия, художественная проза, музыка, пластические искусства — предельно ясно изображают эту любовь в тысячах всевозможных форм и стилей»³.

Андерсон считал себя чуть ли не единственным, кто не изображал национализм отвратительным и недостойным цивилизованного человека убеждением. «Если взять таких исследователей, как Геллер и Хобсбаум, то вы увидите, что они довольно враждебно относятся к национализму. Я на самом деле считаю, что национализм может быть привлекательной идеологией. Мне нравятся его утопические элементы»⁴. Андерсону с этих пор предстояло отбивать атаки многих ученых знатоков этого вопроса, но его взгляд на жизненную силу национализма не изменился. Продолжая следить за развитием национализма, он отмечал умножение точек его роста в современном мире: появился Интернет, и по мере того как виртуальная реальность становится частью повседневности, развиваются и новые формы национализма — «удаленный национализм» (евреи в США отстаивают свое государство на Ближнем Востоке, или тамилы в Норвегии, борющиеся за свое государство в Шри-Ланке, а наиболее ярые сикхские националисты, оказываются, живут в Австралии и Канаде), или «онлайн-национализм» (интернет-сообщества, сети, сайты, форумы и т. п., националистического толка). Национализм, по Андерсону, ни «хорош» и не «плох» — он просто есть потребность в идентичности, он... банален. Ссылаясь на недавнюю работу Майкла Биллига с говорящим названием «Обыкновенный национализм»⁵, Андерсон обращает внимание на то, что зачастую ускользает от читателей и критиков «Воображаемых сообществ»: не-

2. См. библиографию избранных работ Б. Андерсона.

3. Андерсон. Воображаемые сообщества. С. 160.

4. Anderson B. (2005). “I like nationalism’s utopian elements”. Интервью с Бенедиктом Андерсоном на международном литературном фестивале Capitell в Ставангере (Норвегия), 2005. <https://www.uio.no/english/research/interfaculty-research-areas/culcom/news/2005/anderson.html>

5. Billig M. (1995). Banal Nationalism. London: SAGE. Биллиг уподобляет национализм человеческому телу (почти Гоббсову Левиафану), которое обычно пребывает в здоровье. Но когда человек заболевает, он может вести себя весьма неадекватно: но мы ведь знаем, что нормальная температура 36,6°, а не 41°.

избежность и неизбывность национализма обусловлена его обыденностью, сама собой разумеющимся свойством пронизывать «воздух, которым мы дышим» (национальна погода, еда, манера одеваться, шутить и т. д.). Поэтому такой национализм — один из базовых элементов солидарности и один из факторов культурной дифференциации; если выбрать его из основания общества, обрушится не только его идеологическое и политическое устройство, но и социальные институты и моральные устои. Национализм, по мысли Андерсона, способствует и улучшению общества: вы следите законам, правилам, традициям потому, что это *ваши* законы, правила и традиции. Наконец, и влияние глобализации проявляется в локальных/национальных формах, т. е. «глобальное» приживается на определенном месте, будучи освоенным (рутинизированным) определенными национальными способами.

Андерсон проясняет свою нравственную оценку национализма, когда говорит, что невозможно быть националистом, не испытывая *стыда* за свою страну. Такая точка зрения на национализм складывается непросто и имеет отношение ко всему его жизненному опыту.

Бенедикт Ричард О'Горман Андерсон родился в 1936 году, в Куньмине (Китай). Семья была англо-ирландская: отец служил в колониальном таможенном управлении, и, по воспоминаниям Перри Андерсона — младшего брата, его опыт борьбы с коррупцией в колониальном управлении Китая оставил неизгладимое впечатление у детей. В 1941 году, спасаясь от японской оккупации, семья переселилась в Калифорнию, а в 1945-м они вернулись в Ирландию, но оказались там в маргинальном положении — отцовские корни уходили в среду ирландских националистов, однако принадлежность к имперской колониальной когорте позволяла считаться им привилегированным меньшинством, обладающим престижем, но зачастую исключенным из сообщества католической идентичности. С одиннадцати лет Андерсон учился в Итоне, затем изучал классические языки в Кембридже. В 1957 году он окончательно переезжает в США, где в Корнелльском университете (почетным профессором которого и оставался до конца дней) находит благоприятную академическую среду для применения своего историко-культурного метода к анализу политической ситуации в Индонезии. Метод, помимо прочего, предполагал получение информации из первых рук, поэтому, освоив (с кажущейся легкостью) индонезийский, голландский и начала японского, Андерсон достиг такой глубины погружения в материал, которую он впоследствии назвал «влюбленностью в традиционную яванскую культуру»⁶. Два с половиной года (1961–1964) Андерсон работал над диссертацией, посвященной борьбе яванцев с голландским колониализмом («Ява во времена революции: оккупация и сопротивление, 1944–1946»). Его анализ предполагал культурный синопсис как разных молодежных и радикальных политических движений, так и различных культурных стилей правления на Яве — голландского, японского и собственно яванского. «Влюбленность», однако, вскоре

6. Reid A. (2016).Benedict Anderson Obituary // The Guardian. 2016. January 1. <http://www.theguardian.com/books/2016/jan/01/benedict-anderson>

прошла: в сентябре 1965 года в результате военного переворота к власти пришел Сухарто и приступил к массовому уничтожению коммунистов и им сочувствующих — было убито от полумиллиона до миллиона человек (что стало «одним из самых жестоких массовых убийств XX века»⁷). Событие глубоко потрясло Андерсона: «Это было все равно как узнать, что твой любимый человек на самом деле — убийца», — признавался ученый. В 1966 году он вместе с коллегой Рут Маквей представил свои результаты расследования этих событий (не совпадавшие с официальной пропагандистской версией) в так называемом «Корнелльском докладе»⁸, который вскоре стал широко известен и популярен среди экспертов и индонезийских диссидентов. Для самого Андерсона этот доклад, опубликованный в 1971 году, послужил причиной выдворения его из страны и запрета посещать любимую Индонезию (Андерсон оставался невъездным с 1971 по 1998 год, когда рухнул режим Сухарто).

Но одним из первых опытов стыда за тогда еще свою страну — Англию — Андерсон считает избиение в Кембридже шриланкийских студентов, протестовавших против британского вмешательства в Суэцкий кризис. С тех пор прошло много времени, и под конец жизни Андерсон признавался, что «больше не испытывает такой привязанности к Англии», у него «остается некоторая (не сильная) привязанность к США и к местам в Юго-Восточной Азии, которые изучал...». «Я долго был связан с Индонезией, но и за эту страну я перестал чувствовать стыд», — заметил он несколько лет тому назад⁹. Андерсон не считал себя космополитом (он говорил, что за свою жизнь встретил не больше пяти космополитов), но и не принадлежал всецело ни одной культуре. Он мог себе это позволить, будучи настоящим полиглотом: читал по-голландски, по-немецки, по-испански, по-французски, по-русски, говорил на индонезийском, тайском, яванском, тагальском языках.

С годами изменилось отношение автора и к своей знаменитой книге, которая, претерпев и критику, и восторги, зажила своей жизнью, став фактически обязательным источником для изучающих нации и национализм. Андерсон, глядя на это приключение идей, с некоторой иронией говорил: «Я отношусь к этой книге как к дочери, которая выросла и убежала с водителем автобуса: я иногда вижу ее, но она действительно пошла собственной веселой дорогой. Я могу пожелать ей удачи, но теперь она принадлежит кому-то другому. Что бы я изменил в книге? Ну, должен ли я пытаться изменить мою dochь?»¹⁰.

Хотя большую часть всего написанного Андерсоном составляют работы, посвященные специфическим политическим проблемам Юго-Восточной Азии, несомненно, свой след в социальной науке он оставил как автор «Воображаемых

7. Indonesia — 1965: The Coup That Backfired (Research Study). December 1968. CIA Library. <http://www.foia.cia.gov/document/research-study-indonesia-1965-coup-backfired-december-1968>

8. Anderson B., McVey R. T. (1971). A Preliminary Analysis of the October 1, 1965 Coup in Indonesia. Ithaca: Cornell University Press.

9. Anderson. “I like nationalism’s utopian elements”.

10. Там же.

сообществ», предложив весьма не конвенциональный взгляд на развитие национализма как глобального социального процесса.

Это же «лица не общее выражение», проявившееся в рассмотрении национализма, отличало Андерсона и в его последующих текстах. Во время последней своей ностальгической поездки в Индонезию он прочитал в Индонезийском университете лекцию, посвященную теме своей новой книги о национализме и анархии. Как вспоминает приемный сын Андерсона Вахиу Юдистира, «вопреки расхожему мнению относительно анархистов, Андерсон высказался о них как о людях, стоксавшихся по справедливости и свободе»¹¹.

Наверное, мы могли бы узнать еще много примечательных черт нашего времени, запечатленных в жизни «блудного сына Британской империи» (как назвал его Джит Хиер из «Нью Рипаблик»¹²), из автобиографической книги Бенедикта Андерсона, которую он назвал «Жизнь поверх границ». Примечательно, что она была уже опубликована на японском, но Андерсон не успел закончить английский вариант. Бенедикт Андерсон скончался (во сне) на острове Ява 13 декабря 2015 года, и прах его был развеян над Яванским морем. Так же как и при жизни, он не принадлежал всецело ни одной стране, ни одной культуре, ни одной узкопрофессиональной ориентации, так и после смерти Бенедикт Андерсон не принадлежит ни одной земле.

Светлана Баньковская

Избранные работы Бенедикта Андерсона

- 1961 Some Aspects of Indonesian Politics under the Japanese Occupation, 1944–1945. Ithaca: Cornell University.
- 1965 Mythology and the Tolerance of the Javanese. Ithaca: Cornell University.
- 1971 A Preliminary Analysis of the October 1, 1965 Coup in Indonesia. Ithaca: Cornell University. (Совместно с Ruth T. McVey)
- 1972 Java in a Time of Revolution: Occupation and Resistance, 1944–1946. Ithaca: Cornell University.
- 1977 Religion and Social Ethos in Indonesia. Melbourne: Monash University.
- 1982 Interpreting Indonesian Politics: Thirteen Contributions to the Debate. Ithaca: Cornell University.
- 1983 Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso.
- 1985 In the Mirror: Literature and Politics in Siam in the American Era. Bangkok: Duang Kamol.

11. Anderson B. (2005). Under Three Flags: Anarchism and the Anti-Colonial Imagination. London: Verso.
Эта работа — результат размышлений Андерсона над проблемой международного терроризма.

12. Heer J. (2015). Benedict Anderson, Man Without a Country // New Republic. 2015. December 13. <https://newrepublic.com/article/125706/benedict-anderson-man-without-country>

- 1990 *Language and Power: Exploring Political Cultures in Indonesia*. Ithaca: Cornell University.
- 1998 *The Spectre of Comparisons: Nationalism, Southeast Asia, and the World*. London: Verso.
- 2001 *Violence and the State in Suharto's Indonesia*. Ithaca: Cornell University.
- 2001 *Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма* / Пер. с англ. В. Г. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле.
- 2005 *Under Three Flags: Anarchism and the Anti-Colonial Imagination*. London: Verso.
- 2012 *The Fate of Rural Hell: Asceticism and Desire in Buddhist Thailand*. London: Seagull Books.

Benedict Anderson. *National, All Too National...*

Svetlana Bankovskaya

Professor of Sociology, National Research University Higher School of Economics
Correspondence Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation 101000
Email: sbankovskaya@gmail.com

Эконом

(Умберто Эко, 1932–2016)

Когда думаешь об Умберто Эко, о его отношении к слову, тексту, знакам культуры, все время приходит на ум одно слово — хозяин. Это не значит стяжатель, пассивный потребитель, ни в коем случае не рантье: он был работник. Но не работник-специалист, подчиненный и порабощенный собственным трудом, а свободный труженик, умеющий менять роли и функции, писать то научные труды, то романы, вообще изобретательно использовать подручный материал. В «Имени розы» есть любопытный персонаж — монастырский эконом: он, с одной стороны, монах, человек духовного призвания, а с другой стороны — практик-распорядитель; подобная двойственность отличала и самого автора романа.

Ему было совсем не чуждо чувство собственности: оттого он внимательно опекал переводы своих книг, общаясь со своими многочисленными переводчиками из разных стран (они образуют особый ремесленный цех, где все со всеми знакомы), обсуждая с ними проблемы их работы, а некоторые из таких проблем даже вынося на публичное рассмотрение — например, в книге «Сказать почти то же самое», где теория перевода частично иллюстрируется практикой перевода сочинений самого же теоретика. То же чувство собственности побуждало его постоянно заниматься переделкой своих старых текстов для новых, особенно переводных изданий: некоторые его книги (по крайней мере, научные) бывает нелегко узнать в иностранной версии, потому что автор перетасовывал их главы, заменял одни тексты другими, а оставшиеся в значительной мере переписывал заново. Так обстоит дело с «Отсутствующей структурой», чья французская версия нередко расходится с итальянской, или с «Ролью читателя», которая в итальянском оригинале (впрочем, вышедшем позже английского перевода) не только сильно отлична по объему и составу, но и называется иначе, по-латыни: «*Lector in fabula*». Книга — подвижный актив, в нее могут инвестироваться то одни, то другие тексты и идеи; и, наоборот, одна и та же идея, одни и те же знания могут пригодиться в разных контекстах — так фундаментальные знания Эко-медиевиста со временем конвертировались в художественный дискурс «Имени розы». Клод Леви-Стросс назвал такой способ интеллектуального хозяйствования «бриколажем», «самодельческой», где ничто не пропадает, все идет в дело, а материалы и орудия труда мало различаются: материал можно применить как инструмент, и наоборот. Следы этого «первобытного» мышления уже обнаруживались в литературной критике, приспособливающей текст к контексту; Умберто Эко практиковал его не то чтобы больше других, но более сознательно, а значит, более творчески, чем многие.

Сознательно — значит с пониманием границ применимости, в данном случае пределов интерпретации текста: можно хозяйствовать у себя дома, но не хозяйствовать на чужой территории, следует уважать интересы партнеров. «Пределы интерпретации» — название сборника научных статей Эко, где он вводит и отстаивает довольно спорное понятие *intentio operis*, «интенции произведения», отличной как от авторской, так и от читательской интенции. Оно должно было ограничить «постмодернистский» произвол в толковании, связать интерпретацию текста с его объективной структурой, которая, впрочем, сама подвижна, не всегда создана намеренно, по воле автора, и порой кажется буквально «отсутствующей», возникающей и исчезающей в процессе письма и чтения. Так и должно быть: в ходе знаковой коммуникации люди относятся к знакам и структурам как к полезному имуществу. Оно послужило, сделало свое дело — и можно отложить его в сторону или же преобразовать, приспособить для нового применения.

Такова общая установка семиотической — но не структуралистской — теории Эко. В семиотике, как и в социологии, есть реалистическое и номиналистическое направления. Реалисты — например, последователи Соссюра (который создавал свою общую лингвистику под влиянием социологии Дюркгейма) — мыслят знаковые структуры как надличные принудительные институты; а номиналисты, одним из которых был Эко, видят в них мягкую, неокончательно зафиксированную силу. Для него семиотические процессы регулируются не кодом/кодексом (соссюровским «языком», т. е. жесткой системой правил), а «энциклопедией» возможных высказываний: тоже своего рода книга, как и кодекс, но не столь авторитарная, более демократичная. Соответственно и сами знаковые структуры не стабильны, а эмерgentны; они не обладают отдельным бытием, но создаются и пересоздаются в процессе семиотических сделок, «трансакций». Этим экономическим термином Эко описывает как общие процессы коммуникации, так и ее конкретные случаи, включая, например, тот же перевод: переводчик в каждый момент своей работы заключает «сделку» с оригиналом, мысленно договаривается с ним или с его автором о возможных трансформациях текста, о потерях и компенсациях, позволяющих «сказать почти то же самое» по-другому.

Изучая художественную литературу, Эко специально выделяет в ней произведения, которые стимулируют работу читателя, заставляют его осознанно «торговаться» об их интерпретации. Согласно названию его ранней книги, такие произведения являются «открытыми», в отличие от «закрытых», однозначных текстов массовой культуры. Некоторые из них устроены еще и особо изощренным способом, требуя читать себя не один, а два раза, причем второе чтение будет интерпретацией уже не текста как такового, а нашего первого прочтения. Мы сами вовлекаемся в процесс чтения как его промежуточный объект, сами делаемся материалом для критического «бриколажа», сырьем для вторичной (само)переработки.

Как известно, в своем собственном литературном творчестве Эко старался создавать именно открытые структуры, предлагая публике параллельно или последовательно проигрывать разные стратегии чтения — например, читать «Имя

розы» то как детектив, то как культурологическое эссе. Соединительным узлом этой двойной конструкции служит герой детектива — сыщик, идеальная фигура интерпретатора, разгадчика чужих загадок. А сверх того в первом, самом знаменитом (возможно, и самом удачном) романе Эко главный герой, монах-расследователь, средневековый Шерлок Холмс, наделен глубочайшим знанием европейской культуры; он владеет ее сокровищами более по праву, чем ее номинальные хранители — монастырские библиотекари, — а потому служит не только идеальным воплощением читателя, но и одной из фигур *автора*.

Заслуженный успех Умберто Эко — сначала научный, а потом и писательский, который в массовом сознании даже затмил Эко-ученого, — вероятно, объясняется потребностью современной цивилизации в таком мудром и деятельном взгляде на ее собственное наследие и устройство. В ней оказался востребован не созерцатель, не пророк, не энтузиаст и не невротический критик культуры, а именно умный, трудолюбивый и рачительный управитель, досконально знающий свои владения — и старинные традиции, и современные проблемы. Западной демократии, которая ныне переживает (как говорят) свой очередной кризис, понадобился человек, способный заново, если надо и на общедоступном языке, осмыслить само понятие демократии — культуры различий: «Кто избегает любой схематизации, кто видит оттенки и тонкие различия, кто принимает противоречия — тот демократ». Умберто Эко стал именно таким человеком. Видеть, принимать оттенки и противоречия, уметь вдумчиво работать с ними — это и есть (если позволительно перетолковать заголовок книги русского философа) его «философия хозяйства».

Сергей Зенкин

Econom (Umberto Eco, 1932–2016)

Sergey Zenkin

Professor, Russian State University for the Humanities

Address: 6 Miusskaya sq., GSP-3, Moscow, Russian Federation 125993

E-mail: sergezenkine@hotmail.com